

Джефф Питерс Лишний доллар не помешает

Великолепная семерка – 2

@rambler.ru

«Джефф Питерс. Лишний доллар не помешает»: Гелеос; 2002
ISBN 5-8189-0203-X

Аннотация

На Диком Западе было золото и серебро, тучные пастбища и плодородные земли, было всё, не было только закона. Это и притягивало сюда лихих парней, предпочитавших добывать золото и серебро не киркой и лопатой, а револьвером. Время от времени местный шериф отчаявшись гоняться за неуловимым бандитом, вывешивал плакат: «Сумма в 1000 долларов будет вручена тому, кто доставит в суд „Бродягу“ Смита. Мёртвым или живым». Эта афишка, прибитая к дверям салунов, к телеграфным столбам, а то и просто наколотая на одинокий кактус, часто решала судьбу тех, кто предпочитал жить вне закона.

Джефф Питерс Лишний доллар не помешает (Великолепная семёрка-2)

Пролог

Было время, когда киллеры приходили за вознаграждением в полицейский участок.

Тогда, в годы освоения Дикого Запада, цивилизация не поспевала за стремительным продвижением границы поселений, Фронттира, и первопроходцам приходилось самим справляться с теми, кто мешал им жить и работать. А таких любителей поживиться за счёт чужого труда хватало везде.

Переселенцы тянулись в край, богатый золотом и серебром, тучными пастбищами и плодородными землями. Здесь было всё, не было только Закона. Привычные понятия рушились, они были непригодны для новых условий, как непригодны в пустыне

франтовской цилиндр и смокинг. Вчерашние законопослушные горожане попадали в страну, где господствовал только один закон – прав тот, кто выстрелил первым. Привычным явлением были здесь уличные ограбления, конокрадство, нападения на почтовые кареты и поезда, налёты на банки, наёмные убийства. Были шерифы, которые занимали эту должность только для того, чтобы убивать и грабить под прикрытием закона.

Богатство приисков и рудников притягивало к себе лихих парней, которые предпочитали добывать золото и серебро не киркой и лопатой, а более лёгким инструментом – револьвером. Заманчивой мишенью для налётчиков были почтовые дилижансы и обозы с продовольствием. Поднаторев в этом деле и собираясь в многочисленные стаи, бандиты останавливали поезда и грабили банки.

Жизнь отдалённых поселений фронта слишком сильно зависела от центра. Оттуда, из больших городов, текли сюда ручейки товаров и денег. И когда грабители расплодились настолько, что эти ручейки стали пересыхать по дороге, жители фронта перестали надеяться на помощь властей и решили сами позаботиться о себе. Чтобы избавиться от бандитов и воров, старатели Калифорнии и шахтёры Монтаны собирались в «комитеты бдительных». Заручившись согласием беспомощных властей, они устраивали облавы и погони, ловили преступников и судили их по упрощённой процедуре – без адвокатов и присяжных, а часто и без следствия. От поимки до исполнения приговора обычно проходило не больше часа, да и это время уходило только на то, чтобы собрать побольше зрителей на представление под названием «публичная казнь». Бурная деятельность «бдительных» не только защищала трудящихся, но и вносила в их суровые будни приятное разнообразие.

На бескрайних просторах Юго-Запада и Великих Равнин с бандитами боролись иначе. Люди здесь селились слишком далеко один от другого и потому не могли объединяться ни в какие комитеты. Да и некогда было. День шахтёра делился на рабочее время, время для сна и время для отдыха, а день скотоводов Техаса и Нью-Мексико состоял только из рабочего времени. Ковбои ели в седле и спали в седле – когда уж тут гоняться за злодеями? Проще было нанять отставного солдата или пришлого горожанина с тонкими руками.

Стада, поезда и банки фронта постепенно перешли под защиту охранных компаний. Детективное агентство Пинкертон из Чикаго отслеживало преступников, особо досаждавших скотопромышленникам, и исправно предавало их в руки правосудия, выставя непомерно высокие счета мясным баронам.

Но был и другой способ, подсказанный развитием печатного дела и рыночных отношений. Время от времени какой-нибудь шериф, отчаявшийся гоняться за неуловимым бандитом, заказывал в типографии плакат такого содержания: «Сумма в 1000 долларов будет вручена тому, кто доставит в суд Джона „Бродягу“ Смита. Мёртвым или живым».

Последняя фраза этого объявления значительно упрощала дело, поскольку затащить в суд живого Джона «Бродягу» было слишком хлопотно. И эта афишка, отпечатанная достаточным тиражом и прибитая к дверям салунов, к телеграфным столбам, а то и просто наколотая на одинокий кактус, часто решала судьбу тех, кто предпочитал жить вне закона.

РЕЛЬСЫ И ЗАКОН

Поезд компании «Юнион Пасифик» рассекал просторы пустыни с умопомрачительной скоростью, двенадцать миль в час. Однако пассажирам вагона третьего класса, сидевшим на жёстких деревянных лавках и безуспешно боровшимся с дремотой, временами казалось, что поезд стоит на месте. Каждый раз, бросая ослеплённый взгляд в окно, они видели один и тот же пейзаж – раскалённая добела потрескавшаяся глина, бугристая россыпь колючек, да серый зигзаг далёких гор на горизонте. И только перестук колёс да равномерное покачивание вагона служили признаком того, что поезд всё-таки перемещался в сторону пункта назначения.

Полковник Дуглас Мортимер не смотрел в окно. Он ездил в поездах не ради того, чтобы любоваться пейзажами. Пассажирский вагон оставался единственным местом, где

ничто не отвлекало его от чтения Библии. «... И добычи много вынес из города. А народ, который был в нём, вывел и умерщвлял ах пилами, железными молотилами и секирами. Так поступал Давид со всеми городами Аммонитян», прочёл полковник Мортимер и на какое-то время отвлёкся от чтения, пытаясь представить себе процесс умерщвления пилами.

Сонную тишину нарушил голос кондуктора:

– Ваши билеты, леди и джентльмены, ваши билеты!

– Долго ли ещё ехать до Тукамкари? – спросил полковник, предъявляя билет.

– Нет, сэр, – отвечал кондуктор. – Будем минуты через три. Ваши билеты!

Полковник откинул крышку своих карманных часов и удовлетворённо кивнул, взглянув на циферблат. «И восстал сатана на Израиля, и побудил Давида сделать счисление Израильтян...»

– Простите великодушно, святой отец, но вы совершили ошибку! – раздался над ухом полковника голос попутчика.

Краем глаза полковник Мортимер заметил, что сидевший рядом с ним человек в котелке и пенсне радостно оживился, найдя, наконец, повод поговорить. Видимо, до сих пор его природную общительность придерживало религиозное чинопочитание. Чёрная шляпа полковника, его широкий чёрный плащ и особенно книга, которую он держал в руках, библия в сафьяновом переплёте с серебряными наугольниками, ценой не менее ста долларов, – все это иногда заставляло окружающих принимать его за одного из странствующих проповедников или миссионеров различных церквей и толков, часто встречавшихся среди пассажиров.

Многие из миссионеров предлагали воспользоваться услугами церкви, которую сами же и основали. При этом они всегда были готовы предъявить местным властям соответствующую лицензию. Иногда, покидая границы новообращённого в свою веру штата, например, перебравшись из Теннесси в Арканзас, они принимались торговать глазами каплями и затычками для ушей, поскольку их религиозная лицензия действовала только в Теннесси, а для Арканзаса имелась фармацевтическая.

Если же никаких лицензий получить не удавалось, миссионеры превращались в просветителей и начинали читать публичные лекции на тему «Мои встречи с Диккенсом», «Частная жизнь французской адвокатуры» или «Мнение медицинской науки о воздействии вальса на психику». Эти темы вызывали неподдельный интерес в образованных слоях Дикого Запада, которые всегда были рады послушать речь, насыщенную научной терминологией. На Восточном побережье утончённую публику Балтимора, Нью-Йорка и Филадельфии можно было привлечь не столько терминологией, сколько демонстрацией курьёзов природы. Зрители охотно посещали лекции о покорении индейцев ради того, чтобы полюбоваться засушенной головой Мангаса Колорадаса, вождя апачей.

– Как жаль, святой отец, что вы сразу не сказали, что вам надо в Тукамкари! Я прекрасно знаю все станции на этой линии и могу вам вполне определённо сказать, что вы сели не на тот поезд. Да, не на тот поезд!

Человек в котелке приветливо и сочувственно улыбался, видимо, ожидая от собеседника каких-то вопросов, вполне естественных в таком положении. Но полковника Мортимера сейчас больше занимало другое. За незаконную переписку населения Израиля Господь разгневался на Давида и, прежде чем покарать, предложил ему на выбор три вида наказания – или трёхлетний голод, или трёхмесячная война, или три дня под мечом Господним. «Я бы выбрал войну», подумал полковник Мортимер, «всё-таки какие-то шансы всегда остаются». Но Давид решил иначе. Пусть лучше впаду в руки Господа, только бы не впасть мне в руки человеческие. «Тоже верно», мысленно согласился с Давидом Дуглас Мортимер. «Бог милостив, а люди... Люди не прощают».

– ...Потому что в Тукамкари останавливаются только те поезда, которые вывозят оттуда скот, а наш поезд там не остановится, – донёсся до него голос попутчика.

– Да? – полковник Мортимер повернул к нему лицо.

– Ближайшая к Тукамкари станция – это, пожалуй, Амарилло, но наш поезд туда не

повернёт. Вам лучше всего будет сойти в Санта-Фе, а оттуда уже добираться до Амарилло, – человек в котелке продолжал оживлённо водить пальцем по стеклу, рисуя невидимую схему маршрутов компании «Юнион Пасифик». – И вообще, раз уж вы отправляетесь в такой путь, вам бы следовало захватить с собой другую книгу. Я имею в виду расписание поездов.

– Да? – повторил полковник Мортимер насмешливо.

– Да. Тогда бы вы знали, что поезд не останавливается в Тукамкари.

– А вот в этой книге написано, что останавливается.

Полковник Мортимер захлопнул библию, застегнул кожаный переплёт серебряной пряжкой и бережно опустил в дорожную сумку.

Глянув в окно, он увидел дощатую платформу с наклонным спуском, деревянную будку и столбы с висящей между ними вывеской. Полковник ещё раз посмотрел на свои часы. Кондуктор был прав. Прошло ровно три минуты.

Мирно дремавших пассажиров разбудили внезапно раздавшиеся металлический скрежет, свист пара и грохот падающих на пол вещей, поезд резко замедлил ход и, окутываясь клубами пара, остановился у дощатой платформы.

Кондуктор соскочил с подножки вагона и поспешил к локомотиву, на ходу успокаивая пассажиров, выглядывающих из всех окон:

– Леди и джентльмены, сохраняйте спокойствие! Сейчас мы все выясним. Машинист! Что случилось?

– Стоп-кран! – закричал в ответ чумазый машинист, спрыгнув на землю и на всякий случай заглядывая под колёса. – Кто-то сорвал стоп-кран!

Дверь почтового вагона резко откатилась в сторону, и на платформу вышел полковник Мортимер, выводя за собой вороного коня. Доски пологого пандуса закрипели, прогибаясь под копытами, конь нервно помотал головой, и полковник успокаивающе потрепал его по изогнутой шее.

– Постойте, мистер! – возмущённо закричал кондуктор, подбегая к полковнику. – С чего это вы вздумали останавливать поезд? Никто не имеет права по собственной прихоти дёргать стоп-кран и нарушать расписание! Если вам надо сойти...

Полковник Мортимер успокоил коня и повернулся к запыхавшемуся кондуктору, побагровевшему от возмущения. При этом чёрный плащ полковника распахнулся, открывая шёлковый жилет и кожаный пояс, густо усеянный патронами. Сбоку выглядывала лакированная рукоятка кольта. Взгляд кондуктора остановился на деталях дорожного костюма, и, странное дело, его щеки моментально перестали пылать багровыми пятнами, на глазах приобретая естественный цвет. И голос кондуктора тут же утратил свой начальственный звон металла.

– Если вам надо сойти... То компания «Юнион Пасифик» охотно пойдёт навстречу любому желанию пассажира.

– Спасибо. Я уже сошёл, – заметил полковник.

– Да, в самом деле, – согласился кондуктор. Он снял форменную фуражку, вытер вспотевшую лысину и развернулся к машинисту: – Поехали, поехали!

Поезд дёрнулся и лязгнул поочерёдно железными суставами. Локомотив протяжно просвистел, обдавая платформу струями пара, и двинулся прочь.

Тем временем полковник Мортимер внимательно изучал плакат, небрежно прибитый к стенке деревянной будки, где сообщалось, что некий Гай Каллавэн, оценённый в тысячу долларов, разыскивается за убийство. Это не было новостью для полковника Мортимера. Как раз за Гаем он и приехал в Тукамкари. Новостью было то, что к сумме на плакате были углём пририсованы ещё два нуля.

Окошко кассы приоткрылось ровно настолько, чтобы показать полковнику опухшую от бесконечного бдения физиономию кассира.

– Смотрю я, вас, мистер, наши расценки удивляют? – кассир ухмыльнулся, звучно скребя медную щетину на щеке. – Хе-хе. Этот молодчик был здесь сам, собственной персоной. Его здорово зацепило, что за него так мало предлагают, вот он и прибавил нулей.

Меня, говорит, дешевле чем за сто тысяч не возьмёшь. Я им, говорит, не мексиканец какой-то. Хе-хе. Ну что, говорит, есть желающие подзаработать? И знаете, мистер, всех вокруг как ветром сдуло. И когда он шёл в салун, на улице не было ни души. Попрытались все. И даже куры боялись приблизиться к нему на расстояние выстрела, хе-хе-хе.

Полковник сорвал плакат со стенки и аккуратно свернул в трубку.

– Мистер, мистер, – забеспокоился кассир. – Шерифу, небось, не понравится, что вы так поступаете с его собственностью. Афишка-то должна висеть, пока сам шериф её не снимет.

– Афишка ваша устарела, – сказал полковник.

Похоже, что ветер, сдувший население городка при появлении Гая Каллавэна, всё еще продолжал неистовствовать. Полковник не встретил ни одного прохожего, пока добирался до салуна. Да и в салуне все столики были свободны, наводя на мысли о чуме, моровой язве или – что было ближе к действительности – о священном для этих краёв времени сиесты. Жители городка все до единого скрывались в своих домах от палящего солнца. И фигура полковника в чёрном плаще и чёрной широкополой шляпе, появившаяся на пороге салуна, не могла не привлечь внимание.

Пианист, по наитию подбиривший вальс новомодного Штрауса, на несколько секунд застыл с поднятыми руками, опасливо оглядывая вошедшего. Ему часто приходилось сталкиваться с острой критикой своего искусства, о чём свидетельствовали многочисленные царапины, оставленные на инструменте метко кинутыми бутылками. Но полковник никак не продемонстрировал своих музыкальных пристрастий, и в пустом салуне снова безнаказанно зазвучали кошмары «Венского леса».

Бармен без слов подвинул по стойке навстречу полковнику бутылку бурбона. Полковник так же без слов отодвинул её на исходную позицию, а на освободившемся месте развернул афишку, добытую на станции.

Глаза бармена опустились, скользнули по тексту и равнодушно уставились в пространство.

– Где я могу найти этого джентльмена? – мягко спросил полковник Мортимер.

На лице бармена возникла гримаса, которую сам он, видимо, привык считать выражением оскорблённой невинности.

Полковник повторил вопрос, с неожиданной цепкостью ухватив бармена за воротник и притянув к себе.

Если у бармена и были подозрения в принадлежности посетителя к поповскому племени, теперь они улетучились без следа. Оскорблённая невинность на его лице мгновенно уступила место неподдельному испугу. Глаза бармена выразительно поднялись вверх, в направлении номера люкс на втором этаже, мол, как подниметесь, вторая дверь направо.

Полковник остался вполне удовлетворён тем, что прочитал в глазах бармена. Его не мог ввести в заблуждение голос собеседника, в котором оскорблённая невинность прозвучала с удвоенной силой:

– Я не обязан отвечать, где кто находится!

Пианист, уловив своим чутким профессиональным слухом короткий диалог, перешёл от вальса Штрауса к традиционной мелодии кадрили, которую обычно наяривал по вечерам, заглушая шум скандалов и потасовок. Музыка была как нельзя кстати, и полковник поднимался по скрипучей лестнице, не опасаясь привлечь к своим шагам преждевременное внимание постояльцев.

Вот и вторая дверь направо. Полковник замер перед ней, прислушиваясь.

Возможно, за этой дверью находился человек, которого искал полковник. Человек, который уже к двадцати годам обвинялся в тринадцати убийствах. Первые восемь зарубок на рукоятке кольца Гай Каллавэн сделал ещё в Нью-Йорке, потом перебрался в Техас в поисках более спокойной жизни, и здесь за год застрелил пятерых – не считая мексиканцев, погибших от его пуль по ту сторону границы. Гай не был ни грабителем, ни киллером.

Примыкая то к одной, то к другой банде, он участвовал в угонах скота или в налётах на дилижансы ради небольшой доли от добычи, а потом просаживал её в кабаках. Но в каждом налёте и в каждом кабаке он оставлял свой кровавый след. Похоже, ему доставляло удовольствие убивать людей на глазах многочисленных свидетелей. Он мог выстрелить в незнакомца, сидящего на табурете у стойки бара, только для того, чтобы освободить табурет.

Мрачная слава Гая Каллавэна расплзалась по приграничным посёлкам, где некому было остановить психопата. К тому же считалось, что своих он не трогает, а убивает только чужаков. Естественно, каждый предпочитал доказать Гаю, что он – свой, и остановить его мог только человек со стороны.

Развитие железнодорожной сети определённо способствовало укреплению законности. Полковник ни за какие деньги не согласился бы гоняться за Гаем по пустыне или выслеживать его в каньонах. Совсем другое дело – под стук вагонных колёс провести несколько часов за чтением библии, найти вполне приличный салун с благоустроенными номерами, и постучать в дверь, чтобы удостовериться – за ней находится именно Гай Каллавэн, а не какой-то неудачливый шутник.

Полковник внимательно прислушивался к тому, что происходило за дверью. Судя по сопению, поскрипыванию кроватных пружин и шуршанию снимаемой одежды, сейчас был самый подходящий момент, чтобы предъявить обвиняемому все многочисленные повестки из нескольких судов трёх штатов.

– Ну, Гай, мне неудобно... – кокетливо капризничала женщина за дверью.

– Не дёргайся ты, – отвечал ей грубый мужской голос.

– Ну, Гай...

Оставалось убедиться, что за дверью находится не Гай Юлий Цезарь, а Гай Каллавэн. Полковник Мортимер развернул афишку и подсунул её под дверь номера. Через минуту послание было обнаружено.

– Ну, что ты делаешь, мне же щекотно! Ой, Гай, смотри... Это ты там нарисован?

Полковник постучал в дверь и предусмотрительно отошёл в сторону. Как и следовало ожидать, ответом ему были четыре пули, которые вылетели из двери, с треском отламывая длинные щепки. Грохот выстрелов ещё отдавался на лестнице, когда полковник услышал, как за простреленной дверью внутри номера хлопнула створка оконного стекла. Он заглянул в номер. Сизые лохмотья порохового дыма уплывали в открытое окно. Слышались быстрые шаги человека, бежавшего по верхней галерее. Вот он остановился, закрипели перила, и тут же раздался звук прыжка на твёрдую землю с высоты второго этажа: удар каблуков, треск порванной ткани и пара соответствующих выражений.

Выглянув в окно, полковник увидел убегающую фигуру. Он повернулся и вышел из номера, не забыв галантно приподнять шляпу, прощаясь с перепуганной полураздетой женщиной, забившейся в угол кровати.

Спускаясь по лестнице и проходя через салун мимо окаменевшего бармена, полковник слышал, как Гай Каллавэн подбегает к коновязи, как, торопясь и путаясь, отвязывает лошадь, и, наконец пытается вскочить в седло... Вот застучали копыта. Наглый и неустрашимый убийца стремительно удалялся по длинной пустой улице, а полковник Мортимер ещё даже не коснулся оружия.

Всё это время внутри полковника работал невидимый дальномер, отсчитывавший расстояние до цели. Тридцать метров... Полковник подошёл к своему коню. Тридцать пять метров... Полковник расстегнул седельную сумку... сорок метров... извлёк из неё винчестер...¹ сорок пять метров... лязгнул затворной скобой... пятьдесят метров... Выстрел!

¹ Винчестер – название винтовок и карабинов, выпускавшихся с середины 19 века американской фирмой стрелкового оружия (по имени её основателя О. Ф. Винчестера). Трубчатый подствольный магазин вмещал 5, 6, 9 и больше патронов, которые могли применяться и при стрельбе из револьвера. Перезарядка производилась скобой, расположенной под шейкой приклада, движением вниз, что позволяло произвести подряд несколько выстрелов, не нарушая прицеливание.

На другом конце улицы, у самого поворота, поднялось облако пыли. Это на полном скаку рухнул и перевернулся через голову конь, которому пуля полковника вошла под лопатку.

Гай Каллавэн выбрался из-под убитого коня и оглянулся. Полковник выстрелил второй раз, и Гай повалился в пыль, вскрикнув от боли.

Полковник Мортимер вложил винчестер в специальное гнездо на откинутах вниз клапане седельной сумки, между дробовиком и длинноствольным револьвером. Он нежно похлопал по шее своего коня, взбудораженного выстрелами, и неторопливо принялся пристёгивать к рукоятке револьвера плечевой упор. На другом конце улицы над убитой лошастью поднималась шатающаяся фигура противника.

Гай Каллавэн, зажимая свободной рукой рану на плече, поднял кольт и закричал:

– Ну, теперь тебе не жить!

Прогремел выстрел, и фонтанчик пыли взметнулся на дороге в двух шагах от полковника. Вторая пуля ударила в землю у задних ног коня.

Полковник прижал пристёгнутый упор револьвера к плечу и прицелился. Гай успел выстрелить ещё раз, и последняя его пуля зарылась в землю так же, как и предыдущие – он был слишком далеко от полковника, чтобы попасть в него, стреляя из колта. Да, оружие никогда не подводило его, когда надо было выстрелить человеку в спину с трёх шагов. И даже на двадцати шагах Гай редко промахивался. Но сейчас цель была слишком далека, и Гай, поняв это, двинулся навстречу полковнику, тяжело переступая негнушимися ногами.

Хлёстко ударил выстрел мощного оружия. Длинный ствол револьвера полковника даже не шелохнулся, выбросив облачко голубого дыма. А на другом конце улицы Гай Каллавэн, убийца стоимостью в тысячу долларов, повалился поперёк своего коня, и во лбу его чернела аккуратная дырка.

Вечером шериф выложил на стол перед полковником Мортимером пачку замусоленных банкнот.

– Если и дальше так пойдёт, вы разорите наш округ, – проворчал помощник шерифа, глядя, как исчезли деньги в глубине дорожной сумки.

– Не волнуйтесь, – ответил полковник Мортимер. – Мне нечего больше делать в ваших краях. Здесь нет того, кто мне нужен. А с остальными вы и сами справитесь.

– А кто вам нужен? – поинтересовался шериф. – Может быть, вот этот подойдёт?

Он показал свежий плакат, на котором красовалась крупная надпись: «Разыскивается Рид „Малыш“ Кавано. Вознаграждение тысяча долларов».

Полковник внимательно взгляделся в черты лица преступника и покачал головой.

– Нет, это не тот. Впрочем... Где он сейчас?

– Ребята видели его по дороге в Уайт Рокс.

– Далековато, – задумчиво произнёс полковник. – А поезд туда идёт? В моём справочнике нет такой станции.

– За день верхом доберётесь, – заверил помощник шерифа. – Это соседний округ. Желаю вам успешно почистить их кассу.

– Но поторопитесь, – предупредил шериф. – Об этом «Малыше» меня уже спрашивал ваш коллега.

– Что за коллега?

– Какой-то ирландец в пончо.

– Лошадка у него приметная, серая в чёрных пятнах. Я таких только в бродячем цирке видел, – добавил помощник шерифа.

– Не знаю такого, – равнодушно произнёс полковник Мортимер.

– Нахальный тип, – заверил его шериф. – Вы бы видели, как он скривил губы. Тысяча долларов? Ладно, говорит, лишний доллар не помешает.

– Поторопитесь, полковник, – сказал помощник шерифа. – Пусть лучше деньги достанутся вам, чем какому-то нахалу.

Полковник Мортимер раскурил трубку и покачал головой.

– Не люблю спешить. Лучше я подожду поезда на Саута-Фе. Почитаю в дороге. А что касается нахала, то надо же и ему как-то зарабатывать на жизнь.

ЕЩЁ ОДИН НЕ ЯВИЛСЯ В СУД

Пробираясь под проливным дождём по скользким улицам посёлка Уайт Рокс, Бернардо О'Райли размышлял, как это ни странно, о недвижимости.

В свои двадцать пять лет он знал множество способов заработать на жизнь. Если бы ему нужны были кусок хлеба да стакан виски, он легко нашёл бы более спокойное занятие, чем охота на людей. Но он собирался крепко встать на ноги, то есть обзавестись своим домом. Настоящим домом, причём именно своим, своим на сто процентов. Его не прельщала участь фермера-арендатора. Жить в чужом доме, работать на чужой земле? А потом от всего, что ты вырастишь и соберёшь, тебе достанется лишь жалкая часть, а всё остальное заберут хозяева? Нет, такая рабская доля не подходила ему, гордому потомку ирландского пастуха и мексиканской батрачки.

У него, О Таили, будет своя ферма. Все как у людей. Сто шестьдесят акров² земли. Плодородной земли, а не болота или пустыни. Может быть, под хлопок, а может быть, под кукурузу – там видно будет. Не так-то легко найти то, что подходит именно тебе. Особенно если занимаешься поисками сам, без посредников. Недвижимость – товар непростой. Иную ферму за двести долларов не продашь, а другую не купишь и за двести тысяч. Качество жилища, прибыльность хозяйства – это ещё не все. Соседи тоже много значат. Особенно для О'Райли, который давно решил: никаких соседей. Ферма должна стоять на расстоянии двух ружейных выстрелов от ближайшего чужого забора.

Кстати, о выстрелах. Неделю назад ему удалось пополнить свою копилку после удачной засады на последнего из братьев Джунти, скрывавшегося в каньонах. О'Райли выслеживал его целую неделю, и перед последним выстрелом пролежал на раскалённом гребне дюны девять часов, не шевелясь, не сводя взгляда с выхода из каньона и потягивая воду из фляжки через соломинку. Когда Джунти, наконец, выехал на коне из каньона и его фигура вырисовалась на фоне розовых песков, О'Райли не стал предлагать ему немедленно направиться в суд округа Отеро. Он прижался щекой к раскалённому прикладу, совместил прорезь прицела с фигурой всадника, задержал дыхание и плавно нажал на спуск.

Всадник мешком свалился в песок, а лошадь испуганно отскочила в сторону. О'Райли, не шевелясь, плавно перезарядил винтовку. Он следил не за упавшим, а за лошадью, и она оправдала его ожидания. Взбрыкивая и брезгливо отбрасывая песок задними ногами, она унеслась, скрывшись за волнами дюн. От живого хозяина не убежала бы, решил О'Райли, и оказался прав. Просчитался он в другом. Ему так и не удалось поймать животное, и тело Джунти пришлось две мили тащить волоком по песку, чтобы добраться до зарослей колючего кустарника, где О'Райли прятал своего коня.

Сегодня всё будет гораздо проще. Малыш Кавано осмелился появиться здесь, в посёлке, после дерзкого налёта на банк в Амарилло. Это двести миль от Уайт Рокс, но что значат расстояния в эпоху телеграфа? Местный шериф наверняка уже предупреждён, что Кавано скрывается поблизости, и сам придёт посмотреть на его труп.

Дождь загнал под гостеприимную крышу салуна мужскую часть обитателей посёлка. Глядя из-за мокрых стёкол, О'Райли заметил среди публики только трёх женщин – пышнотелая блондинка поправляла в углу комнаты чулок, пожилая мексиканка разносила пиво, третья, с красным цветком в чёрной косе, любезничала с кавалером. Разглядев шерифскую звезду на его кожаном жилете, О'Райли толкнул качающиеся створки дверей и

² Акр – американская единица измерения площади, около 0, 4 гектара. Надел в 160 акров был стандартным размером земельных угодий, необходимых для полноценного существования семейной фермы.

вошёл в салун.

Шериф оглянулся. Увидев незнакомца, он согнал с лица похотливую ухмылку и отошёл от своей очаровательной Розы Прерий, которая тут же под села к компании за ближайшим столиком.

О'Райли знал, что уже одним своим видом он наводит смертную тоску на тех некоторых представителей закона, которые предпочитают тишину. Был он высоким и поджарым, обветренная кожа туго обтягивала скулы, короткая жёсткая борода отливала медью, как звериная шерсть. Из-под низко надвинутой шляпы светились серые, зоркие глаза охотника. Он носил мексиканское пончо – просторную накидку, которая укрывала его от шеи до бёдер, и знал, что за глаза его так и зовут – «ирландец в пончо». Все в округе уже знали, что из-под этого пончо иногда показываются разные предметы, нарушающие тишину и опасные для жизни.

Шериф с озабоченным видом попытался пройти мимо О'Райли, но тот остановил его, доставая огрызок сигары:

– Как насчёт огня?

Шериф поднёс О'Райли свою дымящуюся сигару. Удерживая его руку в своей и прикуривая, ирландец заметил:

– Похоже, вся компания в сборе. И Малыш Кавано тут?

Шериф затравленно огляделся, но О'Райли крепко держал его руку и всё никак не мог раскурить свою сигару.

– Покажи мне Малыша, – попросил он.

– Не устраивай здесь баталию, – сквозь зубы процедил шериф. – Мне лишний шум ни к чему.

– Лишнего шума не будет, – заверил его О'Райли. – Мы просто поговорим. И уйдём вместе.

– Он вон за тем столиком, – шериф показал глазами. – Спиной к тебе. В бархатном жилете.

– Спасибо, – улыбнулся О'Райли, и сигара его, наконец, задымилась.

– Кажется, дождь кончился, – чуть громче произнёс шериф. – Мне пора.

– А я пока сыграю в карты, – сказал О Таили.

Шериф, сердито отмахнувшись от Розы Прерий, вышел из салуна под дождь, намереваясь с новыми силами заступить на охрану правопорядка и законности во вверенном ему посёлке. А О'Райли, глядя на широкую спину Малыша Кавано, обтянутую расшитым бархатным жилетом, вспомнил одну правдивую историю, о которой много говорили лет десять назад, когда он был ещё мальчишкой и верил всем правдивым историям.

Речь шла о Диком Билле Хикокке, одном из самых славных стрелков. В восемнадцать лет он покинул семейную ферму в Иллинойсе и отправился на запад. В Небраске парнишка столкнулся с бандой Макканлов и в перестрелке убил троих. Так началась его слава. В войну он был разведчиком в войсках северян, а после войны – федеральным маршалом³ в Канзасе. Все его враги умирали одинаково – с пулей внутри черепа. Бросив службу, Хикок колесил по стране вместе с шоу Баффало Билла, восхищая публику своей меткостью. Но однажды в Дакоте, когда он играл в салуне в покер, кто-то выстрелил ему в спину. И Дикий Билл, непобедимый Хикок умер за покерным столом, не успев раскрыть карты. Их раскрыли другие – и этими картами были два туза и две восьмёрки. Сочетание, которое называют Рукой Мертвеца...

Суть этой правдивой истории была в том, что непобедимого противника тоже можно победить. Если он подставит спину.

Сутулая спина Малыша Кавано была превосходной мишенью, но О'Райли не мог ему

³ Федеральный маршал или судебный исполнитель – в США: высокий полицейский чин на уровне штата, округа, графства. Выполняет решения федерального суда. В отличие от шерифа не избирается населением, а назначается правительством.

позволить хоть в чём-то сравняться с великим Диким Биллом. Поэтому он подошёл к игровому столу и властно положил руку поверх колоды, готовой к раздаче. Кавано и его партнёры с интересом подняли головы, разглядывая незнакомца.

Если, сидя за столом, смотреть снизу вверх на подошедшего, он покажется значительно выше, чем на самом деле. На самом деле О'Райли вовсе не упирался шляпой в потолок салуна, как показалось игрокам. Хотя, возможно, он и на самом деле был выше и здоровее всех в этом посёлке. Если бы они были даже наполовину такими здоровыми, как ирландец, у них хватило бы смелости давно сдать Кавано властям, а не играть с ним в карты, да ещё и подыгрывать при этом.

Если же глядеть на людей сверху, по крайней мере с высоты роста О'Райли, трудно удержаться от презрительного сочувствия к их незавидной доле. Какие жизненные невзгоды пригнули этих немощных к покерному столу? Знакомы ли им радости бега по душистым холмам в погоне за раненым бизоном? Знают ли эти рано увядшие руки, как приятна тяжесть лотка с золотым песком? Нет, не знают, решил О'Райли. Им бы только тасовать да сдавать засаленные карты.

«Вот куда уходят награбленные деньги: на игру, на пьянку, на блуд», – обличительно произнёс внутренний голос О'Райли, обращаясь к невидимым присяжным начавшегося судебного процесса. Как же изуродованы их души и мозги, если они ценят эти сомнительные удовольствия выше человеческой жизни! Все они готовы убивать – и убивают! – только ради того, чтобы дождливым днём сидеть в душном накуренном салуне, потягивать дорогое виски, спускать в игре кучу денег, а потом на пять минут отдавать своё тело в распоряжение опытной потаскухи. Достойны ли жить такие ущербные создания? «Нет, недостойны!» – хором ответили О'Райли невидимые присяжные.

Он быстро оглядел Малыша Кавано и компанию. Опасен только Малыш, трое остальных – сосунки, раздувающие щеки и топорщащие редкие усики. Их просто распирает гордость от того, что сам Кавано играет с ними в покер. Они останутся жить, если не будут делать лишних движений. Многих, очень многих сгубило непонимание разницы между дружбой, приятельством и случайным знакомством.

На всякий случай О'Райли решил считать, что Кавано сидит не со случайными партнёрами, а с друзьями. Все четверо были вооружены: набедренные ковбойские кобуры свисали до пола, но предохранительные ремешки были беспечно застёгнуты. Ну почему, почему они решили, что за покерным столом им ничто не угрожает?

Левой рукой О'Райли сдал карты себе и Кавано. Правая рука его оставалась под накидкой, и игроки, заметив это, предпочли не возражать против неожиданного появления нового участника игры. Кавано тоже посмотрел на мокрое в бусинках воды пончо нового игрока. В таком наряде ходили только мексиканцы, но ни один из них не осмелился бы заглянуть в салун, когда здесь собиралось приличное общество. Под пончо может скрываться всё что угодно. Например, обрез дробовика со взведёнными курками. И хотя многие умирали от любопытства, никто не решился что-нибудь спросить у пришедшего. Ведь умирают не только от любопытства...

Кавано принял вызов и вступил в игру. Он взял карты со стола, долго изучал их, стараясь придать лицу абсолютно непроницаемое выражение. Наконец, он поменял две, улыбнулся довольно и разложил свои карты на столе. У него были три короля. В обычной игре такая комбинация почти всегда побеждает, и Кавано имел основания для довольной улыбки.

О'Райли так же выложил на стол свои карты, и все увидели три туза. Кавано нахмурился и переглянулся с партнёрами. Но никто из них не высказал никаких замечаний – незнакомец не запускал пальцы в рукав, не пытался заглянуть под рубашку карты – всё было сделано по правилам.

Удача никогда не бывает лишней, хотя сейчас О'Райли и не рассчитывал выиграть. Ему достаточно было затеять ссору за карточным столом. А исход таких забав ни у кого не вызывает удивления. Проигрывает тот, кто хуже стреляет.

– Что-то я не могу вспомнить, – сказал Кавано, оглядывая своих приятелей. – Какая у нас была ставка?

– Ставка? – переспросил О'Райли. – Твоя жизнь.

Кавано резко опустил руку к кобуре, но О'Райли ударил его наотмашь так, что Малыш слетел со стула. Не давая ему подняться, О'Райли добавил пару пинков, а потом поднял за шиворот и прижал к стойке бара, и всё это – одной левой. Правая рука его по-прежнему оставалась под полами пончо, и приятели Кавано сочли за лучшее оставаться неподвижными. Особенно после того, как О'Райли на секунду оглянулся в их сторону.

– Рид Кавано по кличке Малыш, тебя ждут в суде Амарилло, – объявил он во всеуслышанье. – И ты отправишься туда вместе со мной, живым или мёртвым.

В салуне повисла напряжённая тишина. Пожилая мексиканка торопливо собирала на поднос пустые кружки, стараясь не греметь ими.

Кавано облизал разбитые губы и кивнул. О'Райли чувствовал, что все тело Малыша сотрясает крупная дрожь. Он подумал, что в следующий раз надо будет иметь при себе хорошую верёвку, чтобы связывать тех, кого не удалось подстрелить. Но вдруг его левая рука, прижимавшая противника к стойке, ощутила, что противник перестал дрожать. Малыш отвёл взгляд в сторону, и его губы дрогнули, раздвигаясь в улыбке.

В наступившей тишине О'Райли услышал, как за его спиной скрипнули створки дверей.

– Малыш не пойдёт с тобой, – раздался сзади грубый голос. – Отпусти его и отойди на три шага.

Не оборачиваясь, О'Райли скользнул взглядом по витрине бара, заставленной бутылками, и в свободном уголке зеркальной стены увидел тех, кто пришёл на подмогу Кавано. Три фигуры в низко надвинутых шляпах стояли в дверном проёме. За ними на улице промелькнул силуэт, явно стремившийся скрыться. Под лучом проглянувшего солнца предательски сверкнула шерифская звезда на жилете. «Так вот куда отправился шериф, – сообразил О'Райли. – Видно, здесь у Кавано надёжное прикрытие, потому-то он сюда и приехал. Вся банда в сборе, и шериф наверняка в сговоре. Ну что ж, лишний доллар не помешает...»

Их было трое, и они держали свои револьверы нацеленными на О'Райли. Если бы у них хватило ума встать не так тесно, ему пришлось бы прикрываться Малышом, как живым щитом, а ведь случайная чужая пуля могла оказаться смертельной, и тогда не приходилось бы рассчитывать на вознаграждение.

Но они стояли плотной кучкой, застряв в дверном проёме. Ну кто им мешал спокойно войти в салун, окружить О'Райли и только потом заявить о себе? Тогда ему пришлось бы вертеться и плясать, как пьяному зайцу, и стрелять по ногам, чтобы не зацепить случайных зрителей, не то вместо вознаграждения получишь уютную комнату с видом на решётку...

Все это, и многое другое, что нельзя выразить печатным словом, О'Райли произнёс мысленно, поворачивая голову и обращаясь к незримым присяжным.

Вот и нашлось занятие для правой руки.

Он развернулся так резко, что полы накидки сами взметнулись вверх, открывая револьвер, прижатый к бедру. Три выстрела прозвучали в тишине, и трое в дверном проёме повалились один на другого. О'Райли шагнул к ним, отпустив Малыша. Это был коварный трюк, но иначе было нельзя. Малыш успел вскинуть револьвер. Но – только вскинуть. О'Райли прострелил ему грудь раньше, чем Кавано взвёл курок.

Среди тех троих, кого О'Райли убил за компанию с Малышом, только один, Лу Арантес, числился в розыске и стоил тысячу долларов. Двоих других шериф не признал – или сделал вид, что не признал. О'Райли не стал с ним спорить.

Шериф взвесил на ладони пачку денег:

– Эти две тысячи долларов я копил три года. Что ты будешь делать с такой кучей денег?

– Куплю себе вот такую звезду, как у тебя, – ответил О Таили.

- Зачем?
- Действительно, зачем покупать? – усмехнулся О'Райли и, протянув левую руку, сорвал звезду с жилета шерифа. – Я слышал, что шериф должен быть смелым и честным. Это правда?
- Правда, – побледнев, ответил шериф, следя за правой рукой собеседника.
- Значит, вашему посёлку нужен другой шериф, – сказал О'Райли, выйдя из участка и швырнув смятую звезду в сточную канаву.

ТЮРЬМА ИМЕЕТ ВХОД И ВЫХОД

Старая крепость, в которой содержали Фредерика Гривса, более известного под кличкой Эль Индио, была построена ещё при испанцах. Позднее ею владели мексиканцы, сбросившие колониальное иго. Уже при них исчез крепостной ров, а из четырёх башенных ворот открываться могли только южные. Когда же крепость вместе со всем Техасом вышла из-под власти мексиканцев, перестали открываться и южные ворота, и новым хозяевам пришлось пробивать пролом в стене, чтобы устроить новый вход в крепость.

Причиной всех этих перемен был наступающий на крепость песок. Песчаные дюны, незаметно для глаза, но безостановочно перетекая по пустыне, засыпали крепостной ров и подступили вплотную к стенам крепости. Если бы теперь кому-то вздумалось штурмовать эту твердыню, построенную по всем канонам испанской фортификации, он легко обошёл бы без осадных башен и выдвижных лестниц. В некоторых местах до верхнего края стены легко можно было достать, приподнявшись на цыпочки, – так высоко поднимались здесь наносы песка.

К счастью для гарнизона крепости, времена штурмов и осад остались в далёком прошлом, и сейчас крепость служила перевалочной базой для рейнджеров, совершавших объезд границы. А в подземных казематах за толстыми решётками отбывали свой срок заключения лишь несколько преступников.

В одной из таких камер и содержался Эль Индио.

Когда Эль Индио лежал на своей жёсткой дощатой койке, ел свою похлёбку за столом или стоял у решётки, равнодушно глядя в темнеющую глубину подземного коридора, тогда он казался обычным человеком. Если бы в такие минуты его показали уцелевшим пассажирам ограбленных им дилижансов, вполне возможно, они и не узнали бы в нём того жестокого и беспощадного убийцу, который на их глазах лишил жизни несколько десятков человек.

У банды Эль Индио был свой особый почерк: налёты на банки были молниеносными, а похищенные суммы – умопомрачительными. Об этих случаях мало кто знал: банки берегли репутацию. Гораздо большую известность получили действия бандитов Эль Индио на большой дороге. Они останавливали дилижансы, высаживали пассажиров, связывали их в цепочку и уводили в заранее подготовленное место. В то время, как одна часть бандитов рылась в багаже, другие во главе с самим Индио обыскивали захваченных пленников. Если Индио казалось, что кто-то пытается сопротивляться или слишком дерзко на него смотрит, он убивал таких. Женщины, которые ему нравились, становились наложницами на два-три дня, после чего он обычно отпускал их, щедро расплатившись.

На счету Индио не было ни громких ограблений поездов, ни перехваченных сундуков с федеральным золотом, однако его считали самым опасным преступником в Арканзасе и Теннесси, не говоря уже о Техасе. Индио не просто боялись – его ненавидели, причём гораздо сильнее, чем прочих. Люди могут понять вора, могут оправдать убийцу, но они не прощают унижения. Индио был объявлен вне закона, его портреты украшали стены всех полицейских участков. Несколько раз сообщалось о его смерти, и кому-то удалось даже получить вознаграждение – убитый преступник действительно был похож на портрет с афишки. Видимо, предприимчивый киллер позаботился о том, чтобы нашлись свидетели, под присягой подтвердившие личность убитого.

Слухи о собственной гибели дошли до Индио, когда его банда отсиживалась в Оклахоме. После этого он завёл себе обычай обязательно представляться перед ограблением. И когда отпускал пленников, настоятельно просил их передать всем, что ограбление совершил именно он, Эль Индио, живой и здоровый.

Его дерзость заставила власти поднять цену, и в конце концов бандит оказался за решёткой. При этом Индио необычайно повезло: он никого не убил в Техасе, иначе болтаться бы ему в петле. Суд посчитал, что двадцати лет изоляции от общества будет вполне достаточно, чтобы преступник успел осознать всю глубину своего падения и начал постепенное духовное возрождение. Некоторые законники там, на Восточном побережье, полагали, что исправлению преступников способствует умеренный физический труд в обществе себе подобных. Но здесь, в Техасе, рассчитывали только на изоляцию, раз уж не удалось подвести негодяя под смертную казнь. Исправится Индио или не исправится, – а двадцать лет спокойной жизни штату гарантированы.

В эту ночь снаружи стояла неимоверная духота, потому что даже здесь, в подземелье, среди вечно прохладных каменных стен, трудно было заснуть. Индио ворочался с боку на бок, прикладывая к потному лбу холодную кандальную цепь. Его единственный сосед по камере тоже не спал и беспокойно бродил из угла в угол.

Сокамернику Индио не давала заснуть не только духота. По ночам его одолевали тяжёлые мысли, которыми он ни с кем не мог поделиться. Временами его охватывало отчаяние от ощущения вопиющей несправедливости. Неужели он заслужил такую участь – сидеть в подземелье, в то время как по сравнению с деяниями Индио его собственное преступление было просто ничтожным?

Столяр-краснодеревщик, долгие годы он трудился не покладая рук, и только однажды оступился на жизненном пути. Бес попутал его спрятаться вечером внутри банка, чтобы ночью порыться в его сокровищах. Он смог открыть только самый маленький шкаф с деньгами, но и его содержимого хватило, чтобы набить полные карманы, и обернуть вокруг тела ещё два пояса с долларами – и получить пять лет тюрьмы, попавшись на выходе из банка! И эти пять лет он проведёт рядом с убийцей, вором и насильником!

Столяр остановился у решётки, прислушавшись. Ему показалось, что в ночной тишине слышались необычные звуки. Шаркающая возня, короткий писк, всхлип – и снова тишина. «Наверно, голодные крысы дерутся», – подумал столяр, отворачиваясь от решётки.

Индио тоже слышал странные звуки, но расценил их иначе. И это неудивительно. Откуда столяру знать, как всхлипывает человек, когда ему перерезают горло?

Часовой, дремавший в коридоре каземата, не заметил, как сзади к нему подкралась тёмная фигура. Грубая рука зажала рот, а острое лезвие ножа скользнуло поперёк горла. Кровь хлынула чёрной блестящей струёй, заливая каменный пол, и часовой повалился в растекающуюся лужу.

Четверо бандитов проникли в крепость без особого труда. Поднявшись по песчаному наносу на крепостную стену, а затем спускаясь в каземат они бесшумно зарезали одного за другим троих часовых. Скоро Индио слышал шаги. Загremел ключ в замке, и решётка с визгом раздвинулась.

– Мы пришли за тобой, Индио! – проговорил здоровяк с лицом, изуродованным ветвистым шрамом от виска до подбородка.

– Нино! Слим! Кучилло! И ты здесь, Хью? – Индио вытянул перед собой руки, скованные кандалами. – Парни, долго же вы добирались.

– Мы не привыкли ходить пешком, – Нино развёл руками.

Один из бандитов встал на колени, звеня связкой ключей, и кандалы со звоном упали на пол. Другой кинул револьвер, и Индио схватил его на лету.

– Полтора года я не держал в руках оружие, – проговорил он, блаженно улыбаясь. – Если бы вы знали, какая это мука.

Индио подошёл к своему оторопевшему соседу и дружески положил руку ему на плечо:

– Видишь, за мной пришли. Я же говорил тебе, что время пролетит быстро. Собирайся, амиго, пойдёшь с нами.

– Я? С вами? Нет, Индио, нет... – столяр в испуге отшатнулся. – Я слишком стар, чтобы убегать из крепости... Сейчас поднимется тревога... Моё сердце не выдержит, когда за нами погонятся охранники...

– Они не погонятся, – произнёс Индио. – Собирайся.

– Нет, – твёрдо ответил столяр. – Мне страшно. Лучше я останусь в тюрьме, чем всю жизнь проживу в страхе.

– Ну, что же, оставайся в тюрьме... Прощай, амиго!

Столяр не успел открыть рот для ответа, как Индио приставил ствол револьвера к его груди и выстрелил. Тело несчастного отбросило к стене. На его белой рубашке чернел круг с дыркой посередине.

Индио наклонился и достал небольшой свёрток из-под тюфяка соседа.

– Пошли на крышу, – произнёс Нино.

– погоди, есть ещё одно дело, – помотал головой Индио. – Хочу заглянуть к начальнику караула.

Бандиты расступились, и он вышел из камеры первым. Перешагнув через труп часового, Индио наступил босой ногой в лужу крови. Он быстро и уверенно шагал по коридору, оставляя на полу чёрные блестящие следы.

Подойдя к двери, окованной железом, он постучал в створку закрытого окошка.

– Что там за шум, Родригес? – послышался из-за двери недовольный голос начальника караула, и створка отворилась внутрь.

– Плохие новости, господин сержант! Ваши заключённые разбежались! – сказал Индио и выстрелил прямо в лицо, показавшееся в окошке.

Где-то внутри крепости заскрежетали железные двери.

– А вот теперь нам пора на крышу, – сказал Индио и первым побежал по крутым ступеням.

Свой побег он задумал давно, как только его перевели в крепость. Индио удалось подружиться с соседом по камере, которому были разрешены свидания, и простодушный столяр через свою жену смог передать весточку для безутешной матери Индио. Наверно, жена столяра была немало удивлена, когда, разыскав табачную лавку в Санта-Фе, вместо дряхлой старушки обнаружила за прилавком здоровяка с ветвистым шрамом в пол-лица. Но её сомнения быстро растаяли, когда здоровяк заплатил ей пять серебряных долларов. Он был так счастлив, что наконец-то узнал, куда уехали его бесшабашного младшего братишку! «Спасибо, сеньора, преогромнейшее спасибо», – рычал он, улыбаясь одной половиной рта.

Здоровяк Нино и сейчас улыбался, едва поспевая за своим главарём по высоким ступеням каменных лестниц. Бандиты выбрались на крышу крепостной стены и рассыпались вдоль неё. Они не собирались убегать, а притаились за каменным парапетом и навели оружие на внутренний двор.

Внутри крепостных помещений раздавались встревоженные крики солдат. Они гурьбой выбежали во двор, на ходу застёгиваясь и заряжая винтовки.

– Строиться! – скомандовал запыхавшийся офицер. – Первая команда начинает преследование, вторая...

Распоряжение осталось незавершённым, потому что Индио выстрелил в офицера с крепостной стены. Бандиты принялись палить из всех револьверов и ружей. Началась бойня. Крепостные стены, предназначенные для защиты от противника, превратились в западню. Солдаты металась по двору, падая под непрерывными и беспощадно меткими выстрелами, и в три минуты всё было кончено.

Бандиты пришли к стенам крепости пешими, рассчитывая найти лошадей в крепостной конюшне. Так и вышло. Лошади, оружие, патроны – здесь было всё, что нужно для жизни. Теперь банда Индио была готова к новым победам.

Но сначала необходимо было рассчитаться со старыми долгами. И банда направилась

на север, к одинокому ранчо, стоявшему на берегу Ред Ривер.

Хозяин домика был новосёлом в этих краях. Около года назад он купил себе эту землю за двадцать тысяч долларов и поселился здесь с молодой женой и маленьким сыном. Соседи знали о нём немного, да и то, что они знали, было неправдой. Правду о нём знал Индио.

Он знал, что на самом деле хозяина ранчо зовут Тим Баркер, что был он наёмным убийцей и заработал свои деньги, участвуя в междоусобной войне мясных баронов. И, самое главное, он знал, что именно Баркер выстрелил ему в спину полтора года назад. Тогда истекающего кровью Индио приволокли в участок и долго ждали, пока он подохнет, но он не доставил такой радости и выжил. Он выжил и отправился в тюрьму, а Баркер получил свои пять тысяч долларов и отправился покупать ранчо на Ред Ривер. И вот теперь они встретились.

Баркер не подозревал, что за ним давно уже следили подручные Индио. Слим прикормил собак, и они не залаяли, когда чужие люди перелезли через забор и окружили дом. Работники с ранчо были отпущены в город на ярмарку, поэтому Баркеру никто не мог помочь. Нино вышиб дверь, и бандиты ворвались в дом, живо скрутив хозяина и его жену с малолетним ребёнком.

Индио не торопясь прошёлся по дому своего кровного врага. Это был хороший дом, настоящее гнёздышко. Под босыми ногами Индио расстилались мягкие лоскутные коврики, радовали глаз бумажные обои, где на светло-зелёном поле распускались нежно-розовые тюльпаны. Тут и там на стенах в геометрическом порядке висели литографии в рамочках, под настольными лампами были заботливо подстелены вышитые салфетки, а полированная этажерка была густо заставлена книгами – точнее, каталогами магазинов, торгующих по почте.

Бандит вошёл в спальню и замер, поражённый роскошью. Его глазам больно было смотреть на белые высокие подушки на искрящемся голубом покрывале. Толстый ковёр на полу гасил шаги и ласково прижимался к ступням, словно уговаривая никуда больше не идти, а остаться здесь. На туалетном столике красовались зеркало и изящная шкатулка из слоновой кости. А в углу он увидел настоящий фарфоровый умывальник с овальной раковиной и белым кувшином, и голубой шарик мыла лежал в фарфоровой мыльнице. Несколько белых полотенец свисали с вешалки, и казалось, к ним никогда ещё не прикасалась рука человека.

Индио взял кувшин, наклонился над раковиной и вылил воду себе на голову. Слегка вытер лицо полотенцем и бросил его под ноги. Теперь он знал, что сказать Баркеру.

– Ну что, амиго, как идут дела? Твоё хозяйство процветает? – поинтересовался Индио.

Баркер, прикрученный к стулу верёвками, поднял голову и прохрипел, с трудом разлепив разбитые губы:

– Отпусти... их...

– Нет! – закричала его жена, и ребёнок на её руках заплакал ещё громче. – Мы никуда не уйдём без тебя, Тимоти! Пусть забирают все, все деньги, все вещи, только пусть оставят нас с тобою!

– Заткнись! – повернулся к ней Индио. – Не лезь, когда мужчины разговаривают.

Хью и Кучилло по очереди били связанного Баркера плётками, а Нино и Слим держали его жену за плечи.

– Вот видишь, Ти-и-имоти, что может наделать один неудачный выстрел, – сказал Индио. – Лучше бы ты тогда убил меня. И мне было бы лучше, и тебе. И семье твоей тоже было бы лучше, если бы ты убил меня. Но ты не убил. И теперь... Сколько лет мальчику?

Он подошёл к женщине и наклонился над плачущим ребёнком. Из кармана своей жилетки Индио достал золотые часы на цепочке и покачал ими перед лицом малыша, но тот не перестал надрываться в крике. Индио поморщился:

– Сколько ему?

– Восемнадцать месяцев, – жалобно проговорила женщина.

– Как интересно. И я отсидел под землёй восемнадцать месяцев, – сказал Индио. –

Неспроста такое совпадение. Как ты думаешь, Баркер? Твой ребёнок жил ровно столько, сколько я потерял из своей жизни. Ты видишь, Баркер? Он жил за мой счёт, ты видишь? И этот дом ты купил за мой счёт, и вся твоя жизнь – за счёт моей жизни. Видишь, как получается? Но пора отдать то, что ты отнял у меня. Отдай мне мои восемнадцать месяцев, Тимоти Баркер.

Индио раскрыл свои часы, и они заиграли. Крики ребёнка заглушали нежную мелодию, и Индио поднёс часы ближе к уху, блаженно улыбаясь, прикрыв глаза и покачивая головой.

– Уведите этих, – небрежно взмахнул он пальцами, не переставая улыбаться с закрытыми глазами.

Бандиты вывели женщину с ребёнком на руках во двор, закрыв за собой дверь, но детский плач звучал с прежней пронзительностью.

– Отпусти... Отпусти их! – выкрикнул Баркер, силясь встать. – Ты пришёл за мной, так убей меня! Но не трогай их, ведь они ни в чём не виноваты перед тобой!

Внезапно детский плач оборвался. В наступившей тишине переливалась мелодия часов.

– Что ты наделал... – прошептал Баркер, опуская голову.

В комнату вернулись Нино и Слим.

– Развяжите его, – приказал Индио. – Баркер, у тебя есть последнее желание? Наверно, есть. Например, вернуться в тот самый день, когда ты целился в меня, да?

Он рывком поднял Баркера со стула и вложил револьвер в его кобуру.

– Можешь выстрелить в меня снова. Но теперь всё будет по-честному. Посмотрим, как ты стреляешь, когда противник не стоит к тебе спиной. Мои правила такие. Слышишь эту музыку? Как только закончится, стреляем. Всё ясно? Приступим.

Индио отошёл к другой стене просторной комнаты и встал лицом к противнику. Баркер стоял, пошатываясь, по его скуле двумя струйками стекала кровь, но серые глаза из-под разбитых бровей смотрели твёрдо, не мигая.

«Динь-динь, динь-динь...», наигрывали часы, замедляя темп. Баркер пошевелил пальцами у кобуры. Индио стоял неподвижно, презрительно улыбаясь.

Бандиты по-хозяйски устроились на стульях и кровати, равнодушно глядя на Баркера. Они привыкли к таким поединкам, которые Индио устраивал со своими пленниками. И мелодию эту они знали не хуже него. Вот, сейчас, ещё два мелодичных удара, и часы замолчат, Баркер дёрнется, но Индио, как всегда, выстрелит первым...

Часы замолчали, но Баркер не пошевелился. Индио вскинул свой кольт и выстрелил, Баркер схватился за живот и опустился на колени. Он был ещё жив, но не пытался нащупать оружие. Качаясь взад и вперёд, он стоял на коленях и с вызовом смотрел на противника. Индио выстрелил ещё раз. Ещё выстрел, и ещё! Тело Баркера, наконец, рухнуло на пол, опрокинув стул. Комната наполнилась дымом. Бандиты за ноги выволокли труп во двор, а Индио опустился в кресло и в ярости выкрикнул, ударив рукояткой револьвера по подлокотнику:

– Он даже не собирался стрелять!

– Какая разница, – заметил Нино. – Ты рассчитался с ним.

– Но он не рассчитался со мной, – мотая головой, простонал Индио. – И теперь мне его не достать... Ладно. Встретимся с ним в аду. А пока у меня и здесь дел хватает.

ПОЛКОВНИК НЕ УХОДИТ НА ПОКОЙ

Полковнику Мортимеру пришлось задержаться в Тукумкари. «Внутренность моя мучает меня всякий час, когда я стараюсь постигнуть путь Всевышнего и исследовать хотя часть суда Его. Он отвечал: не можешь... Но вот, Господи, ты близок к тем, которые к концу близятся, и что будут делать те, которые прежде меня были, или мы, или которые после нас будут? Он сказал мне: венцу уподоблю я суд Мой; как нет запоздания последних, так и

ускорения первых»⁴.

«Венцу уподоблю, – подумал полковник. – Венку, значит. Все мы сплетёмся в венок. И все окажемся перед Судом одновременно. Надеюсь, Гай Каллавэн не видел моего лица, а если и видел, то не запомнил...»

Сидя в тени водокачки и читая библию в ожидании поезда, он заметил, что расклейщик афиш оставил на стенке кассы новое объявление о розыске. Полковник уложил библию в сумку и неторопливо направился к афише. До поезда оставалось ещё пятнадцать минут, и не мешало бы как следует размять ноги, чтобы они не затекли за время долгой поездки.

Он подошёл к кассе – и замер. Казалось, он не слышал, как свистел поезд, приближаясь к станции, кондуктора кричавшего ему что-то, свесившись с подножки вагона... Поезд ушёл, перрон опустел, а полковник Мортимер всё стоял перед кассой и вглядывался в лицо на плакате. Оно было ему знакомо, и он уже почти потерял надежду снова его увидеть. А ему очень, очень хотелось встретить это лицо, причём не дожидаясь Страшного суда.

«Разыскивается! Бежавший из тюрьмы! Фредерик „Эль Индио“ Гривс! Живой или мёртвый! 10 000 долларов!!!»

По следу Индио полковник шёл несколько лет. За это время он отправил в преисподнюю нескольких самозванцев, выдававших себя за знаменитого грабителя. Иногда он почти настигал банду, но каждый раз что-нибудь да мешало выйти на главаря.

Однажды в Арканзасе он целый час просидел в салуне за одной стойкой с плешивым бандитом по кличке Слим. Тот расспрашивал случайных собутыльников, как побыстрее добраться до Мемфиса. Полковник сидел к нему спиной и не вмешивался в разговор, а только слушал. Его поразило, как толково этот Слим выпытал все особенности охраны дилижансов, детали их маршрутов и, самое главное, состав пассажиров. Он задавал совершенно безобидные вопросы, иногда провоцируя небольшой спор, и время от времени сводил все к рассказам о роскоши притонов далёкого и желанного Мемфиса. А собутыльники, сменяя друг друга, выложили ему, когда в эти самые притоны отправятся богатые скотопромышленники, чтобы спустить там свои денежки.

Полковник знал, что Слим состоит в шайке Индио и все эти расспросы закончатся налётом на дилижанс по дороге в Мемфис. Он даже выяснил точную дату налёта и смог отправиться в Мемфис этим же самым рейсом. Но дилижанс доехал без приключений, и полковник горько пожалел, что не схватил Слива в салуне. Может быть, тот выдал бы главаря после настойчивых расспросов. А может быть, затеял бы стрельбу, и тогда полковник получил бы за него хотя бы полтысячи долларов.

Но убивать рядовых бандитов полковник не хотел, боясь спугнуть Индио. Тот был живуч и осторожен, как старая крыса, но, в отличие от безобидной, хоть и мерзкой твари, не был привязан к какой-либо местности. Сегодня он ограбит дилижанс в Арканзасе, через неделю – в Теннесси, а ещё через месяц объявится в Техасе. В этом-то и была главная причина, почему Индио так долго оставался недосыгаем для Закона. Никто не знал, где его дом и куда он сбывает награбленное. Его маршрут был непредсказуем, и полковник надеялся только на то, что, убивая всех объявленных вне закона, он рано или поздно столкнётся и с Индио.

Всё, что делал бандит, было отвратительно. То, что приходилось делать полковнику, чтобы найти его, было ещё отвратительнее. Мало того, что ему приходилось убивать несчастных, которых жизнь заставила встать на неверный путь. Ему ещё приходилось стрелять из-за угла, стрелять в спину, стрелять без предупреждения. Старый солдат, на войне он презирал снайперов, и чужих, и своих. Ему по душе был честный открытый бой. А люди, способные стрелять в человека без предупреждения, были не солдатами, а убийцами. Да, на войне без хорошего снайпера не обойтись. Как не обойтись в мирной жизни без палача. Но недаром лицо палача скрывает маска, спасая его от презрения тех, ради кого он встал на этот

⁴ Третья книга Ездры, 5.

путь.

Что делать, полковнику пришлось стать палачом, и он надеялся, что никто из его знакомых никогда об этом не узнает. Другого способа найти Индио у него нет. И он будет убивать людей, которые не сделали лично ему ничего плохого, и будет получать за это деньги. В конце концов, они все равно приговорены к смерти, и, может быть, полковник исполнит приговор лучше многих – то есть неожиданно и безболезненно. Да, именно так. Что может быть лучше неожиданной и безболезненной смерти? Он бы и сам не отказался от такого исхода – но только после того, как убьёт Индио.

Полковник усмехнулся, поймав себя на благопристойном самообмане. Неожиданно и безболезненно? А вы забыли, полковник, как погиб Гай Каллавэн? Сначала вы дали ему вкусить ужас паники и бегства, потом швырнули его оземь с коня. Но и этого вам показалось мало. И вы прострелили ему плечо, чтобы он помучился от боли, да к тому же потерял способность к меткой стрельбе. И наконец, вы позволили ему перед смертью пережить обжигающее, испепеляющее душу отчаяние, отчаяние бессилия. Чего стоят после этого ваши красивые слова о неожиданной и безболезненной смерти? Кстати, кто сказал вам, что получить пулю в лоб не больно? Те, кто получили?

Ничего не поделаешь, Гай сам виноват. Он слишком бурно наслаждался своей безнаказанностью: резвился с женщиной, сытый и пьяный, вполне довольный собой – а люди, которых он убил, гнили в могилах. Если бы полковник встретил его где-нибудь в прерии, изнывающего от жажды и жары под убийственным солнцем... Нет, твёрдо сказал себе полковник. Даже и тогда я дал бы ему помучиться. До рассвета. Казнь есть казнь, и у палачей тоже есть свои слабости.

Несколько минут он стоял на перроне, глядя на знакомое лицо. Постепенно к нему вернулась способность трезво оценивать действительность. Пункт первый. Если Индио бежал из тюрьмы, значит, ему в этом кто-то помог. Кто? Понятно, кто – оставшиеся в живых члены его банды. Пункт второй. Если банда собралась снова, значит, она будет действовать. Как? Вряд ли эти люди начнут возделывать землю или строить дороги. Они будут делать то, что умеют. А умеют они немного. Лучше всего у них получается грабить банки. Третье. Если Индио после долгого отсутствия захочет вернуть себе прежнее положение в мире по ту сторону закона, ему придётся совершить такое ограбление, перед которым померкнет всё, что было сделано прежде.

Полковник Мортимер окончательно успокоился, поняв, что эта афиша, случайно обнаруженная им в пути, была не вызовом и не насмешкой, а всего лишь приглашением на встречу.

Оставалось только уточнить место. Полковник надеялся получить ответ у самых компетентных и ответственных специалистов. И пришёл в банк.

Учтивый клерк проводил его к управляющему.

– Рад видеть вас, сэр! – управляющий вышел из-за стола, улыбаясь так широко, словно приветствовал старинного сердечного друга.

– Дуглас Мортимер, – представился полковник, и управляющий улыбнулся ещё шире.

– О, Мортимер! Из Вирджинии!

– Каролина, – сухо поправил его полковник.

– Ах да, ну конечно, Мортимер из Каролины! – управляющий усадил полковника в кресло, и только после этого опустился на своё место за просторным столом. – Итак, сэр, что же привело вас к нам?

– Думаю, мой ответ не покажется вам странным. Я ищу самый лучший банк.

– Позвольте уточнить, сэр, – управляющий с глубокомысленным видом скрестил пальцы перед собой и откинулся на спинку кресла. – В каком смысле «самый лучший»? В этом простом, на первый взгляд, слове скрывается масса нюансов. Мы можем сравнивать учреждения банковской системы по разным качествам, с разных точек зрения, и в таком случае множество банков могут быть названы лучшими. Следует учитывать объёмы капитала, длительность работы, надёжность охраны. Огромное значение имеет репутация

основателей. Кроме того...

– Я понял, – кивнул полковник. – Уточняю. Я ищу самый крупный и самый надёжный банк в округе.

– В таком случае, позвольте заверить вас, мистер Мортимер, – управляющий, казалось, приподнялся в своём кресле на невидимой пружине. – Наш банк – это именно то, что вы ищете.

– Охотно верю, – полковник с интересом следил за тем, как возносится его собеседник. – Но давайте посмотрим на этот вопрос с другой стороны. Представьте на минуту, что я – грабитель. Специалист по банкам.

– Грабитель? – как и следовало ожидать, управляющий начал медленно оседать в своём кресле, возвращаясь к первоначальным размерам.

– Грабитель, причём за спиной у меня целая шайка бандитов. И мне нужна большая добыча. Очень большая, чтобы хватило на всех. Какой банк покажется мне самым лучшим? Может быть, ваш?

– Нет, не наш, – быстро ответил управляющий. – Если вам нужна большая добыча, то мы не подходим. Не хотелось бы перегружать вас излишними нюансами, но мы не держим наши деньги в сундуках. Наши деньги, то есть деньги наших вкладчиков, они всё время в обороте. Акции, знаете ли, векселя, залоги, кредиты. Я бы рекомендовал вам... Может быть, попытаетесь ограбить почтовый поезд? В поездах перевозят изрядные суммы.

– Нет, – покачал головой полковник. – Меня интересуют банки. Только банки, где лежат крупные суммы. Как насчёт банка в Амарилло?

– Не уверен, что вы останетесь им довольны. Дело в том, что там очень редко накапливаются крупные запасы. Всё зависит от мясного рынка, от сезонных колебаний, а ещё от...

– Тогда, быть может, Санта-Фе?

– Там целых два банка, но оба мелкие.

– А что вы скажете про банк Моргана в Эль Пасо?

– Видите ли, с учётом всех нюансов... я не рекомендовал бы вам банк в Эль Пасо, – после напряжённого раздумья проговорил управляющий. – Хотя именно в Эль Пасо, и как раз в банке Моргана всегда высокая концентрация наличных денег.

– Достаточно высокая?

– Конечно, сэр! Там держат миллионы долларов!

– Тогда почему же вы не рекомендуете этот банк?

– О, сэр, я боюсь вас разочаровать, – управляющий развёл руками. – Грабитель, возможно, этого и не знает, но охрана в банке Эль Пасо одна из самых лучших. Его охраняет целая армия. Не банк, а настоящая крепость.

– Вы меня не разочаровали, – удовлетворённо сказал полковник Мортимер, вставая из мягкого кресла. – Вернёмся к началу нашего разговора. Я искал банк, в который мог бы положить очень крупную сумму. Думаю, что своим советом вы оказали мне неоценимую услугу.

– Мы всегда рады помочь столь уважаемым людям, – управляющий светился тихой радостью облегчения. – Это наша обязанность, сэр, с максимальной точностью информировать своих посетителей обо всех тонкостях и нюансах.

Полковник щёлкнул крышкой карманных часов и взглянул на циферблат.

– Тогда, может быть, вы скажете, когда ближайший поезд до Эль Пасо?

ЛУЧШИЙ НОМЕР В ЛУЧШЕМ ОТЕЛЕ

Эль Пасо по-испански значит «проход», «тропа». На месте этого когда-то города

проходила удобная тропа, соединяющая южные плоскогорья с северными прериями. Здесь горы расступались, и Рио-Гранде текла широко и спокойно, не сопротивляясь тем, кто пересекал её вброд.

На южном, мексиканском берегу люди селились с давних пор. Северный берег начали осваивать переселенцы из Штатов, когда ещё земли к северу от Рио-Гранде принадлежали Мексике. Тогда никто не возражал против пришельцев. Требовалось только, чтобы они называли себя католиками и могли изъясняться по-испански.

Но пришельцев становилось всё больше и больше. Через пару десятков лет Техас провозгласил независимость от мексиканского правительства, от испанского языка, от папы Римского, и объединился с другими независимыми штатами. К тому времени посёлок скотоводов постепенно превратился в городок. Вокруг него раскинулись хлопковые плантации, на склонах гор аккуратно выстроились фруктовые сады. А когда к городку подобралась, наконец, железная дорога, Эль Пасо в считанные месяцы превратился в густо населённый город.

О'Райли не любил задерживаться в больших городах. Если на улице было больше четырёх домов, у него начинало свербить между лопатками, а колыт сам норовил выскочить из кобуры при малейшем шорохе сзади.

Но здесь, он чувствовал, придётся задержаться. Пришелец остановился на площади перед банком и спрыгнул с лошади. Направо от него высилось двухэтажное здание отеля с каменным цоколем и деревянными стенами в изысканной бурой краске. Налево красовалась вывеска «Салун и номера».

Пока О'Райли размышлял, чем отличается «отель» от «номеров», его коня уже подхватил под уздцы расторопный местный житель лет двенадцати от роду.

– Эй, сеньор! Мистер! Капитан, добро пожаловать в Эль Пасо! Меня зовут Фернандо, я вас провожу. Вам нужна комната с ванной? Вы ищете, где конюшня? Вот ваш отель, генерал!

– Погоди, приятель. Куда ты меня ведёшь?

– В отель, куда же ещё?

– Почему в этот?

– Потому что он самый лучший, сеньор, именно то, что вам нужно. В салуне вы изведёте все свои патроны, отстреливаясь от тараканов. А здесь все комнаты чистые и недорогие. А вечером к вам заглянет хозяйка.

– Хозяйка? – О'Райли поскрёб щетину. – Так она, наверно, замужем?

– Конечно. Но ей всё равно, а вам тем более, разве не так?

Бойкий мальчишка мог бы и дальше перечислять все достоинства отеля, но О'Райли уже и сам заметил его главное преимущество. Угловые окна верхнего этажа выходили на площадь и на главную улицу, так что можно было видеть и банк, и все подходы к нему.

Фернандо не оставил без внимания изучающие взгляды своего клиента и затараторил с новой силой:

– А это наш банк. Когда у меня появятся деньги, я обязательно сделаю вклад и буду жить на проценты. Красота, правда, сеньор? Ничего не делаешь, только приходишь в кассу и получаешь свои денежки, а они растут себе и растут, как трава.

– Ты можешь заработать на первый взнос уже сегодня, – сказал О'Райли. – Скажем, пятьдесят центов. Видишь монетку? Она будет твоя, когда ты заметишь здесь поблизости незнакомца, и сразу скажешь мне об этом.

– Гоните монету, сеньор, – Фернандо протянул руку. – Он появился в городе сегодня утром. С поезда сошёл.

О'Райли бросил ему монетку и спросил:

– Ты заметил, где он остановился?

– Конечно.

– И где?

Вместо ответа Фернандо показал пустую ладошку. О'Райли усмехнулся и бросил

мальчишке вторую монетку.

– В салуне, где же ещё, – ответил Фернандо, пряча свой заработок в карман. – Я сам его туда и пристроил. Да вон он, стоит на крылечке. Только не поворачивайтесь к нему всем телом, сеньор, и не показывайте пальцем – он смотрит как раз на нас.

О'Райли и сам уже заметил у салуна человека в чёрном плаще. Незнакомец раскуривал трубку, отворачиваясь от ветерка. После чего, выпустив облачко дыма, пересёк площадь и поднялся по ступеням банка, скрывшись за массивной дверью.

– А от него ты ещё не получал денег? – спросил О'Райли. – Что он у тебя спрашивал?

– Ничего, сеньор.

Глаза Фернандо лучились светом честности и простодушия, но О'Райли уже слышал, что в кармане мальчишки бренчат не только две монетки.

– Ты можешь хорошо заработать, – сказал он. – Дай мне знать, если увидишь на площади ещё каких-нибудь незнакомцев. Только дай мне знать первому. Договорились?

– Конечно, сеньор! А чем вас этот не устраивает?

– Этот? Он слишком гладко выбрит, – сказал О'Райли. – А меня интересуют небритые, лохматые, в запylённых сапогах с большими шпорами.

– То есть похожие на вас, сеньор? Понятно!

О'Райли уже предвкушал, как он растянется на широкой кровати, скинув тяжёлые сапоги. Войдя в отель, он обратился к портье:

– Мне нужна угловая комната наверху.

– К сожалению, сеньор, этот номер занят, – без малейшего сожаления в голосе ответил портье. – И все соседние номера тоже. У нас наверху нет ни одного свободного номера. К величайшему сожалению.

Вот за что ещё О'Райли не любил большие города, так это за то излишнее внимание, с которым горожане разглядывали его одежду. Почему-то все они считали, что добропорядочный христианин не может носить толстое пончо, простреленную шляпу и солдатскую рубашку? Вот и этот клоп с напoмаженными волосами считает, что человек в таких сапогах недостоин переночевать в его клоповнике.

Он нахмурился и облокотился о стойку, за которой стоял портье.

– Я могу переговорить с хозяином?

– Вы уже с ним говорите, – надменно задрал голову портье.

– Значит, вы уверены, что этот номер занят?

– То есть как? Конечно, уверен. Вот журнал, пожалуйста, – портье распахнул толстую тетрадь. – Смотрите, номер «три». Его занял сеньор Мартинес.

– Ах, Мартинес, – кивнул О'Райли. – Ну, тогда всё в порядке. Он, видимо, просто забыл вас предупредить о своём отъезде.

Не дожидаясь ответа, ирландец перекинул через плечо седельную сумку и зашагал по лестнице вверх.

– Постойте, сеньор, – запоздало воскликнул портье.

Но О'Райли уже поднялся на лестничную площадку, где во всю стену сияло начищенное зеркало. В нём он и увидел то, что было скрыто до сих пор: за гостиничной стойкой, у распахнутого шкафа со стопками белья, скрытая выступом стены, сидела спиной к нему крупная рыжеволосая дама. По всей видимости, это благодаря ей были заняты все номера в гостинице.

– Какой высокий, – донёсся до О'Райли её мечтательный вздох. – Какой красавчик...

– Очнись, Мари, – сердито сказал портье. – Или ты не видишь, какие игрушки висят на поясе у этого красавчика? У нас приличное заведение, а не бандитский притон.

Он сказал это вполне внятно и в то же время достаточно приглушённо, чтобы посетитель не имел повода для претензий, а мог обижаться только на свой чересчур чуткий слух.

Это были лишние предосторожности, потому что О'Райли не был обидчив. Если кому-

то его внешность и представлялась не слишком приличной, то какое ему дело до чужого мнения? На его грубом пончо оставили свою пыль многие горные тропы и пустынные дороги. На штанах темнели пятна, которые бесполезно было отстирывать. Это въелись бурые капли крови, и это была чужая кровь. Что ж теперь, выбрасывать почти новые штаны? Тем более, что другая пара была не лучше. Можно было бы, конечно, помыться, подстричься и побриться. Но все эти процедуры как-то не с руки проделывать под открытым небом, а за последний месяц О'Райли только сегодня оказался под крышей.

Лёгким, как бы застенчивым, пинком он открыл дверь номера, в котором хотел остановиться. Если сеньор Мартинес и был удивлён тем, что к нему вошли без стука, то он успел скрыть своё удивление. Это был весьма упитанный джентльмен с закрученными усиками, и сейчас он, стоя перед зеркалом, как раз снимал предохранительную сетку со своих замечательных усов.

Не говоря ни слова, О'Райли извлёк из-под накидки свёрнутый в рулон плакат и развернул его перед сеньором Мартинесом.

– Знакома вам эта личность? – спросил он.

Сеньор Мартинес устало опустил на пуфик у зеркала.

– Он остановится в соседнем номере, и я подожду его у вас, – сказал О'Райли.

Сеньор Мартинес торопливо натянул сапоги.

– Вы получите двадцать процентов за содействие, – успел сказать О'Райли ему вдогонку.

На лестнице загремели торопливые шаги, и сеньор Мартинес сбегал вниз с резвостью, неожиданной для его комплекции.

– Мой счёт! – выкрикивал он на бегу. – Хозяин, мой счёт! Я немедленно съезжаю из гостиницы! Ради всего святого, скорее мой счёт!

– О, сеньор Мартинес, не волнуйтесь, – портё вышел ему навстречу из-за стойки. – Сейчас мы все уладим! Если вы хотите поменять номер, мы предоставим вам другой...

– Нет, я не хочу менять номер, не нужен мне другой номер, – замотал головой сеньор Мартинес, торопливо отсчитывая деньги. – Кажется, мне нужен другой город.

О'Райли, прислушиваясь к голосам внизу, обошёл своё новое жилище, постоял у окна. Округлая фигурка сеньора Мартинеса торопливо пересекла площадь и скрылась за углом. О'Райли перешёл к другому окну и проводил его взглядом. Не прошло и пары минут, а он уже был довольно далеко от гостиницы, стремительно приближаясь к железнодорожной станции. Его большие сумки задевали землю – он явно никогда не носил их сам, но сейчас не было времени нанимать носильщика.

О'Райли, наконец, повалился на постель, потянувшись всем телом. Ему ещё никогда не приходилось поджидать добычу в такой благоустроенной засаде.

В том, что добыча сама выйдет к нему, он не сомневался: О'Райли всегда мысленно ставил себя на место того, за кем охотился, будь то заяц, кабан или человек. Поэтому угадать намерения, путь и действия Индио было для него не сложнее, чем выследить и подстеречь кабана.

После бойни, которую бандит устроил в крепости, за ним будут гоняться не только шерифы с рейнджерами, но и армия. И рано или поздно, но эта огромная сеть накроет Индио. Ему не укрыться ни в пустыне, ни в горах от солдатской жажды мести. У него не было иного выхода – только прорываться через границу.

Но для Индио недостаточно просто перейти границу, чтобы скрыться в Мексике. Кому он там нужен? Там своих головорезов хватает, и никто из них особа не процветает. Поэтому прежде чем перебраться на ту сторону Рио-Гранде, Индио постарается запасти капиталом. Напасть на поезд? Это требует слишком длительной и налаженной разведки. Не в каждом же вагоне везут золото и крупные купюры. А на то, чтобы чистить чемоданы пассажиров, у Индио нет времени. Угнать стадо племенного скота? Для этого нужно уметь обращаться со стадом, а Индио никогда не работал даже помощником пастуха. Кем он был? Говорят, скот резал. Нет, со стадом ему не сладить. Да и вообще скотокрадство – тяжёлая, сложная, часто

весьма неблагодарная и опасная работа. А Индио не для того из тюрьмы бежал, чтобы работать. Что остаётся? Остаётся банк.

Единственный солидный банк, который находится прямо на границе, – это банк в Эль Пасо. О'Райли поднялся с постели, чтобы ещё раз оглядеть площадь и убедиться в правильном выборе позиции. Вот он, банк, прямо за окном – белая каменная коробка с узкими окнами-бойницами, с широкими ступенями и чисто выметенной площадью перед ним, просторной и пустой, без лавочек, деревьев и фонтана. Чистое пространство, которое хорошо просматривается и прекрасно простреливается. Не банк, а маленькая крепость. О'Райли насмешливо хмыкнул. На месте Эль Индио он бы ограбил это заведение назло его самоуверенной охране.

За окном раздался призывный свист. О'Райли заглянул в узкий просвет между плотными занавесками и увидел, что возле его коня нетерпеливо переминался с ноги на ногу юный Фернандо.

О'Райли спустился по лестнице, Фернандо встретил его на крыльце отеля.

– Генерал, я мог бы содрать с вас два доллара, потому что прибыли сразу четверо, как раз в вашем вкусе. Но хватит и одного.

– Мы договорились о пятидесяти центах, – напомнил О'Райли, доставая монетку.

– Сами посчитайте, капитан! Полдоллара за тех четверых, которые поставили своих кобыл у салуна. И полдоллара за бродягу с дробовиком! Сколько получается?

– Вот твой доллар. Где они?

– Четверо зашли промочить горло в салун. Они вам понравятся, сенатор. Не брились с прошлого Рождества. Увешаны патронами до земли. Один со шрамом, один вообще горбатый, – с воодушевлением докладывал Фернандо, пробуя монету на зуб.

– А что за бродяга с дробовиком?

– Этот рано утром соскочил с товарного состава, не доезжая до города. Мои люди его видели, – важно сказал мальчишка. – Он сидел в немецкой таверне, а сейчас притащился на площадь. Ну не поворачивайтесь всем телом, генерал! Видите, он стоит у аптеки?

– И где же его дробовик? – спросил О'Райли, кинув короткий взгляд на тощую фигуру в шляпе с опущенными полями и в длинном сером плаще, маячившую у крыльца аптеки.

– Как где? В таверне, – Фернандо удивился непонятливости собеседника. – Ясное дело, он все вещички там и оставил. А сейчас он зайдёт в аптеку, выпьет пива, побреется и отправится обратно в таверну к своим немцам. Он и сам немец, ясное дело. У нас только немцы в таверне останавливаются, их бесполезно подбивать на отель или салун, или на большой отель, что возле станции. Нет, это уж так у них заведено. Если ты немец, то будь добр, живи в немецкой таверне. Был бы у нас немецкий отель, тогда, конечно, другое дело, но пока...

– погоди, – остановил его О'Райли. – Получишь ещё доллар. Целый доллар, договорились?

– Смотря за что, – рассудительно ответил Фернандо.

– За этого бродягу. Не обязательно ходить за ним по всему городу, главное – проследи, что он будет делать на площади, хорошо?

– Договорились, ваша честь! – Фернандо щёлкнул босыми пятками и скрылся между стоящими под навесом лошадьми.

О'Райли вернулся в отель. Вместо хозяина над стойкой возвышалась хозяйка, полногрудая Мари. На ней было строгое коричневое платье с белым стоячим воротничком и с таким количеством мелких белых пуговиц, что О'Райли невольно задумался, когда же она успевает все это расстегнуть перед сном... Её волосы цвета крепкого виски были собраны в пышный узел под затылком. Она раскрыла журнал регистрации и поманила О'Райли жестом, полным грации:

– Мне надо вписать ваше имя, сэр...

– Джон Коллинз, – представился О'Райли, приподнимая шляпу. – Коммивояжёр. Глазные капли и затычки для ушей.

– Вы не представляете, как меня беспокоят глаза и особенно уши, – понизив голос, произнесла Мари. – Нам с мужем приходится даже спать в разных комнатах из-за того, что у меня слишком чуткий слух.

– Очень жаль, но мой товар прибудет в Эль Пасо только через неделю, – сдержанно ответил О'Райли.

– А можно посмотреть хотя бы образцы продукции? – почти неслышно произнесла Мари.

О'Райли был безупречно строг в своих отношениях с замужними женщинами. Поэтому он спросил её прямо:

– Вы католичка?

– Нет, мы посещаем... методистские богослужения... в молельном доме... на другом конце улицы, – пространно отвечала она, окидывая жадным взглядом его плечи, грудь, шею, словно пытаясь впитать глазами то, что было недоступно для её рук.

– Это хорошо, – сказал О'Райли. – Я посмотрю в сумке. Может быть, и завалялась где пара-другая образцов.

ШКАФЧИК С СЕКРЕТОМ

Индио расположился со своей бандой в одном из мёртвых селений, разбросанных по плоскогорью на высоких берегах Рио-Гранде. Люди покинули эти края давно, после жестокого землетрясения и многолетней засухи. В развалинах домов сейчас гнездились только змеи да осы. Единственная постройка с сохранившейся крышей – католическая церковь – дала приют разбойникам.

Даже если бы пришлось устраиваться в пещере, Нино и там смог бы наладить жизнь, не лишённую удобств и маленьких радостей. А здесь в его распоряжении были и церковные скамейки, и почти не истлевшее тряпье, и даже родник, кипящую лужицу которого он обнаружил у задней стены церкви. Довольно потирая руки, Нино принялся за благоустройство и первым делом соорудил широкую и мягкую постель для Индио. Потом связал из прутьев две метлы и всучил их Слим и Кучилло, чтобы они как следует вымели зал. В нише на месте бывшего алтаря был устроен отличный очаг, в котором прекрасно горели обломки скамеек.

Валяясь в своей постели, Индио с улыбкой наблюдал за хлопотами. С таким, как Нино, не пропадёшь. У этого гиганта с изуродованным лицом никогда не было собственного дома, он с детских лет бродяжничал. То шалаш, то землянка, то тюремный барак. Но в любом его жилище царили уют и порядок.

В Оклахоме, к примеру, банда жила в охотничьем посёлке, и землянка Нино ещё издали выделялась среди других, бурых от перегнивших листьев и пыли, ярко-изумрудной травой, покрывавшей покатую крышу, которую он каждое утро вычищал метлой, словно вычёсывал шерсть. И в Санта-Фе, где они жили на заднем дворе табачной лавки, Нино живо навёл порядок: перед входом приспособил железный порожек, о который все входящие вычищали свои каблуки. А кто не вычищал, тот, войдя в лавку, натёкался на суровый взгляд самого Нино и сразу понимал, что совершил оплошность. Так что в лавке всегда было чисто и немногочисленно.

Врождённая аккуратность, это неистребимая черта натуры проявлялась у Нино в самые неожиданные моменты. Например, когда надо было прикончить кого-то из пленников, он не стрелял в них и не резал, а предпочитал просто свернуть шею, чтобы ничего не запаковать кровью.

Нино, наверно, не смог бы жить без Индио. Он был слишком сильным и крупным, чтобы ещё и соображать, поэтому он и не пытался что-нибудь придумать, а добросовестно выполнял всё, что приказывал ему Индио.

Слим был другим. Невысокий, жилистый, вёрткий, он успевал выпалить с десятков слов, пока Нино только собирался открыть рот. Он и главаря своего понимал с полуслова. Индио

только успел вздохнуть: «Эх, если бы Санчо Перес был с нами... А кто из парней сейчас пасётся на нашем поле?» – как Слим уже вскочил в седло и объехал все таверны. Там подслушал, тут подглядел. Санчо Переса он так и не разыскал, но зато скоро точно знал, кто чем дышит.

Самым надёжным партнёром для предстоящего дела оказался Кривой Грогги со своей компанией. Подумав, Индио отправил Слива на переговоры с шайкой, и тот заключил взаимовыгодный союз.

Наверно, Слим навсегда останется городским белоручкой, думал Индио, глядя, как тот неловко развозит метлой обломки по углам зала. Наверно, и читать-писать умеет по-городскому. У него и книжка какая-то в барахле запрятана, только никто не видел, чтоб он её раскрывал. Тайком, видно, читает. Скрывается, чтоб нас не обижать. Ничего, когда-нибудь и грамотеи будут нужны. А пока с него достаточно, что он быстро соображает, никому не доверяет и стреляет с обеих рук. Хоть и не слишком метко, зато быстро.

– Да не пыли ты так, плешивая башка! – обругал Слива Кучилло. – Ну кто же так метёт!

Кучилло, до самых глаз заросший чёрной шерстью отнял у Слива метлу и показал, как подметать пол, чтобы не поднималась пыль. Его следовало бы называть «училлой», потому что он вечно лез ко всем со своими советами, иногда полезными, но чаще идиотскими. С Кучиллой никто не спорил, иначе обучение могло затянуться надолго. Зато он никогда не отказывал, если его просили наточить нож. Казалось бы, нехитрое дело. Но из рук Кучилло любая железка выходила острой, как бритва. Всегда у него в кармане были несколько точильных камней и флакончик масла, и если не было другого занятия, то Кучилло сидел по-портновски, держа на согнутой коленке камень, и меланхолично водил по нему клинком.

Кучилло со своими ножами, Слим со своей мозговитой головой, Нино со своей нечеловеческой силой в руках – Индио оглядел их, чувствуя, как горячей силой наливается его сердце. С ними он может свернуть горы.

Сверху, с обвалившейся площадки колокольни посыпалась пыль. Там сидел Хью Скрипач, самый зоркий из бандитов. Он и вправду был когда-то музыкантом и колесил по городам вместе с цирковым оркестром от ярмарки к ярмарке. Вот кому ничего нельзя было доверить. Даже Нино понимал, что Скрипачу лучше не давать метлу в руки: он её или сломает, или потеряет, или проиграет в карты. Его, наверно, и из оркестра вышибли за картёжные долги. Хотя он и плёл какие-то сказки о роковой страсти и тайном романе с женой губернатора. Пальцы у Хью были длинные и ловкие, но, кроме карт, ничего удержать не могли. У него и глаза были под стать пальцам: быстрые, словно приспособленные для шулерства.

– Кто-то скачет! – крикнул Хью Скрипач сверху, и его голос гулко отразился от стен церковного зала. – Семь... Нет, девять всадников! Один из них горбатый... да это же Дикарь! Индио, встречай гостей. К нам едет Грогги со своими ребятами!

Индио потянулся и сел на постели. Кривой Грогги был неплохим стрелком, вот только слишком часто старался показать своё искусство. Один глаз у него никогда не раскрывался полностью, за что он и получил свою кличку, вот Грогги и старался всем доказать, что его полтора глаза не мешают ему стрелять лучше всех. Те насмешники, кто пытался с ним спорить, получали в ответ неотразимые аргументы сорок пятого калибра и умолкали навсегда, закрыв свои здоровые глаза. Даже сейчас, подъехав к церкви, богохульник принялся палить по колокольне из своего шестизарядника. Пули громко завывали, отскакивая от дребезжащего колокола.

Грогги вошёл под церковные своды, широко расставив руки для объятия, и Индио пришлось с неохотой встать с постели и сделать пару шагов ему навстречу.

– Амиго, привет! – пылко воскликнул Грогги. – Индио, как видишь, я все бросил и прилетел к тебе. Со мной самые лучшие парни. Дикарь, Фриско, Чёрный и другие, кого ты ещё не знаешь. Но поверь, это ребята что надо.

– Я не вижу Санчо, – сказал Индио. – Почему он не приехал?

– Он обязательно приедет, но не сегодня, а года через четыре, – сказал Грогги, присаживаясь на скамейку, которую гостеприимно подвинул к нему Нино. – Ты давно не выходил в общество, брат. И ты, конечно, не знаешь, что Санчо год назад попался, как мальчишка, с краденными коровами. Ему повезло, что его сразу не вздёрнули. И теперь мы увидим его не скоро. Хотя, признаться, я не особо скучаю без него. Конченный он человек, брат. Лучше бы погиб в честной драке, чем оказаться за решёткой. Кто позволяет лишить себя свободы, тот не достоин уважения. Разве не так, а?

Индио поморщился, и Грогги тут же поспешил добавить:

– Совсем другое дело, когда человека хватают раненым. Ты знаешь, как тебя уважают все парни...

– Хватит об этом, – оборвал его Индио. – Я вас собрал не для того, чтобы сплетничать. Санчо – мой друг, и не стоит говорить о нём плохо. Без него нам будет тяжело, потому что дело предстоит непростое.

– Какое дело?

Индио молча прошёлся среди бандитов, собравшихся на церковных скамьях вдоль прохода, изучающе заглянув каждому в глаза. Они, затаив дыхание, ждали его ответа. Он поднялся на возвышение и подошёл к покосившейся трибуне.

– Дети мои, – провозгласил Индио с трибуны, глумливо ухмыляясь, и бандиты заржали в ответ. – Посмотрите на себя. Грязные, голодные, одинокие скитаемся мы по этой земле, гонимые и презираемые... А люди вокруг нас одеваются в чистые дорогие одежды, едят на белоснежных скатертях и спят в мягких постелях. Разве они лучше нас? Нет! Так чем же они отличаются от нас? Только тем, что у них есть деньги. А почему бы и нам не обзавестись деньгами? Тогда и нас будут уважать, и нам достанутся все радости жизни. Господь наш в великой милости своей надоумил меня вспомнить о том месте, где водятся деньги, водятся в изобилии, и нам остаётся только наклониться и протянуть руку, чтобы овладеть ими. Это место называется банк. Все вы были в городах, все видели эти здания с решётками на окнах. Не думаю, что кого-нибудь из вас могли впустить в банк, так что, наверно, вам интересно будет узнать, что у него внутри. А внутри у каждого банка стоит сейф.

Индио порывисто сошёл с трибуны и встал в проходе:

– Представьте, что Нино – это сейф. Большой сейф, который весит три тонны, и его опоры врыты в землю на два метра. Перед ним, вот так, ближе ко входу, сидят два кассира за решётками. Потом коридор, и за ним – кабинет управляющего, тоже за решёткой. Вот так стоит стол управляющего, а за его спиной – деревянный шкаф. Там держат напитки и сигары для почётных клиентов.

Индио размахивал руками, рисуя в воздухе план внутреннего расположения банка.

– Вот здесь главный вход с тамбуром и двойными решётками. Напротив него – двойная стена. Ну что, Грогги, что бы ты сделал с этим банком? Допустим, тебе удалось перебить охрану на входе, и ты ворвался внутрь. Ну, убил двух кассиров и управляющего. Все, в банке не осталось никого, кроме тебя. Что ты делаешь?

– А ключи у меня есть? – спросил Грогги быстро.

– Сейф отпирается тремя ключами, – торжественно сказал Индио, – и они хранятся у троих разных клерков, и эти клерки никогда не бывают в банке одновременно. Только по специальному заказу.

– А динамит у меня есть? – Грогги сдвинул шляпу на глаза и почесал затылок. – Да... Сколько же надо динамиту, чтобы рвануть такой сейф? Пожалуй, что скорее банк развалится. Да и от меня только ключья полетят. Нет, брат, это безнадежное дело.

– Да, безнадежное, – торжественно объявил Индио. – Потому что даже если ты каким-то чудом и откроешь этот огромный сейф, нет никакой надежды, что ты обнаружишь в нём достаточно денег.

Ропот разочарования пронёсся по кругу бандитов, ловивших каждое слово главаря.

Грогги не мог не заметить, что головорезы, которых он привёл с собой, тоже не сводили глаз с Индио. Как-то незаметно получилось, что за время разговора он не только утратил власть над своими приспешниками, но и сам превратился в рядового участника шайки Эль Индио.

– Тогда мне непонятно, а ради чего ты вызвал меня с моими людьми? – резко спросил Грогги. – А? Чтобы проповеди читать? У нас были и другие дела на примете, зачем нам терять время с тобой?

– Не торопись, брат, – улыбнулся Индио. – Всему своё время. Время задавать вопросы и время отвечать на них. Но сначала я расскажу вам небольшую притчу.

Потирая руки, он снова поднялся на трибуну.

– Жил на свете бедный столяр. Делал на заказ всякие полки да скамейки. Получал гроши за свою работу, хотя мастером он был хорошим. И вот однажды получил он необычный заказ. Ночью к его мастерской подкатил фургон, и целый месяц столяр работал, никого к себе не впуская. Потом так же ночью этот фургон снова появился у его мастерской. Десяток рабочих погрузили в него что-то очень тяжёлое, и фургон уехал. А столяр остался с целой кучей денег. И если бы он был чуть поскромнее, то история на этом бы и закончилась.

Но все вы знаете, как портят человека большие деньги. И наш столяр не стал исключением из этого правила. Всё дело в том, что этот таинственный заказ сделал ему один банкир. Он решил изготовить сейф, который с виду не отличался бы от обычного деревянного шкафа. Столяр справился с задачей, но тайком от банкира изготовил запасной ключ к этому сейфу. И когда деньги, полученные за работу, кончились, столяр не выдержал и решился обворовать банкира. Он пробрался в банк, спрятался между стенками и ночью вскрыл сейф своим ключом. Ему оставалось только выбраться из банка, но тут его везение кончилось, и он угодил за решётку.

Но вы же знаете, братья, что удача, как хорошая шлюха, никогда не болтается без дела. И как только она отворачивается от одного, так тут же садится на колени к другому. Вот и мне повезло. Потому что этот столяр попал в одну камеру со мной.

С этими словами Индио извлёк из-за пазухи небольшой свёрток, который он прихватил с собой во время побега из крепости. Он развернул выцветшую тряпицу и поднял над головой деревянную шкатулку.

– Вот, – провозгласил он торжественно. – Вот этот шкаф! Он стоит в кабинете управляющего банка! На верхней полке пылятся бутылки и стаканы, а внутри...

Индио разломил шкатулку пополам и, словно начинку из разрезанного пирога, достал плотную коробочку.

– А внутри этого шкафа – сейф! И внутри сейфа – почти миллион долларов!

Бандиты вскочили со своих мест.

– Едем сейчас же!

– Налетим, как ураган, разнесём по кирпичику!

Грогги тоже встал и поднял руку, успокаивая разгорячённых головорезов.

– Это стоящее дело, – сказал он. – Но ты не сказал, где находится банк.

Индио любовно глядел на серо-жёлтую коробочку, лежавшую на его ладони, и не отвечал. Казалось, он не может оторвать взгляда от драгоценного камня.

– Сан Хуан, – проговорил он, наконец.

– Сан Хуан? – недоверчиво переспросил Грогги. – В этой дыре держат миллион долларов? Да весь город со всеми его жителями, курами и тараканами не стоит и тысячи!

– Вот потому там и держат такие деньги, – повернулся к нему Эль Индио.

СЛИШКОМ МНОГО НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Управляющий банка «Морган Траст Компани» в Эль Пасо был приветлив, но сдержан. За этой сдержанностью проглядывали очертания пирамид, сложенных из золотых слитков.

Через банк проходили деньги компаний, которые строили железные дороги, а это были очень большие деньги. Они превращались в рельсы и шпалы, вагоны и семафоры. И снова в

рельсы, в шпалы, потом в воду, в песок – да-да, в пустыню завозили песок – и снова рельсы, те же самые, что были вначале, но уже втрое дороже, превращались в земельные участки, расположенные в зоне прокладки трассы. Прежние владельцы могли бы разойтись по швам от злости, узнав, сколько стоили их участки после перепродажи. И снова превращались в семафоры, стрелки, водокачки, потом красивые мундиры для кондукторов (с золотыми пуговицами, судя по стоимости пошива), эскизы железнодорожных билетов, явно заказанные в мастерской «Рубенс, Веласкес и Тициан», и, наконец, в билеты, в крики проводников и свистки локомотивов, в мелькание пейзажей за вагонным окном...

Железная дорога приносила хорошие доходы ещё до того, как была построена. И пирамида из золотых слитков, расположенная где-то в Нью-Йорке, всё росла и росла, уходя вершиной за облака и тесня небожителей.

Неудивительно, что управляющий глядел на посетителя с высоты своего места, занимаемого на пирамиде, и сдержанно улыбался. Возможно, в глубине души его забавляла попытка частного лица вскарабкаться даже на подножие этих сверкающих вершин.

Полковнику пришлось поговорить не менее пятнадцати минут, прежде чем он смог доказать основательность своих намерений. Не помогла даже записка от шерифа Уоткинса, в которой полковнику Мортимеру были даны наилучшие рекомендации. Управляющий только вежливо улыбался и отвечал, что банк работает преимущественно с крупными фирмами и правительством, а для частных вкладчиков существуют многочисленные филиалы. Полковник улыбался в ответ и объяснял, что частные вкладчики – понятие растяжимое.

Этот обмен улыбками тянулся до тех пор, пока не выяснилось, что полковник прибыл в Техас из Каролины. По счастью, основатель и хозяин банка сам был родом из Чарльстона⁵, и управляющий слышал от него о семействе Мортимеров. Полковник тоже вспомнил, что в детстве дрался на деревянных мечях с каким-то Морганом, то ли с Джорджем, то ли со Стэнли, и поделился своими воспоминаниями с управляющим. В ответ управляющий заявил, что видит особый знак судьбы в том, что семья основателей его банка была причастна к появлению первого пассажирского поезда на паровой тяге. Локомотив «Лучший Друг», оказывается, отправился в первый рейс ещё в 1830 году, как раз под Рождество!

Полковник Мортимер, к стыду своему, впервые услышал об обстоятельствах такого исторического события, как начало пассажирского сообщения между Чарльстоном и виллой Морганов. Зато мог рассказать о его конце, потому что вспомнил песенку про Билла-кочегара. Железнодорожная мода длилась недолго. Через несколько месяцев локомотив «Лучший Друг» разлетелся на куски. Паровой котёл взорвался, и причиной взрыва послужил предохранительный клапан. Он слишком шумел, и помощник машиниста завязал его тряпкой, чтобы раздражающий свист и шипение не мешали любоваться проплывающими мимо красотоми.

Вежливо посмеявшись, управляющий отметил, что в этом печальном инциденте проявился истинно южный характер. Полковник добавил, что с южным характером сейчас трудно оставаться на Юге.

– Я принял решение перебраться в Техас, потому что вижу здесь большие перспективы, – сказал полковник Мортимер, и управляющий многозначительно кивнул, выражая поддержку такого намерения. – После продажи моих земель в Каролине я бы хотел положить весьма значительную сумму в ваш банк.

Управляющий улыбнулся:

– Наш банк работает, как правило, с очень значительными суммами.

– По всей видимости, вы уверены в своей охране, – заметил полковник. – Хотя, как известно, в такой близости от границы не может быть никаких гарантий безопасности. Вы же

⁵ Чарльстон – город и порт в Южной Каролине, основан англичанами в 1670 году. Назван в честь английского короля Чарльза II (Карла), 1630—1685, как и сама колония, Каролина, ставшая впоследствии независимым штатом. Обстрелом и захватом форта Самтер в бухте Чарльстона 12 апреля 1861 года началась Гражданская война.

не можете окружить банк окопами и колючей проволокой.

– Этого и не требуется.

Управляющий встал из-за стола и открыл верхние створки красивого резного шкафа, стоявшего у него за спиной, здесь на стеклянной полке сверкали хрустальные бутылки.

– Виски? Бренди? Ликёр?

– Бренди, пожалуй.

– Как только вы откроете счёт в нашем банке, дорогой полковник, вам уже не придётся думать о безопасности ваших денег, – сказал управляющий, наполняя широкие грушевидные рюмки. – Мы прекрасно обходимся без колючей проволоки. Если вы обратите внимание на расположение нашего персонала, то заметите, что несколько клерков сидят за отдельными столиками в разных углах банка.

– Я заметил. Видимо, они обслуживают тех, кто впервые приходит в банк? – спросил полковник, хотя без труда догадался об истинном назначении этих «клерков» с обветренными лицами.

– Они обслуживают тех, кто приходит в банк с недобрыми намерениями, – тонко улыбнулся управляющий. – Это переодетые охранники, и им разрешено применять оружие по своему усмотрению. И если кто-то наставит на наших кассиров револьвер, он вряд ли успеет изложить свои требования.

– Но существуют ещё и взломщики, – напомнил полковник.

– О, им нечего делать в нашем банке. Ночью внутри помещения остаётся вооружённый охранник, а вокруг здания дежурит патруль. Предупреждая ваше следующее предположение, напомню, что поблизости находится Форт Блисс, и армия не позволит крупной вооружённой банде даже приблизиться к городу, не говоря уже о том, чтобы напасть на банк. Времена налётов и штурмов остались в прошлом, – управляющий поднял свою рюмку. – Выпьем за наше будущее.

Полковник Мортимер не стал спорить с собеседником. Отпив обжигающий глоток и глядя, как медленно сползает по стеклу рюмки прозрачный след хорошего бренди, он сказал:

– Да, штурмовать вашу крепость может только сумасшедший...

Выходя из банка, он ещё раз огляделся. Стены, сложенные из грубо отёсанного камня, толстые стальные прутья на окнах, двойные двери с раздвижной решёткой между ними – все убеждало клиентов в абсолютной неприкосновенности их сбережений.

У салуна полковник заметил, что возле коновязи стоят четыре лошади, явно проделавшие нелёгкий путь. Их ноги и животы были покрыты присохшей грязью, а за сёдлами свисали притороченные скатки. Так обычно выглядят рабочие лошадки ковбоев, но седла были не ковбойские, и сбоку не свисали объёмистые фляги с водой и свёрнутые в спираль лассо.

Хозяева лошадей стояли у стойки бара. Ближе всех к полковнику был горбун с шапкой слипшихся светлых волос. За поясом у него красовался кольт с перламутровой рукояткой. Мортимер заметил, что соседи его тоже были вооружены. Проходя мимо них, полковник набил трубку табаком, достал спичку и небрежно чиркнул о спину горбуна.

Разговор мужчин оборвался, и горбун повернул к полковнику своё посеревшее от бешенства лицо. Он дунул на вспыхнувшую спичку с такой силой, словно хотел не только загасить огонёк, но и сдуть с лица земли того, кто нанёс ему такое оскорбление.

Полковник невозмутимо держал в руке трубку, глядя в глаза горбуну. Тот порывисто оторвался от стойки и потянулся к револьверу, но в этот момент сосед, огромный бородач со шрамом в половину лица, схватил его за руку.

– Тихо, тихо, Дикарь, – проговорил бородач.

В углу его рта дымилась сигара. Полковник протянул руку и выдернул её. Бородач изумлённо раскрыл рот, следя, как наглый незнакомец раскуривает от его сигары свою трубку.

Брови горбуна сдвинулись так тесно, что даже шапка волос надвинулась на лицо. Он зарычал и схватился было за рукоятку кольта, но его друзья уже стояли рядом и держали его

за руки.

Полковник, кивком поблагодарив бородача, протянул ему сигару и выпустил струю дыма прямо в лицо.

За стойкой бара слышалось странное дребезжание. Это бармен застыл, зажавшись в угол и держа в руке пару пивных кружек, которые и выдавали его дрожь.

Бородач со шрамом покачал головой и шагнул мимо полковника, не замечая протянутой ему сигары. Трое его друзей двинулись следом. Горбун всё оглядывался на полковника, стараясь навсегда запечатлеть в своей памяти его образ. Все четверо вышли из салуна, вскочили на лошадей и умчались, а полковник всё держал в руке замусоленный огрызок сигары и странно улыбался.

Бармен бережно поставил дребезжащие кружки на стойку, вытер лоб полотенцем, откашлялся и повернулся к полковнику.

– Послушайте, мистер самоубийца! Не проще было бы добраться до вокзала и лечь на рельсы? Это просто чудо, что вы до сих пор живы!

– Действительно, чудо, – согласился полковник, опираясь локтем о стойку. – Виски, пожалуйста.

– Они могли набить ваше тело свинцом по самые уши, – сказал бармен, выбивая дробь горлышком бутылки о край стакана.

– Могли, – кивнул полковник. – Но почему-то не набили. А ведь у них было для этого всё необходимое. Какие воспитанные джентльмены посещают ваше заведение!

– Джентльмены? Чёрта с два. Да они просто сумасшедшие какие-то.

– Эта точка зрения представляется мне вполне обоснованной, – полковник посмотрел сквозь открытые двери вдоль улицы, где ещё клубилась пыль, поднятая копытами четырёх лошадей. – Это именно сумасшедшие. Обратите внимание, что они никуда не уехали, а просто завернули за угол.

– Мистер, если вы собираетесь пойти за тот же угол, может быть, сначала оплатите счёт? – предложил бармен.

– Мне нечего делать за углом, – улыбнулся полковник Мортимер.

Он поднялся к себе в номер и через ажурную занавеску поглядел в окно. Площадь перед банком была пуста. Полковнику пришлось провести у окна весь остаток дня, и к вечеру он снова увидел четвёрку столь воспитанных джентльменов.

На этот раз они держались порознь. Бородач со шрамом пристроился в тени соседнего отеля, горбун сидел на другом углу площади, двое других прогуливались вдоль задней стены банка – их силуэты показывались то с одной его стороны, то с другой.

Как раз в это время в банке закончился рабочий день. Управляющий уехал в пролётке, запряжённой парой белоснежных холёных лошадей. Стоя у своего окна, полковник Мортимер видел, как внутрь здания зашёл охранник с винчестером, и двери тяжело захлопнулись за ним. Начальник охраны запер входные замки, и отправился в обход банка, сопровождаемый патрулем из двоих бойцов с винчестерами наперевес.

Полковник поднёс к глазам подзорную трубу и отыскал знакомую шапку слипшихся светлых волос. Горбун внимательно следил за движением патруля, и губы его шевелились. Полковник не умел читать по губам, но сейчас ему было ясно: горбун не молится и не шепчет любимое стихотворение, он отсчитывает время.

Губы горбуна перестали шевелиться как раз в тот момент, когда патруль дошёл до угла банка и повернул за него.

Полковник поймал в кружок трубы лицо бородача – тот тоже наблюдал за патрульными, и начал отсчитывать их шаги, как только охранники зашагали вдоль западной стены банка.

Итак, подготовка к ограблению началась с расчётов. Четвёрка бандитов засекает время, за которое патруль проходит полный путь вокруг банка. Это очень важные сведения, и, конечно, горбатый Дикарь не имел права ввязываться в уличную стычку и тем самым сорвать разведку. Но за один день они не могут выяснить всё, что нужно.

Прежде всего бандиты должны быть уверены, что в банке имеется достаточная сумма. Для этого придётся какое-то время следить за прибывающими охраняемыми дилижансами. Потом Индио надо будет узнать, за какое время на помощь к патрулю подоспеют основные силы охраны, которые сидят в участке шерифа. Ещё один день может понадобиться, чтобы скрытно подтянуть в город всех участников налёта. Получается по меньшей мере три дня.

Всё могло бы разрешиться гораздо проще, если бы главарь бандитов сам прибыл на разведку. Но он был слишком осторожен. Впрочем, полковник и не рассчитывал, что Индио появится здесь во время подготовки ограбления. Главное, не упустить его, когда начнётся налёт. Индио обязательно будет здесь, у стен банка. Здесь он и останется, добавил полковник, стиснув зубы.

Солнечный отблеск в доме напротив привлёк внимание полковника. Он повёл трубой вправо – и обнаружил, что в окне соседнего отеля стоит человек с биноклем и тоже изучает площадь. Оба одновременно опустили оптические приборы и каждый отступил вглубь своей комнаты. Полковник успел заметить рыжую бородку и широкие скулы нового наблюдателя.

Слишком много наблюдателей, недовольно покачал головой полковник Мортимер.

ИСКУШЕНИЕ И ВОЗДАНИЕ

Быстро опустив бинокль, О'Райли шагнул назад. Тот, кто разглядывал площадь в подозрную трубу, тоже исчез за занавесками своего окна. Когда два охотника выслеживают одного оленя, каждый из них рискует получить заряд в спину, поэтому О'Райли и предпочитал охотиться один. В том, что постоялец с трубой тоже прибыл сюда на охоту, О'Райли не сомневался ни минуты. Весь вопрос в том, на кого он охотится.

Дверь номера скрипнула, и ирландец развернулся. На пороге застыла хозяйка со стопкой белья, прижатой к груди.

– Извините, мэм, – сказал он смущённо, вкладывая кольт в кобуру. – Дурная привычка.

– Можете называть меня Мари, мистер Коллинз.

– Мистер Коллинз? – О'Райли спохватился: – Просто Джек.

– Джек? Или Джон?

– Ну, вообще-то моё полное имя Джефферсон Джексон⁶, – с неохотой начал выкручиваться О'Райли, – так что если вы назовёте меня Джеффом, я тоже не обижусь.

– Я пришла застелить вам свежую постель, Джон, – строго сказала Мари, – У нас тут рано встают и рано ложатся.

– Но я ещё не хочу спать. К тому же... мне надо идти, – сказал О'Райли, заметив в окне появление Фернандо.

Поспешно покидая номер, он услышал, как хозяйка тяжело вздохнула за его спиной.

Фернандо, оглядываясь с видом заговорщика, прошёл мимо О'Райли и кивком поманил за собой. За углом отеля он остановился и протянул руку.

– Вы обещали доллар, сенатор.

– Э, нет, амиго, – возразил О'Райли. – За доллар ты должен весь день следить за тем бродягой, а день ещё не кончился. Где ты его оставил?

– Этот бродяга встретился с помощником шерифа, потом они околачивались на почтовой станции и приставали ко всем возчикам с дурацкими вопросами, – быстро докладывал мальчуган. – Зовут его Фогель, он инженер, его компания будет строить новую дорогу на север, до самого Аламогордо.

⁶ Джефферсон, Джексон – фамилии исторических деятелей. Американцы нередко давали своим детям имена в честь героев истории, современной или древней, и почти в каждой семье, особенно провинциальной, был свой Вашингтон, Лафайет или Франклин.

– Инженер, значит? – переспросил О'Райли. – Это хорошо. И где он сейчас?

– Сейчас они заперлись у телеграфиста. Я слышал, что помощник шерифа попросил достать журнал телеграмм. А потом они захлопнули дверь. Мне ничего не слышно и не видно.

– Вот когда что-нибудь услышишь или увидишь, тогда и получишь свой доллар. Я не люблю разбрасываться деньгами, – сказал О'Райли назидательно. – Они слишком тяжело мне достаются.

– Мне тоже, капитан, – мальчишка развёл руками. – Побегу на телеграф.

– Беги, беги, и не теряй его из виду.

– Не потеряю. Его пасут мои люди, – крикнул Фернандо, оглянувшись на бегу.

До позднего вечера О'Райли просидел в салуне, молча потягивая виски и незаметно прислушиваясь к разговорам. История о том, как бродячий священник зажёл спичку о спину бандита, повторялась несколько раз, обрастая все более жуткими подробностями.

Поначалу бандит был один, но очень страшный. Кто-то даже узнал в нём горбатого Дикаря, которого, по слухам, давно уже повесили в Нью-Мексико. Священник страшно оскорбил его, но Дикарь ничего не ответил, потому что это был не Дикарь, а какая-то нечисть. Будь на месте священника кто-нибудь другой, его семье пришлось бы уже потратиться на гроб.

Потом оказалось, что бандитов было семеро, и они все окружили священника и направили на него свои револьверы, но тот произнёс короткую молитву, и все семеро ответили «аминь», перекрестились, по очереди поцеловали ему перстень и поспешно удалились.

Очередной рассказчик описал, какая длинная спичка была в руках этого бродячего мормона⁷, длинная толстая спичка из красного дерева с зелёной головкой. Как только она скользнула по спине несчастного горбуна, мертвенно-белый свет озарил весь салун, и посетителям пришлось зажмуриться. А когда они смогли раскрыть глаза, то у стойки уже никого не было, ни бандитов, ни мормона. А мормон этот тоже непростой. Его видели в Амарилло за день до того смерча, который унёс десяток бычков прямо из загона. Говорят, что этого мормона сами мормоны изгнали из своей общины за то, что он нарушил все мыслимые границы их мормонского многожёнства. И он мотается по Западу, набирая последователей в свою собственную общину, где будет разрешено иметь любую встречную женщину, и она не вправе будет отказать. И за каждую новую жену член общины будет получать премиальные в размере подённой платы на железной дороге.

Присутствующие ненадолго отвлеклись, обсуждая перспективы железнодорожного строительства, и сошлись на том, что когда мормон снова появится здесь, любой охотно подставит свою спину для его спички.

Наконец кто-то заявил, что всё это враньё. Во-первых, не было в городе никакого Дикаря, потому что его и в самом деле повесили, об этом даже газеты писали. А во-вторых, мормон не мог зажечь об него свою волшебную спичку, потому что мормоны не курят. Ни трубок, ни сигар. И жевательный табак тоже не признают. Вот ведь чудики. И разговор перешёл в обсуждение разных сортов табака.

Когда О'Райли вернулся к дверям своего номера, он услышал чьи-то лёгкие шаги. Ирландец осторожно приоткрыл дверь и ощутил сильный цветочный запах. Так пахли цветки «кошачьего когтя», пустынного кустарника, который своими цепкими колючками может изодрать в лохмотья любое полотно. Но здесь, в гостинице, к этому аромату были примешаны незнакомые, городские запахи. Он не сразу сообразил, что это запах мокрого мыла.

Мари, вытирая руки розовым полотенцем, вышла из-за ширмы.

⁷ Мормоны – члены религиозной секты «Церковь святых последнего дня», основанной в США Джозефом Смитом (1805—1844). Преследовались, в основном, из-за частых обвинений в многожёнстве, которое практиковалось в их общинах.

– Я пришла приготовить вам ванну, Джон.

– Не стоит, Мари.

– Вы заняли номер с ванной, и я обязана приготовить ванну, – сказала Мари. – А вы можете воспользоваться ей по своему усмотрению. Мыло бесплатно.

Высокая лохань из тёмного дерева, с приподнятой округлой спинкой, была наполнена горячей водой. На табурете стояли тазик и кувшин. Рядом, на полке с запотевшим зеркалом в полстены, лежали на жестяном судке два розовых шарика мыла.

Мари раздвинула лёгкую ширму, отгораживая ванну.

– Раздевайтесь, вас никто не видит, – сурово сказала она. – Вот полотенце. Я могу вас побрить.

– Не стоит, – сказал О'Райли поверх ширмы, почесав щетину. – С бородой теплее.

Стянув с себя рубашку, он повесил её на стоячую вешалку и обнаружил на одном из её рожков висящий захват для снятия сапог. «Ну, прямо все удобства, мыслимые и немыслимые», укоризненно покачал головой О'Райли и, сев на пол, стянул сапоги руками. Штаны он поставил рядом с сапогами, но они не простояли долго и обвалились на пол, сложившись в коленном сгибе. Пояс с кобурой О'Райли положил подле ванны так, чтобы рукоятка револьвера была бы под рукой.

Он забрался в ванну, осторожно погрузившись в горячую воду. Мурашки перебежали от ног к животу, и собрались между лопатками. Вылив из кувшина воду на голову, О'Райли обнаружил, что забыл снять шейный платок. Он с трудом развязал намокший узел, намылil ткань и принялся стирать её прямо в ванне. Закончив, аккуратно разгладил на закруглённом краю ванны и оставил сушиться.

– Что вы там стираете, Джон? – слышался голос Мари из-за ширмы.

– Я полагал, вы ушли.

– В мои обязанности входит регулярная смена постельного белья, – говорила она, шелестя полотном, похлопывая подушку и что-то сдвигая. – Если вы предпочитаете сами все делать, могли бы остановиться в салуне, где ночует всякий сброд.

– Всякий сброд? – О'Райли выжал губку, и мыльная пена окружила его кулак, как рукавица. – А я вот видел там вполне пристойного джентльмена. Его даже принимают за священника.

– С виду все кажутся пристойными, – заметила Мари, продолжая шелестеть. – Но под личиной благочестия скрываются иногда ужасающие пороки.

– Вы о нём что-то знаете, если так говорите?

– Не знала бы, не говорила бы, – попросту ответила Мари, и О'Райли услышал, как заскрипела его кровать.

– И что же такое вы о нём знаете? – спросил он.

– Да знаю...

Её ответ прозвучал как-то странно. Казалось, что она говорит сквозь зубы.

– Что-что? – переспросил О'Райли и встал в ванне, выглянув поверх ширмы.

Мари в комнате не было, но на стуле, подвинутом к кровати, лежало, нет, сидело её коричневое платье с белыми пуговками, застёгнутыми в ряд. Огибая грудь, они подчёркивали её очертания, словно платье всё ещё было надето на хозяйку. Рукава с буфами, храня округлость, свисали вниз вдоль спинки стула.

О'Райли торопливо вытерся и вышел из-за ширмы, шлёпая мокрыми ногами по полу.

Мари, в голубой ночной сорочке, сидела в его постели, прислонившись к спинке, и вытаскивала шпильки из своей причёски, зажимая их зубами. Её высоко поднятые руки были молочно-белыми, с жёлтыми завитками под мышками.

– Ну, наконец-то, – выдохнула она со счастливой улыбкой, и сползла, извиваясь, со спинки, и её рыжие волосы, как струйки виски, растеклись по подушке во все стороны.

«Не возжелай жены ближнего своего», прозвучали в голове О'Райли голоса незримых свидетелей его грехопадения. А я и не желаю, ответил он им. Нисколько не желаю, твердил он вопреки очевидным свидетельствам обратного. Да была б она католичкой, разве бы я

допустил такое? Но раз уж ересь позволяет ей изменять мужу, она сама за это ответит, а я им не судья.

– Так что ты хотела сказать про того благочестивого джентльмена с ужасающими пороками? – спросил он её примерно через час, когда она рассеяно перебирала пальцами волосы на его груди.

– Он сегодня утром занял в номерах самую лучшую комнату, а когда я зашла постелить ему свежее бельё...

– Ты? В номерах? В салуне?

– Ну да, – подтвердила она. – Это же наши номера. Мы с Полем держим монополию на этой площади. Только что толку? Все равно народу мало, все сейчас останавливаются в большом отеле у вокзала, а к нам попадают только всякие...

– Хорошо, хорошо, и что дальше? – О'Райли остановил её жалобы на трудности гостиничного дела.

– Я принесла ему постель, а он и говорит, нет ли в салуне слуги мужского пола. Ты представляешь? Я говорю, что есть, но он китаец. Лучше китаец, чем дама, отвечает этот хлыщ. Он, видите ли, не может себе позволить, чтобы в его присутствии женщина выполняла какую-то работу. Как же он сказал? Какую-то иную работу, кроме вышивания.

– И что тебя обидело? – удивился О'Райли.

– Подожди, это ещё не все, – она вдруг встала с постели и принялась собирать волосы в пучок. – Ты же меня знаешь, я так быстро не сдаюсь. Я говорю, есть вещи, которые женщины делают лучше, чем мужчины. А он, представляешь, так улыбнулся по-змеиному и говорит, женщины, говорит, преувеличивают ценность того, что они умеют делать лучше мужчин. Ты знаешь, меня просто как водой холодной окатило. Мне пора, надо Поля внизу сменить. Помоги застегнуть...

Её коричневое платье, оказывается, распахивалось сзади наподобие халата, и она мигом натянула его на себя вместе со всеми вшитыми туда проволочками и подкладочками, а О'Райли только помог ей застегнуть сзади несколько невидимых крючков. И снова перед ним стояла дама в строгом платье с белым воротничком и с высокой пышной грудью, гораздо пышнее, чем пять минут назад.

– Спокойной ночи, Джон Джефферсон Коллинз, – сказала она. – Обожаю ирландцев.

– А этот, он тоже ирландец? – спросил О'Райли, откинувшись на подушку.

– С чего ты взял?

– Я думал, ты только ирландцам меняешь белье сама.

– Ты угадал, – засмеялась она. – Стала бы я возиться с мексиканцем или янки. Но этот... Его фамилия Мортимер, и говорит он по-южному. Хотя сначала мне показалось, что... В общем; ты сильно похож на него. Но если он ирландец, то плохой ирландец.

Она ушла совершенно бесшумно, и только через минуту где-то вдалеке тихонько скрипнула дверь.

Посреди ночи О'Райли проснулся от лёгкого и почти незаметного звука. Что-то щёлкнуло по оконному стеклу. Он выглянул между занавесками и увидел под окнами отеля фигурку в белой одежде. Его помощник, Фернандо, видимо, торопился заработать свой доллар до рассвета.

– Рассчитаемся, сенатор, – заявил он для начала.

– Ты не мог потерпеть до утра? – зевая, спросил О'Райли и расстался с приготовленной монетой.

– Ну, сейчас-то вы не можете сказать, будто день ещё не кончился! Мы не сводили с него глаз, капитан, – ответил Фернандо. – Этот Фогель так и сидел всё время с помощником шерифа в конуре телеграфиста. Они читали все старые телеграммы, которые туда приходили ещё с прошлого лета. И этот Фогель сказал, что его компания будет устанавливать на станции новые аппараты.

– Значит, он не из-за дороги сюда приехал, – сказал О'Райли. – А из-за аппаратов. Ну и где этот Фогель сейчас? В таверне?

– Как бы не так, генерал. Прямо со станции он верхом отправился куда-то на север. Помощник шерифа дал ему своего коня. Фогель помчался, как ветер. Думайте, что хотите, сенатор. Только я инженеров видел. Настоящий городской инженер и в пролётке не удержится, не то что в седле.

– Это всё, что ты выяснил? – спросил О'Райли, мучительно борясь с зевотой. – Спасибо, амиго. Завтра получишь ещё доллар, если проследишь за Фогелем, когда он вернётся.

Фернандо уныло махнул рукой:

– Нет, на этом бродяге я уже не заработаю. Всё к тому идёт, что он больше мне на глаза не попадётся.

– Веселей, амиго, – подбодрил его О'Райли, поворачиваясь к лестнице. – Да, вот ещё что... Можешь ты мне разыскать одного старика? Говорят, он тут личность известная.

– Самый известный старик у нас – это старый Кеннеди, – выпалил Фернандо и выжидающе поглядел снизу вверх на собеседника.

– Амиго, ты же видишь, я вышел к тебе без денег, – укоризненно произнёс О'Райли. – Говори, где старик. Не волнуйся, свои пятьдесят центов ты получишь завтра утром.

– Я не волнуюсь, – сказал Фернандо. – Но до утра всякое может случиться. Так что лучше я подожду своих денег на крылечке, пока вы сходите за ними, сенатор.

ЛЕЖАЧАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

– Поздравляю, братец, ты перебежал дорогу самому полковнику Мортимеру! – проскрипел седой замшелый старик Кеннеди, отвернулся к стене и с головой укрылся чёрной шинелью.

Он лежал на сундуке в своём подвале, стены которого были завешены старыми строительными робами, в углу высился аккуратный штабель черенков от лопат. С потолка над дымящейся плитой свисала дюжина разнокалиберных кастрюль и сковородок. Когда-то в этом подвале жила ирландская бригада строителей железной дороги, а Кеннеди, уже тогда древний и негодный к тяжёлой работе старикан, был у них комендантом, интендантом, казначеем, цирюльником – да кем он только не был для этих бездельников! Даже и роды приходилось принимать. Не у бездельников, конечно, а у их жён, которыми они обзавелись уже на новой родине. Ирландцев тогда на прокладку трассы понаехало видимо-невидимо. Наверно, в самой Ирландии никого не осталось, кроме англичан.

То было начало золотого века железной дороги. С запада на восток и с востока на запад тянулись навстречу друг другу две линии – «Юнион Пасифик» и «Сентрал Пасифик». От Тихого океана дорогу строили китайцы, а ирландцы и ветераны войны выдвинулись из Небраски. Рельсы, изготовленные на Восточном побережье, отправлялись в Калифорнию морем, огибая Южную Америку. Лес для шпал и щебёнку для насыпей доставляли от самой канадской границы.

Сами строители вряд ли задумывались над тем, что работают на дороге, которая охватила чуть не весь континент. Они вгрызались в горы, кроша их пороховыми зарядами, и раскатывали холмы, возводили мосты через пропасти, и облака клубились между ажурными пролётами, пожирали стада бизонов и отбивались от индейцев. Наконец, они встретились в Юте, и железная дорога соединила Тихий океан с Атлантикой.

Потом были другие дороги, но китайцев на них было всё меньше. Зато, говорят, их стало больше на Западном побережье. Наверно, сидят на берегу и смотрят на горизонт, мечтая вернуться на родину. А может, и не мечтают. Кто их знает, этих китайцев, они ведь держатся кучкой, чужих не терпят, языка не понимают, лопочут по-своему.

Старик Кеннеди прошёл со своими строителями чуть не всю Америку, но в Эль Пасо решил остановиться. Бездельники двинулись долбить тоннели в Колорадо, а Кеннеди завернулся в шинель и лёг на сундук – помирать собрался. Так он и провёл последние три года. Все помирал. Время от времени его навещали соотечественники, рассказывали новости, расспрашивали о друзьях. Со временем подвал Кеннеди стал главным ирландским

перекрёстком Техаса.

О'Райли хотел навести справки о человеке в чёрном плаще, остановившемся в номерах под фамилией Мортимер.

– Эта фамилия тебе ни о чём не говорит! А мне говорит! Курит трубку? Револьвер носит слева? Разговаривает вежливо? Держись от него подальше, братец, – заключил Кеннеди.

– Поздно, – сказал О'Райли, – я уже перебежал ему дорогу».

Вот тут-то Кеннеди и бросил на него долгий прощальный взгляд, вздохнул, почесался, сплюнул, да и отправился на боковую, пробормотав напоследок:

– Поздравляю, братец, ты перебежал дорогу самому полковнику Мортимеру!

– Ну и что за птица этот полковник Мортимер? – спросил О'Райли, дёргая ногу, торчащую из-под шинели.

– Это великий человек! – Кеннеди отбросил шинель и сел на своём сундуке. – Великий воин. Славный род. Да что толку с тобой говорить о славном роде?

– Он богатый?

– Я сказал «славный род», а не «богатый род»! Ты, братец, сходил бы к доктору, прочистил бы уши дюймовым шомполом. Славный род Мортимеров правил Ольстером⁸ до тех пор, пока Генри Ланкастер⁹ не подмял все под себя. Проклятый француз. Ты ведь и не знал, небось, что Англией правили французы?

– Зачем он здесь? И что у него за револьвер? – спросил О'Райли. – Говорят, что-то необычное. Какая-то здоровая пушка.

– Да, Англия была французской колонией, – восторженно повторил Кеннеди, не обращая внимания на реплику слушателя. – А потом прошло какое-то время, и здесь, в Америке, Джон Мортимер был среди тех, кто первым послал англичан к чёрту. Вот как получается, братец.

– Я думал, он не такой старый, – признался О'Райли.

– Оставь шуточки для своей кобылы, – Кеннеди погрозил ему пальцем. – Джон Мортимер и Дуглас Мортимер – это разные люди, но род-то один, славный род! Потому что Дуглас Мортимер послал к чёрту саму Америку, понял? Хотел бы я стоять рядом, когда он со своими ребятами там у себя в Чарльстоне поднял флаг Конфедерации!

О'Райли встал, поправляя шляпу.

– Ты куда? – забеспокоился старик.

– Пойду поболтаю со своей кобылой. Это будет полезнее, чем сидеть тут и слушать твои сказки.

– Иди, иди, – кивнул Кеннеди и снова улёгся на сундук, и добавил уже из-под шинели: – И пусть твоя кобыла расскажет тебе о шести револьверах Дугласа Мортимера и о его волшебном порохе. Да это и не порох даже. Иди, иди...

– Совсем забыл! Смотри, что у меня есть, – сказал О'Райли, присев на край сундука. – Я тут заглянул по дороге к Фитцджеральду, купил у него пару бутылочек. Ну, в одной ещё кое-что осталось...

В плоской бутылочке ещё осталось виски. Немного, но и этой малости хватило, чтобы ещё полчаса выслушивать легенды и саги, героем которых был полковник Мортимер.

Хотя Кеннеди и не имел нотариально заверенных подтверждений того, что в жилах полковника течёт ирландская кровь, он всё же отвёл ему вполне достойное место в своей энциклопедии. И вот почему. В гражданскую войну Дуглас Мортимер был лейтенантом и

⁸ Ольстер – средневековое королевство на севере о. Ирландия. В наше время эта историческая область расположена на территории двух государств, Ирландии и Северной Ирландии, однако именно Северную Ирландию называют Ольстером из-за непрекращающейся там борьбы за независимость.

⁹ Генрих Четвёртый – английский король в 1399—1413 г. г., первый из династии Ланкастеров, узурпировал всю полноту власти над объединёнными землями.

командовал отрядом рейнджеров, совершая рейды в тыл северян. Его солдаты часто действовали вместе с партизанами Квантрилла, а уж Билли Квантрилл был одним из самых славных ирландцев.

Но славу свою Мортимер завоевал вовсе не удачным знакомством. Он был первым офицером-кавалеристом, который отказался носить саблю.

Его бойцы имели по четыре, а то и по шесть револьверов каждый. Однажды они напали на обоз северян и отбили его, но на обратном пути их настигла кавалерия противника. Полторы сотни северян против семидесяти рейнджеров Мортимера. Можно было поджечь обоз, бросить его и оторваться от противника, скрывшись в лесу. Но добыча была слишком ценной – одеяла и обувь. Для оборванной и босой армии южан этот груз был бесценным. И рейнджеры приняли бой вопреки всем канонам тактики.

На средних дистанциях, как и предписано уставом, северяне постреляли из своих револьверов, а потом, сблизившись, бросились в сабельную атаку. Рейнджеры встретили их, держа поводья в зубах и по «кольту» в каждой руке. Разрядив револьвер, они бросали его и выхватывали из-за пояса новый. Били без промаха. Последние выстрелы пришлось почти в упор. Надо ли говорить, что романтические фехтовальщики были расстреляны все до одного, а полторы сотни лошадей отправились за рейнджерами на юг?

Если бы лейтенант Мортимер воевал на другой стороне, сейчас он вполне мог быть генералом. Но его армия потерпела поражение, а победители не привыкли присваивать побеждённым очередные воинские звания. Так что военная карьера Дугласа Мортимера, закончилась вместе с войной.

Однако многие из его боевых товарищей, посчитали, что война продолжается. Партизаны, воевавшие в глубоком тылу противника, продолжали заниматься тем же самым – отбивали обозы, останавливали поезда, грабили федеральные конторы и банки – только теперь им не надо было переправлять добычу Джеффу Дэвису¹⁰, своему президенту. Отряд знаменитого партизана Вильяма Квантрилла после его гибели распался на несколько банд.

– Джесси Джеймс тоже отчаянный был головорез. Его подстрелили совсем недавно, а ведь уже двадцать лет прошло после войны. Лет в пятнадцать, совсем мальчишкой, прибил к отряду Квантрилла. И так с тех пор не опустил оружие. Однажды, лет пять назад, его схватили, и уже верёвку намыливали, так он сбежал прямо из зала суда. А застрелил его кто-то из своих. За пять тысяч.

А Белла Старр?¹¹ Она у Квантрилла была главной разведчицей. Так её до сих пор ищут, мне тут показывал афишку какой-то заезжий шпик. А что её искать? Она как вышла за своего Сэма, так и живёт с ним в Оклахоме, на индейских территориях. Попробуй, сунься к ней. Хоть и обещают за неё три тысячи, а охотников пока не нашлось. Сэм Старр тоже из наших, отец ирландец, мать из чероки....

Да, для этих людей война до сих пор не закончилась. А вот Мортимер не так был воспитан, чтобы в разбойники податься, больно благородный. Но и без дела не сидел. Когда после войны все немного утряслось, он опять оседлал боевого коня. Записался в кавалерию и отправился на индейские территории. Я его видел в Дакоте, мы там прокладывали дорогу «Север – Тихий океан», а кавалеристы нас охраняли. Там он был капитаном. Говорят, ему помогал сам генерал Кастер¹², они вместе учились. А после индейских войн Мортимер

¹⁰ Джефферсон Дэвис (1808—1889) – Президент Конфедерации Штатов Америки с 1861 по 1865. В Конфедерацию вошли одиннадцать штатов. Первыми о своей независимости от Вашингтона объявили Южная Каролина, Миссисипи, Флорида, Алабама, Джорджия, Луизиана и Техас. Они объединились в Конфедерацию, куда позже вошли Вирджиния, Северная Каролина, Теннесси и Арканзас. У Конфедерации был свой Президент, своя Конституция и своя столица, Ричмонд.

¹¹ Вильям Кларк Квантрилл (1837—1865), Джесси Джеймс (1847—1882), Белла Старр (1848—1889) – известные преступники времён Гражданской войны и покорения Запада.

¹² Джордж Армстронг Кастер – (1839—1876), знаменитый генерал кавалерии США, погибший в операции

вернулся к своим в Каролину, и его уже называли полковником. И, говорят, пошёл он служить в тот самый Форт Самтер, который когда-то брал штурмом.

– Значит, он кавалерист, – сказал О'Райли. – Я ведь тоже бывал в Дакоте, как раз когда сиу переселяли в горы.

– Он и кавалерист, и артиллерист, и инженер. И в строительстве железных дорог понимает больше многих инженеров. Да он во всём разбирается лучше всех. И всегда добивается своего. Надо было ему в политики податься, давно стал бы президентом. Только он для такого дела больно благородный. Я же говорю, славный род... – пожал плечами Кеннеди. – Да тебе-то, братец, какая разница? Тебе ведь главное, что? Знать, какая пушка торчит у него за поясом, верно? А пушка эта непростая. «Веблей». С золотой мушкой. Ствол английской работы, патроны полковник сам снаряжает. Говорят, смешивает порох с динамитом, а пули отливает сам. И на каждого зверя – отдельная пуля. Надеюсь, братец, тебе никогда не придётся проверить эти слухи на своей шкуре.

– Что он делает здесь? – спросил О'Райли. – Продолжает с индейцами воевать?

– Он уже пять лет как не служит, – сказал Кеннеди. – Все бросил. Службу, семью. Все бросил и мотается теперь по Западу, ищет кого-то. И я, братец, не завидую тому, кого полковник рано или поздно найдёт.

ДЕЛОВАЯ ДИСКУССИЯ

Полковник Мортимер не знал, что при жизни стал персонажем героического эпоса. Он даже не догадывался о существовании старика Кеннеди, иначе непременно обратился бы к нему, чтобы навести справки о любознательном постояльце соседнего отеля.

По счастью, в салуне хранилась подшивка местной газеты за последний год. Изучая её, полковник, как всегда, начал с конца. «Новое ограбление банка». «Кровавая драма на шахте», «Новости музыки», «Миссионер с топором в голове прожил ещё сорок семь минут!», «Смертельная встреча», «Прощальная гастроль мадемуазель Д'Амбруаз», «Землекопы покидают стройку», «Ограбление банка», «Возмездие свершилось».

Перелистав толстую кипу газет, полковник обнаружил несколько заинтересовавших его сообщений. Преступный мир округа Форт Блисс, оказывается, трепетал при одном только упоминании о новом шерифе. Его решительность и принципиальность, искусство следопыта и невероятно меткая стрельба наводили ужас на злодеев всех видов и мастей.

Полковник не удержался от усмешки, пробежав глазами пространное описание «смертельной встречи» шерифа Уоткинса и Оклахомского Кровососа. Полковник Мортимер, лично наблюдавший встречу, заметил в описании ряд досадных неточностей, и у него возникло горячее желание разыскать невнимательного автора. На самом деле, когда шериф приблизился к Оклахомскому Кровососу на расстояние ружейного выстрела, тот уже перестал подавать признаки жизни, а полковник, сидя на его сундуке с награбленным золотом, спокойно перезаряжал револьвер.

Уоткинс, впрочем, прекрасный шериф. Его дело – наводить порядок, и он со своим делом справляется. А чьими руками он это делает, не касается всяких там писателей. Были в подшивке и другие сообщения о гибели бандитов и беглых каторжников, однако полковник не имел к этому никакого отношения, а об истинных исполнителях газета умалчивала. Только добравшись до выпуска недельной давности, он был сполна вознаграждён за своё терпение.

«Последний из братьев Джунти убит наёмным киллером», гласил заголовок «Эль Пасо Трибьюн». Похоже, братья пользовались особой популярностью, если о них пишут на первой

странице, отметил полковник.

На фотографии красовался шериф Уоткинс, гордо поставивший ногу на грудь убитого. За его спиной виднелась фигура в пончо, и этот персонаж явно не стремился к славе. Неизвестный низко надвинул шляпу и попытался отвернуться, но мгновение уже было навеки остановлено кристаллами азотнокислого серебра на фотопластинке.

«Семейство Джунти, наводившее леденящий ужас на мирных фермеров, в полном составе погрузилось на лодку Харона и отправилось в круиз по Стиксу из порта Эль Пасо в порт Небытие, – сообщал репортёр. – Не будет больше пропадать скот, не будут пылать амбары и кошары, не будут греметь роковые выстрелы над мирными просторами наших пастбищ.

Рей Джунти совсем обезумел после того, как беспощадная рука шерифа Уоткинса настигла двух его братьев, и, скрываясь от справедливого возмездия, пытался найти убежище вдали от людей. Как ядовитые гады в жару заползают под нависший камень, так и Рей Джунти прятался от ослепительного света законности и порядка в мрачной тени каньонов пустыни.

По дороге он пристрелил двух случайных незнакомцев, имевших несчастье оказаться в одном с ним салуне. Рей не подпускал к себе никого на расстояние выстрела, а если подпускал, то стрелял первым. Список невинных жертв в Сан-Хуане пополнил Рудольф Грабер, присланный к нам агентством Пинкертон и попытавшийся подобраться к обезумевшему злодею под видом старухи-мексиканки. Но нашего Рея не так-то легко провести, и отважного агента прошили шесть пуль...»

Полковнику показалось странным, что ради какого-то психопата наняли дорогостоящего агента из самого Чикаго. Возможно, Рей Джунти насолил кому-то из вкладчиков банка Моргана. А может быть, агент был здесь по каким-то своим делам и попался под горячую руку. Бедный Руди Грабер. Что делать, издержки профессии...

Полковник Мортимер никогда не питал симпатий ни к полицейским, ни к частным детективам.

Полицейские – слуги политиканов, молчаливые покровители дорогих притонов, цепные псы начальства. Вынужденный часто общаться с ними, полковник достаточно подробно знал, кого, как и зачем выбирают в шерифы.

Он знал, что многие прокуроры, юристы, полицейские выдвигаются и назначаются как раз теми ребятами, которых и надо бы обезвреживать руками прокуроров, юристов и полицейских.

Он знал судей, которые не могли писать без ошибок и в жизни своей не видели учебника римского права.

И ещё он знал, что никогда и нигде не был отправлен на виселицу преступник, имевший хотя бы одного знакомого среди политиков и миллионеров. Вешают только нищих и беззащитных.

Цивилизованное общество ужаснётся, если вору отрубить руку. Ужаснётся, но негласно оправдает эту жестокую меру. Но попробуйте отрубить хотя бы мизинец скупщику краденого! В таком случае вам пришлось бы оттяпать пальцы у доброй половины цивилизованного общества.

Земли, приобретённые за бесценок, – украдены. Хлопок, выращенный рабами, – украден. Все это понимают, но все слишком глубоко в этом увязли, остаётся только хранить приличное молчание. А борьба благородного шерифа против отъявленного негодяя – это всего лишь сюжет для газетчиков, которым платят ворованными деньгами за каждую строчку.

Полковник продолжил чтение. «И вот – всё кончено. Добровольный помощник шерифа Уоткинса помог привезти труп Рея Джунти к порогу полицейского участка, чтобы все могли убедиться – лодка Харона дала третий гудок и отчалила от Эль Пасо...»

Вот он, добровольный помощник. Ирландец в пончо, вспомнил полковник слова шерифа из Тукамкари. Вот он – ирландец в пончо... Его поездка в Уайт Рокс была, очевидно,

вполне успешной, и теперь он намерен заработать более солидное вознаграждение, сдав властям Индио, «живого или мёртвого». Появление конкурента – плохая новость. Но полковник не огорчился: было бы хуже, если бы конкурент остался незамеченным. Да, теперь придётся действовать с оглядкой, не подставлять спину – от коллег по этому промыслу можно всего ожидать. Зато, с другой стороны, появление ирландца, а может, и других охотников за деньгами, было хорошим знаком и говорило о том, что Индио кружит где-то поблизости.

Полковник Дуглас Мортимер знал, в чём смысл жизни. Смерть – это хаос, а жизнь стремится к порядку. Можно назвать это гармонией или ещё как угодно, но полковнику больше нравилось слово «порядок».

И когда он видел нарушение этого порядка, он не возмущался. Наоборот, он тихо радовался тому, что для него, наконец, нашлась работа. Каждому приятно понимать, что он нужен людям. Особенно приятно знать, что ты незаменим. Полковник Мортимер считал себя единственным там, где для выполнения работы требовалось применить оружие. Восстанавливать порядок было смыслом его жизни.

Например, когда свежеиспечённый выпускник Вест Пойнта¹³ лейтенант Мортимер узнал результаты президентских выборов 1860 года (за ходом которых он, кстати, не следил, поскольку никогда не имел политических взглядов, а к демократам и республиканцам относился с одинаковым презрением), его возмутило именно нарушение порядка. За Линкольна проголосовало два миллиона граждан, за его противника, Стивена Дугласа ¹⁴ – три миллиона. Но система выборщиков позволила признать победителем Линкольна. Будучи военным инженером, Мортимер посчитал это надругательством над математикой и с готовностью присоединился к своим друзьям и родственникам, когда они решили, что Южная Каролина, не признавая победы республиканцев, выходит из состава США.

Надо сказать, что тогда любой штат имел право на выход из федерации. И то, что Линкольн объявил южан мятежниками, тоже было грубым нарушением порядка. По крайней мере, так расценил это Дуглас Мортимер. Он уволился из армии, вступил рядовым солдатом в каролинскую милицию¹⁵ и отправился в полевой лагерь, оставив дома молодую жену на пятом месяце беременности.

Рота «Бешеные Крабы», избравшая его своим командиром, состояла из юных аристократических отпрысков, и поддерживать в ней военный порядок было непросто. Дуглас Мортимер смог этого добиться, ни с кем не поссорившись.

Все другие роты совершали конные прогулки, хвастались арабскими саблями и французскими карабинами, а после во время многочасовой попойки в салуне обсуждали маршрут, по которому после победы они будут возить Линкольна в железной клетке. В это время «Бешеные Крабы» Мортимера, забравшись в чащобу, приучали своих лошадей к грохоту выстрелов и сжигали порох ящиками, тренируясь в стрельбе и зарядании «кольтов» и «ремингтонов»¹⁶.

Аристократы не возмущались и не покидали роту, потому что Мортимер превратил

¹³ Вест Пойнт – академия вооружённых сил США, основана в 1802 г. в Нью-Йорке для подготовки военных инженеров и артиллеристов, чтобы избавить армию США от иностранных специалистов.

¹⁴ Стивен Арнольд Дуглас (1813—1861) – видный политик, сенатор от штата Иллинойс, кандидат от демократической партии на выборах 1860 г. После того, как южные штаты начали выходить из США, выступил в поддержку президента Линкольна и пытался предотвратить Гражданскую войну.

¹⁵ Милиция – вооружённые добровольческие формирования.

¹⁶ «Ремингтон» – длинноствольный револьвер, отличался от «кольта» прочностью конструкции, более высокой точностью стрельбы и удобством перезарядки: его барабан легко снимался, поэтому стрелку достаточно было иметь запас уже снаряжённых барабанов и менять их по мере надобности.

тяжёлую муштру в своеобразный вид спорта. Подготовка к войне стала для его подчинённых не работой, а продолжением привычных забав – конного поло, стрельбы и охоты, и они охотно принимали главное правило новой игры – дисциплину. Поэтому, когда роту Мортимера отправили в первый бой, он был спокоен и знал – всё будет в порядке.

С тех пор прошло много лет. Прошла целая жизнь... Но Дуглас Мортимер оставался верен своим привычкам. Порядок – прежде всего. И полковник продолжал наблюдать за обстановкой, а вечерами готовил своё оружие.

Каждый вечер он разбирал, смазывал, вытирал насухо и снова собирал свой винчестер. После этого доставал из сумки два револьвера: кольт сорок пятого¹⁷ калибра с удлинённым, двадцатисантиметровым стволом, и карманный «Веблей»¹⁸ такого же калибра, но со стволом втрое короче. Вытаскивал патроны из барабанов и внимательно их разглядывал. Держа в каждой руке по разряженному револьверу, полковник взводил курки и нажимал на спуск. Сто раз подряд. Внимательно прислушиваясь к щелчкам и ударам. Это упражнение для пальцев служило ещё и проверкой пружин оружия.

Завершалась эта процедура аккуратным заряданием револьверов.

В этот вечер, как только полковник утопил последний патрон в барабане кольта, в его комнату вошёл старый китаец, выполнявший в номерах роль горничной, прачки и посыльного. Обычно китаец скользил бесплотной тенью, незаметно меняя постель и на ходу протирая от пыли мебель, при этом с пугающей гибкостью выворачивая шею, чтобы взгляд его случайно не оказался направленным в сторону ужасных предметов, которые лежали на столе, поблёскивая стволами.

Но в этот раз китаец занялся необычным делом. Он извлёк из шкафа вещи полковника и аккуратно уложил их в дорожную сумку. Сумка с деликатным щелчком захлопнулась, китаец подхватил её и, неслышно ступая, понёс к выходу из номера.

Полковник проводил свою сумку заинтересованным взглядом. Возможно, молчаливый китаец предлагает ему перебраться в другой номер? Но тогда почему его шаги уже раздаются на лестнице, причём всё быстрее и быстрее? Полковник Мортимер вложил кольт в кобуру на поясе и поспешил за своей сумкой.

Он догнал китайца уже на крыльце салуна.

– Куда ты несёшь мои вещи?

Китаец пожал плечами и ничего не ответил. За него ответил повелительный голос из темноты:

– Отнеси вещи на станцию. Джентльмен уезжает.

Два фонаря у салуна тускло освещали полукруг перед крыльцом, и в этот полукруг вышел из темноты высокий ирландец в пончо.

– Джентльмен оплатил все счета и уезжает, – повторил он, кивком показывая китайцу направление, в котором следовало унести сумку.

– Отнеси вещи обратно в номер, я остаюсь, – мягко сказал полковник, похлопав китайца по плечу.

– На станцию, – приказал ирландец.

– В номер, пожалуйста, – повторил полковник.

Не выдержав напряжения, китаец воскликнул что-то на своём родном языке и воздел руки к луне. Сумка мягко упала на землю, а китаец бесшумно исчез за дверью салуна. Полковник и ирландец в пончо остались на площади одни.

По крайней мере, так это выглядело со стороны. Но оба прекрасно понимали, что

¹⁷ «сорок пятый» калибр – наиболее крупный из принятых для револьверов, соответствует европейскому калибру 11, 43 мм.

¹⁸ «Веблей» – револьвер бирмингемской фирмы «Веблей и Скотт», Англия. Особое распространение получили карманные модели.

сейчас на них смотрит из тёмных окон не одна пара глаз.

– Хорошо. Я сам отнесу ваш багаж. В таком возрасте опасно таскать тяжести – произнёс ирландец.

– Мой мальчик, ты кое-что забыл, – ответил полковник Мортимер. – Человек, идущий по ночной улице с чужими вещами в руках, скорее всего, окажется за решёткой. Если хозяин этих вещей не подстрелит его по дороге.

– Вы что, хотите сказать, что я вор? – с надеждой в голосе спросил ирландец.

Вместо ответа полковник наклонился, чтобы подобрать сумку с земли. Ирландец попытался его опередить. Они столкнулись, и с головы полковника слетела шляпа.

– Мой мальчик, тебе не помешают уроки танцев, – сочувственно сказал полковник Мортимер. – В обществе нельзя быть таким неуклюжим.

– Это я-то неуклюжий?

С этими словами ирландец откинул пончо, рывкнул выстрел, и шляпа полковника подпрыгнула и отлетела на десяток шагов в направлении станции.

Нахмурясь, полковник пошёл за шляпой. Но стоило ему приблизиться к ней и наклониться, как рывкнул новый выстрел, и шляпа отлетела на несколько метров. «Это становится забавным, – подумал полковник. – Ну-ка, посмотрим, на что способен этот юноша». Не оглядываясь, полковник подошёл к своей шляпе, лежавшей на земле донышком вниз. Он не стал наклоняться, ожидая выстрела, и кольт ирландца оправдал его ожидания. Шляпа подскочила, перевернулась в воздухе несколько раз, встала на поля и прокатилась вперёд.

Неторопливо догнав шляпу, полковник оглянулся, прикидывая дистанцию. Сорок пять шагов. Силуэт ирландца отчётливо виднелся на фоне освещённого крыльца салуна. Полковник увидел, как ирландец поднимает кольт. Если первые выстрелы он делал от бедра, то теперь тщательно целился с вытянутой руки. И попал – несчастная шляпа метнулась вперёд, словно её сдуло ветром. Полковник отправился следом, считая шаги. Все. Пятьдесят. «Если его кольт заряжён обычными патронами, – сказал своей шляпе полковник, – то твои мучения кончились».

Со стороны салуна грохнул выстрел, но пуля ударилась в землю, не долетев до цели, и с жалобным воем отскочила в сторону. Полковник поднял шляпу, отряхнул с неё песок и аккуратно, сведя рваные края, загладил дырки в полях и тулье.

– Теперь наша очередь, – сказал полковник, надев шляпу.

Он достал из-за пояса длинноствольный револьвер, обхватив рукоятку двумя руками, и навёл оружие на ирландца. Тот стоял, опустив руки и широко расставив ноги. Его хорошо было видно в свете фонарей, и полковник отметил, что противник смотрит прямо на него, не мигая. Пауза затянулась: полковнику пришлось решать сложную баллистическую¹⁹ задачу: ирландец стоял как раз перед окном, за которым сейчас столпилась вся проснувшаяся прислуга салуна. И если пуля пройдёт мимо, она достанется другим.

Мортимер опустил на колено и навёл мушку на голову противника. «Его рост, – рассчитывал полковник, – примерно, шесть футов. Плюс каблуки. Исходная точка выстрела находится на высоте два фута. Теперь пуля отправится по восходящей траектории, и этого угла должно хватить, чтобы не побить стекла в салуне».

Он держал револьвер двумя руками. Правая нежно охватывала рукоятку, а левая принимала на себя всю тяжесть длинноствольного колта. «Только не шевелись», мысленно попросил он противника – и выстрелил.

С головы ирландца слетела шляпа. Кружась она подлетела вверх, и тут полковник выстрелил ещё раз. Шляпа взвилась выше фонарей и исчезла в темноте. Стоило ей снова появиться в лучах призрачного света, как третий выстрел полковника подбросил её ещё выше, и через несколько томительных секунд все услышали, как шляпа упала где-то на дощатой

¹⁹ Баллистика – прикладная наука о движении пуль, снарядов и т. п.

веранде.

ДОГОВОР О ПАРТНЁРСТВЕ

Когда-то полковник Мортимер слыл гостеприимным хозяином. По пятницам в его особняке собирался весь цвет Северного Чарльстона – отставные вояки и разорённые плантаторы со своими мальчиками и девочками, которых надо было познакомить наиболее удачным образом. Для молодёжи устраивались танцы в холле первого этажа, на втором этаже мужчины курили трубки за бриджем, а на просторном балконе с витой решёткой непрерывно переливалось щебетание дам.

Сейчас полковник принимал единственного гостя в своём убогом номере. Когда ирландец снял пончо и шляпу, оставшись в выцветшей солдатской рубашке, а потом, представляясь, иронично щёлкнул каблуками и слегка поклонился, причём движение головы вниз было почти незаметным, а вверх она вскинулась быстро и заносчиво, – тогда полковник обнаружил, что его недавний противник мог быть ровесником его дочери.

На вид ему было лет двадцать пять, и выправка у него была вполне кадетская. Полковник откупорил неприкосновенную доселе бутылку контрабандного скотча²⁰ и предложил гостю лучшие сигары – из Флориды. Но истинную и неприкрытую радость он доставил гостю не угощением, а тем, что разрешил осмотреть свой переносной арсенал.

О'Райли со скептической улыбкой вертел в руках револьвер полковника.

– Мне говорили, что вы пользуетесь каким-то диковинным «веблеем», а это обыкновенный кавалерийский кольт. Где же тут золотая мушка?

– Посмотри внимательнее. Прицелься.

О'Райли вытянул руку, прицелившись в тёмное окно, и увидел на мушке блестящую точку.

– Золотой шарик, – пояснил полковник. – Помогает глазу найти мушку. Особенно в темноте.

– Ну, я пока на глаза не жалуюсь... И не лень вам таскать такую здоровенную штуковину?

– Эта «штуковина» с пятидесяти шагов могла отправить тебя в могилу, – напомнил полковник, разливая виски по стаканам. Он поднёс стакан О'Райли и тот отложил револьвер.

– В нашем деле редко приходится стрелять с пятидесяти шагов, – заметил он, отпив виски.

– В нашем деле?

– Я хотел сказать, что мы с вами занимаемся одним и тем же. Вы получаете деньги за каждый труп, я тоже. Только моё оружие попроще. Но такой кольт, как у вас, мне тоже знаком, – сказал О'Райли. – Два года таскал его.

– Служил в кавалерии?

– Да, был разведчиком, иногда – проводником.

– Странно, – заметил полковник. – Ты больше похож на недоучившегося кадета, чем на кавалериста. Ты не из военной семьи?

– Какая разница, из какой я семьи? – холодно спросил О'Райли.

– Никакой, – согласился полковник, улыбаясь.

– В детстве я жил в форте, всю жизнь среди мундиров и оружия, – уже мягче добавил О'Райли.

– А служил где?

– Седьмая Кавалерия²¹, Дакота, Колорадо. Говорят, вы тоже бывали в тех краях?

²⁰ «скотч» – шотландское виски, ввоз которого в США был затруднён из-за политики поддержки отечественного производителя. Американское виски, «бурбон», было более распространённым напитком.

²¹ Седьмая Кавалерия – название кавалерийского соединения, воевавшего против индейских племён в 70-е –

- Бывал. Когда ты ещё играл деревянными пистолетиками, мой мальчик.
- Что же, полковник, – невозмутимо ответил О'Райли, – пожалуй, в нашем деле старостью можно гордиться. Кстати, я играл настоящим оружием. Но я не собираюсь, подобно вам, на старости лет гоняться за отбросами. Вот прикончу Индио, получу свои десять тысяч и отойду от дел.
- Чем займёшься?
- Присмотрел я тут ферму неподалёку, на Ред Ривер. Найму работников, налажу хозяйство. Потом перепродам какой-нибудь ирландской семье из переселенцев, а себе куплю ранчо.
- Хорошая мысль, – согласился полковник Мортимер. – Жаль тебя разочаровывать. На Индио ты не заработаешь.
- Думаю, я доберусь до него раньше вас, полковник.
- Может быть, раньше. Может быть, позже. Но скорее всего, он не достанется ни мне, ни тебе. Ты видел когда-нибудь, как чайки дерутся из-за рыбы? При этом рыба обычно падает обратно в море. Вот и мы с тобой можем остаться на бобах, – сказал полковник Мортимер. – Если не будем помогать друг другу.
- Интересно, – протянул О'Райли. – Охотиться вдвоём? Что-то новое для меня. И как же мы будем его делить? Вы возьмёте себе голову, а мне всё остальное? Без головы его туша не будет стоить ни цента. Нет уж, полковник, я привык всё делать сам. Я сам найду его, сам подстрелю, сам и деньги получу.
- Полковник Мортимер раскурил трубку и прошёлся по комнате.
- Нам пора раскрыть свои карты, мой мальчик. Ты прекрасно знаешь, что Индио не появится здесь в одиночку. С ним будут его люди, и нам придётся перебить их всех, чтобы добраться до него.
- Нам?
- Да, нам, – твёрдо повторил полковник. – Я предлагаю тебе равноправное партнёрство. Потому что вдвоём мы будем сильнее. Не в два раза, а в десять раз сильнее, чем двое одиночек, которые, к тому же, не ладят один с другим. Ты знаешь, сколько людей у Индио?
- Я насчитал шестерых, – припомнил О'Райли.
- Ты плохо считал. Три дня в город приезжали его люди, каждый раз вчетвером, и каждый раз это были новые люди.
- Получается двенадцать?
- Наверняка приезжали не все, – поднял палец полковник. – Были только те, кого плохо знают в Эль Пасо. Но я смог опознать двоих. Это Фриско и Чёрный.
- В салуне вы могли познакомиться с Дикарём, – напомнил О'Райли. – А ещё я видел Нино и Кучилло, они приезжали на пустом фургоне два раза. Я так и не понял, зачем.
- Кажется, я догадываюсь, зачем им фургон, – сказал полковник. – Но сначала давай подсчитаем. За Чёрного объявлено вознаграждение в четыре тысячи. За Фриско – две. Дикарь, я знаю, стоит три тысячи, и Нино – одну. Если не считать остальных бандитов, то только за этих ты получишь свои десять тысяч. А Индио оставишь мне. Согласен?
- Как вы легко считаете чужие деньги, – укоризненно сказал О'Райли. – Их ещё надо заработать.
- Ты заработаешь больше, если мы будем действовать вместе, – сказал полковник. – А теперь о фургоне. Они пригоняли его сюда, чтобы приучить охрану к его виду. Перед ограблением фургон, как обычно, подъедет к зданию банка, но на этот раз он не будет пустым. Возможно, внутри спрячется человек десять. А когда подоспеет подкрепление, из фургона будет удобно отстреливаться. Наконец, при отступлении фургоном перегородят улицу и выиграют время.
- Прямо целая операция, – насмешливо заметил О'Райли.

Полковник Мортимер прошёлся по комнате из угла в угол:

– А ты? Как ты собирался взять Индио?

– Ну, у каждого свои приёмы... – уклончиво начал О'Райли, но, увидев насмешливую улыбку полковника, решил доказать, что он, хоть и не кончал академий, а тоже кое-что соображает в тактике, стратегии и баллистике. – Я взял бы его на отходе. По моим прикидкам, с банком у них ничего не выйдет. Слишком сильная охрана. Всё рассчитано, все пристреляно. Это будет бессмысленная трата времени и пороха. Когда банда кинется на штурм, Индио будет где-то сзади. А когда почувствует, что всё напрасно, первым даст дёру. Есть только одна дорога, по которой можно быстро смыться отсюда. И на этой дороге я его перехвачу. Вот и все.

– Хороший план, – сказал полковник. – Но почему ты решил, что у него ничего не получится? До сих пор всё, что Индио затевал, у него получалось. Он никогда не проигрывал и всегда брал то, за чем приходил.

О'Райли хмыкнул:

– Как же он оказался за решёткой?

– Ты не знаешь? – удивился полковник. – И ничего не слышал о Баркере? Тим Баркер, один из лучших стрелков Арканзаса, с трёхсот шагов свалил Индио из своей винтовки. Одна пуля прошла голову насквозь. Вошла над бровью, вышла за ухом. Вторая пробила грудь и застряла между рёбрами на выходе.

– Как это он успел засадить в него две пули? – не удержался О'Райли от скептического замечания. – Бедолага должен был свалиться уже после первой. Что же, он на лету поймал грудью вторую пулю?

– Нет, не налёту, – ответил полковник. – Баркер выстрелил в него, когда подошёл к упавшему. Добил из револьвера. Потом погрузил тело в фургон, привёз в участок и бросил к ногам шерифа – и тут Индио застонал. Оказывается, пуля пробила две дыры только в коже, скользнула по кости, и Индио был контужен. Вторая рана была посерьёзней, но и она не оказалась смертельной. По крайней мере, для него.

– Спасибо за интересный рассказ, – вежливо сказал О'Райли. – Но у меня ещё никто не вставал после двух пуль. Да и одной вполне хватало.

– Речь не о том, – полковник поднял палец, – что Индио живучий, как кошка. Главное – другое, если он затеял ограбить банк, он его ограбит. Я ещё не знаю, как он это сделает, но я знаю, что он это сделает. И ни на секунду не покажется нам в открытую, поскольку будет всё время прикрыт своими людьми. Для этого он и набрал их в таком количестве. Сам подумай, почему он всегда действовал малыми силами, втроем или вчетвером, а тут набрал больше дюжины? Ведь каждому из них придётся заплатить долю. Ты думал об этом?

– Да, – кивнул О'Райли. – Но я видел только шестерых. Конечно, если их будет больше, попасть в Индио будет труднее. Ну и что? Я просто уложу всех, кто будет рядом с ним.

– Правильно, мой мальчик, – улыбнулся полковник. – Именно это мы и сделаем. Уложим их всех, и не будем ждать, когда они ограбят банк. Ты рассказал о своём плане, теперь я расскажу о своём. Точнее, о том, что я мог бы сделать, если бы действовал в одиночку. Я собирался устроить им засаду. В тот самый момент, когда они раскроются перед нападением, я открываю огонь на поражение. Я уже нашёл четыре точки, откуда можно перекрыть им все пути.

– Один стрелок в четырёх точках...

– Смена позиции, элементарный приём. Стреляешь из-под лестницы, потом перебегаешь за угол конюшни, а там уже лежит пара заряженных ружей. Дело займёт не больше пяти минут, если застать их врасплох.

– Вы знаете, полковник, эти парни не похожи на людей, которых можно застать врасплох.

– В том-то и дело, мой мальчик. Но даже не это главное. Мы с тобой не учли, что банк охраняется по всем правилам. Как только бандиты начнут штурм, сюда за две минуты стянутся шестнадцать стрелков, и люди Индио окажутся в огневом мешке. Ты говоришь, он

увидит это и даст дёру? Ты плохо его знаешь. Сопротивление только распаляет его, и он будет драться до последнего патрона. Он не отступит, и его убьют. Даже если мы с тобой примем участие в этой перестрелке, награду за Индио получит охрана, а не мы, сколько бы наших пуль ни нашли в нём после боя. Тебя устраивает такой исход?

– Вы знаете мой ответ, – мрачно сказал О'Райли.

– Значит, надо действовать иначе. Давай посмотрим на всё это дело с другой стороны. Где ещё рядом с Эль Пасо могут быть лакомые кусочки для Индио? Небольшой банк в Сан-Хуане. И почтовая станция там же. А теперь представь, что в Эль Пасо направляется дилижанс с грузом золота. Его хорошо охраняют, но вот он делает последнюю остановку в Сан-Хуане. Охрана расслабляется, и тут на них из-за всех углов нападают люди Индио. Их много, и они стреляют первыми. Они выиграют эту схватку и захватят груз.

– Откуда вы знаете про груз?

– Я не знаю, я только предполагаю.

– Предположить можно всё что угодно, – возразил О'Райли. – Он может напасть на дилижанс на любой другой станции.

– Нет. Только на предпоследней, когда все уже почти дома. И до границы отсюда рукой подать.

– Ладно. Тогда что его люди делают в Эль Пасо?

– Не знаю. Вполне возможно, следят за охраной. Чтобы никто не кинулся на помощь в Сан-Хуан. Если оттуда по телеграфу сообщат о нападении, то местные охранники отправятся на перехват. Индио может оставить пару стрелков в засаде, и они задержат подкрепление.

Полковник выбил золу из трубки на жестяную тарелку и продул мундштук. О'Райли задумчиво следил за его действиями.

– Нет, – сказал он. – Вы, полковник, рассуждаете как военный. Для Индио все это слишком сложно. Откуда он может знать про дилижанс с золотом? Зачем следить за охраной? Слишком сложно. Он будет тупо штурмовать банк в Эль Пасо. Потому что это большой банк, и в нём наверняка достаточно денег. Ему нужна уверенность, а в этом банке он может быть уверен. Вот так, все очень просто.

Полковник Мортимер стоял у окна, скрестив руки, и смотрел в темноту. Он смотрел на своё отражение в стекле и одновременно наблюдал, как его ночной гость вертит в пальцах огрызок сигары, разминает, подносит к носу, но не закуривает.

В самом начале разговора всё казалось проще. Ему хотелось просто договориться с юнцом, чтобы не мешать друг другу. С годами полковник все острее ощущал своё одиночество, а за последнее время ему и поговорить было не с кем. Иногда он мог заговорить со случайным попутчиком в вагоне, но после долгой оживлённой беседы останавливался на середине фразы, невнятно извинялся и снова замыкался в раковине молчания. В такие моменты он подозревал, что его внезапная болтливость – симптом душевного расстройства, и следующим шагом будут разговоры с самим собой.

Чтение библии было для него заменой общения с людьми, но сейчас Мортимер почувствовал, как неполноценна эта замена. Библия не могла ни ответить, ни возразить, ни согласиться. А этот заносчивый великан, который годился полковнику в сыновья, говорил с ним на равных и заставлял думать. Мысль о том, что Индио может и не объявиться в Эль Пасо, пришла совершенно неожиданно, и полковник понимал, что все его расчёты были бесполезны.

Дуглас Мортимер попытался вспомнить, каким он был в двадцать пять лет. Какие аргументы тогда казались ему самыми убедительными? Чьё мнение было для него важным?

Он усмехнулся, поймав себя на мысли, что в двадцать пять лет он был таким же, как сейчас. Но это говорит не о том, что ему удалось остаться молодым, а только о том, что он рано состарился. Единственный аргумент, который был и оставался для него самым убедительным, – это собственный опыт. И ничье мнение не было для него важным. Он никогда ни с кем не спорил. Если его начальник отдавал ошибочный приказ, то Дуглас Мортимер исполнял его, но при этом делал все, чтобы уменьшить вред. Когда ему приказали

бросить эскадрон на окопавшегося противника, он только попросил лишний час времени. Ему дали полчаса, и он провёл эти тридцать минут на самом высоком дереве на вершине холма, оглядывая местность, где ему предписывалось красиво погибнуть вместе со всем эскадром под перекрёстным огнём. Через полчаса его «бешеные крабы» вылетели на кукурузное поле, усеянное телами людей и лошадей, но не развернулись в цепь, а узкой колонной ринулись на левый фланг противника. Да, первые ряды были выкошены, но остальные доскакали до окопов, прыгнули в них и вышибли противника оттуда. Ему было двадцать пять, и он был уверен, что не доживёт до двадцати шести.

Какие ещё аргументы... Он отвернулся от окна и прервал затянувшееся молчание:

– То, что я рассказал тебе, мой мальчик, это моя фантазия. Но она ничуть не сложнее той истории, которую рассказал ты. Мы с тобой фантазируем, живём предположениями. Но это всё же не истина, так? Значит, пока мы живём обманом. А правду знает только Индио.

– Почему бы нам не спросить его самого, что он затеял? – усмехнулся О'Райли.

– Именно это я и хочу тебе предложить, – сказал полковник. Он начал откупоривать бутылку, но так и остановился, вытащив пробку наполовину. – Мы должны опередить всех. И бандитов, и охрану. Мы должны напасть на Индио первыми.

– Отличная мысль, полковник. Он сам оставил вам адрес, или вы узнали его из газет?

Полковник Мортимер подлил виски в стаканы и опустил в кресло, покусывая кончик погасшей трубки.

– Чтобы говорить дальше, мне надо знать твоё решение, – сказал он наконец. – Если ты согласен действовать вместе со мной, то мы говорим о нашем общем деле. Если отказываешься, поговорим о виски. Или о погоде.

– Виски как виски, – О'Райли отпил изрядный глоток. – Бывает и хуже. Ладно, полковник. Я согласен.

– Равноправное партнёрство, – напомнил полковник.

– Ну да, пятьдесят на пятьдесят. Так откуда вы знаете, где сейчас прячется Эль Индио?

– А разве я сказал, что знаю? – улыбнулся полковник Мортимер. – Неужели ты думаешь, что я нуждался бы в партнёрах, если бы знал это?

– Хорошо, вы не знаете. Я тоже не знаю. А кто тогда знает?

– Санчо Перес, – ответил полковник. – Эти двое, Индио и Санчо, были вместе с самого первого своего убийства. Они были вместе даже в тот момент, когда Баркер стрелял в Индио. Санчо тогда удра.

– Понятно, – кивнул О'Райли. – А теперь он вытащил дружка из тюрьмы.

– Нет, не вытащил. Потому что он сам сейчас в тюрьме, – сказал полковник. – Только благодаря этому Санчо Перес до сих пор жив. Я уже вышел на его след, но немного опоздал. Сначала я хотел дождаться, когда его выпустят, но теперь, когда нас двое, нет причин для задержек.

– Вы хотите нанести ему визит?

– Да, его надо навестить. Он сидит в угловой башне, к нему легко можно заглянуть в окно, если встать на лошадь.

– Полковник, вы бы стали разговаривать через решётку, да ещё с незнакомцем? – спросил О'Райли.

– С незнакомцами я предпочитаю не разговаривать далее без решётки. Думаю, что Санчо Перес тоже будет более расположен к беседе, если окажется на свободе. И мы ему в этом поможем.

– Где он сидит?

– В Аламогордо, – ответил полковник. – Это не так далеко отсюда. Правда, поезда туда ещё не ходят. Но верхом добраться не составит труда. Так вот, если один из нас освободит Санчо, то он приедет к Индио вместе с ним.

О'Райли отставил стакан в сторону и спросил:

– Что-то не пойму я. Почему при словах «один из нас» вы так упорно смотрите на меня?

– Да потому что тебя они не знают, а я уже сталкивался с Дикарём. Ты сможешь войти в его банду. Он набирает разных людей, потому что дело того требует. Ни Дикарь, ни Фриско раньше не были замечены в банде Индио. Значит, и ты можешь затереться к ним.

– Полковник, вы что же, думаете, я буду стоять рядом с Индио, и удержусь от того, чтобы его прихлопнуть?

Полковник Мортимер улыбнулся в ответ:

– Удержишься. Ведь я буду рядом. Как только ты потянешься к оружию, я появлюсь у тебя за спиной и напущу об условиях нашего партнёрства. Индио – мой.

ИНДИО – ПЛОДЫ ИЗОЛЯЦИИ

Восемнадцать месяцев, проведённые в подземельях крепости, не прошли бесследно для Индио. Если он и не исправился, то, по крайней мере, очень изменился.

Как полагали многие, свою кличку Эль Индио, по-испански «индеец», заслужил, проявляя изощрённую жестокость. И мало кто знал, что детство Фредди Гривс провёл среди апачей.

Ему было десять лет, когда индейцы напали на ферму, где жила его семья. Перестрелка была короткой, работники и родственники, метавшиеся по двору, вскоре затихли в разных углах фермы, а из их спин торчали стрелы с лохматым оперением. Такая же стрела пробила грудь его матери. Ей повезло – она умерла сразу и не досталась индейцам.

Фредди забился в собачью конуру, и все видел оттуда. На его глазах раненого отца связали и подвесили головой вниз на задранной оглобле фургона, а под ним развели костёр. Самого Фредди выволокли из конуры, связали и бросили в мешок, привязанный сбоку седла. Апачи сожгли ферму, уведя с собой волов, мулов, овец, и унося в мешке белого мальчишку.

Он думал, что они его съедят.

Но белый мальчишка был нужен для другого. В клане Мескальеро, куда попал Фредди, не хватало мужчин. Молодые индейцы, выбрав жену из другого клана, уходили в её семью. А пойманный чужак, если доживёт до зрелости, останется в семье, женится на девушке из семьи, а потом ещё и поможет ей нарожать новых воинов.

Семь лет Фредди жил в племени, в горном хвойном лесу. Ему тяжело давались многие навыки, естественные для апачей. Например, он так и не стал хорошим следопытом. У него не хватало терпения ощупывать взглядом каждый клочок земли, чтобы увидеть след. И даже когда он видел примятые травинки, пятно на камне, волосок на коре, он думал, что это травинка, пятно, волосок, и не понимал, что это и есть след. Наездник из него тоже не получился, но в этом он был настоящий апач, потому что и они с лошадьми не ладили. Конину апачи любили больше мяса мулов, но наездники были никудышные. Единственное, что освоил Фредди, это стрельбу из лука. Он не промахивался, стреляя по взлетающей утке, и даже по белке, прячущейся среди ветвей.

А ещё, как настоящий апач, Фредди был азартным игроком. В этом он даже превзошёл своих воспитателей. У каждого мужчины был свой кожаный мешочек с мечеными палочками, которые служили им для несложной, но захватывающей игры: двое одновременно вытаскивали, не глядя, по палочке из своего мешка, и чья метка была сильнее, тот и забирал обе палочки. Тот, кто проиграл весь мешочек, мог выкупить его обратно, отдав победителю что-нибудь из своего имущества. Такой мешочек завёлся и у Фредди, когда его признали взрослым – по волосам на лобке. Но тупо вытаскивать палочки ему быстро надоело, и он придумал новую игру.

Участники становились на разных краях поляны, между ними в землю неглубоко вбивалась длинная жёрдочка, а у ног каждого соперника лежала дубинка. По сигналу надо было метнуть дубинку так, чтобы жёрдочка свалилась в сторону противника.

В этой игре Фредди был непобедим, потому что у него были свои секреты. Апачи с

простодушной хитростью клали дубинку перед собой, чтобы в момент броска оказаться ближе к мишени. А Фредди, наоборот, стоял чуть впереди своей дубинки – наклонившись за ней, ему уже не надо было тратить время на замах. А второй секрет был в том, что он не ждал сигнала. Он зорко следил за противником. И как только тот делал первое движение, все тело Фредди взрывалось в броске. И оставалось лишь не промахнуться.

Ему иногда приходила в голову мысль о побеге из племени, но это было слишком сложно и опасно, да и что ему было делать среди белых? Но в конце концов белые все сделали за него. Ему было семнадцать, когда на территорию племени забрёл торговец и рассказал, что в стране белых идёт война, многие ранчо остались без хозяев, стада разбредаются, а опустевшие дома заносит песком. Молодые апачи загорелись желанием посетить «благоденственные края, пока там ещё не все разворовали команчи и кайова²². Старики были против, но молодёжь имела право на вольную охоту.

Фредди вместе со сверстниками пересёк Рио-Гранде, и там их радужные планы рухнули раньше, чем зашло солнце. Оказывается, о войне здесь никто и не слышал, и на каждом ранчо хватало вооружённых мужчин. Пара неудачных налётов, потерянные друзья, первое ранение, второе... Когда у самой реки отступающие индейцы натолкнулись на отряд рейнджеров, Фредди свалился с коня и прикинулся мёртвым. Бой откатился за холмы, а Фредди отполз в заросли ивняка. Он догадался украсть одежду на первой попавшейся ферме и забраться подальше от границы. Ковбои, перегонявшие стадо на север, приняли его в свою команду, и он дошёл с ними до индейских территорий Оклахомы, а там сбежал.

За семь лет он не забыл адреса, по которому жил один из братьев его отца, – Оклахома, посёлок Фаунтри, у моста. Дядя принял его как ни в чём не бывало и тут же отправил на ранчо забивать телят. С тех пор руки Индио не отмывались от крови.

Там, на дядином ранчо, началась у него новая жизнь. Никто не признавал его своим. Для белых он был «индейцем», они смеялись над его акцентом и привычками. Только несмышлёныши-карапузы играли с ним, и он делал для них луки со стрелами и запускал змеев. Дети постарше уже чурались его. Сопливые мальчишки передразнивали как он держится в седле, и ни одна шлюха не соглашалась даже посидеть рядом с ним на лавочке. Для ковбоев-мексиканцев он был «гринго», к тому же безродным. Потомки испанских грандов высоко ценили родословную, а Фредди не был даже хозяйским выbledком.

Но он терпел все. Он умел терпеть, притворяясь, что ничего не слышит, не замечает, не понимает. Иногда он вспоминал апачей, особенно когда мимо него, смеясь, проходили женщины. Их голоса, их запах, колыхание юбок – всё это заставляло его возвращаться мыслями в своё племя. Он думал, что, если бы он не покинул клан Мескальеро, сейчас у него уже была бы своя женщина. И странное дело, он почти никогда не вспоминал о гибели своих родителей, а если и вспоминал, то без боли и страха. Он словно забыл о том, что их убили индейцы. И ему стало казаться, что не индейцы, а дядя Натаниэль виновен в их гибели. Почему он не остановил брата, когда тот решил перебраться из мирной Оклахомы в дикий край апачей? А он бы и не смог остановить отца, сам себе отвечал Фредди. Отец не хотел оставаться под одной крышей со своим братцем, потому что братец был кровосос и живоглот, скряга и хапуга.

Десять лет Фредди исправно гнул спину на свою родню, пока в дядином доме не случился страшный пожар. Кто-то сказал, что Фредди вышел из дома за минуту до того, как полыхнуло пламя. Помощник шерифа приехал за ним на ранчо и нашёл его в сарайчике при бойне, где Фредди жил все эти десять лет. Он играл в карты с двумя другими резниками, Санчо Пересом и Нино. Помощник шерифа неправильно повёл себя, и Фредди вспылал. Его тесак рассёк помощнику шерифа череп пополам, вместе со шляпой. Санчо подсказал, что ранчо придётся поджечь. Так и сделали. Когда пламя полыхнуло, двинулись в одну

²² Апачи, команчи, кайова – индейские племена, населявшие территорию современных штатов Техас и Нью-Мексико и оказывавшие упорное сопротивление политике заселения земель белыми. Вооружённая борьба этих племён прекратилась только в 1890-х годах.

надёжную деревушку, где обитали отчаянные парни. Они быстро признали Фредди Гривса за главаря, поверив ему, что смогут вырваться из нищеты набравшись смелости и отняв деньги у богатеев. Да только ничего из этого не вышло.

Богачи остаются богачами, даже если их убивают. Поначалу Индио не мог понять, почему спокойный хладнокровный Нино срывал одежду с убитых? Скупщики краденого брали от Индио только украшения, так что вполне можно было оставить. Но Нино срывал эти сюртуки английского сукна, эти глянцевые шёлковые сорочки, потому что ему невыносимо было видеть, что убитый хоть в чём-то сохраняет превосходство над ним.

И всё-таки даже без одежды труп богача оставался трупом богача. Сдирать с них эту ненавистную белую ровную кожу Нино не мог, и его продолжало терзать унижительное бессилие перед устоявшимся порядком вещей. Он успокоился только тогда, когда Индио завёл привычку вызывать пленников на поединок. Нино стал самым заинтересованным зрителем и арбитром всех представлений.

Правила были простыми, но строгими. Пленнику выдавался заряженный револьвер в кобуре на поясе. Расходились на десять шагов. Сигналом к стрельбе служило окончание мелодии карманных часов. Все просто и честно. Индио всегда выигрывал. Может, потому, что в отличие от своих противников, он знал эту мелодию наизусть. Сам-то он был уверен, что никто не может сравниться с ним в быстроте выхватывания оружия.

Индио нравилось доказывать это всем, а ещё ему нравилось каждый раз испытывать судьбу. Ведь пленник всегда мог выхватить кольт и выстрелить, не дожидаясь окончания музыки. Даже удивительно, что никто не попытался этого сделать. Наверно, на них давила обстановка.

Но ведь рано или поздно Индио мог встретить и достойного противника, и тогда... Эта мысль не путала его, а доставляла неизъяснимое наслаждение, и он не упускал ни одной возможности для нового поединка.

Ну и что? Что осталось у меня после стольких лет беспутной и опасной жизни, спрашивал себя Индио. Ничего, кроме нескольких верных друзей, старого колта да золотых часов с музыкой.

Теперь всё будет по-другому. Будет много денег, целая куча денег, и мозговитый Слим научит его, как сделать из неё целую гору денег. Такое сейчас время процветания и роста. Все только об этом и говорят. Все делают деньги, но для начала их надо найти. Найти, или отнять, или украсть. А как иначе? Деньги не растут на дереве и не водятся в речке, и сколько ни копайся в земле, денег в ней не найдёшь.

Индио прикрыл глаза, слушая мелодию карманных часов. Он давно решил перебраться в Нью-Йорк, построить огромный особняк с высокой чугунной оградой, цветными стёклами в окнах, как в католическом соборе в Мемфисе. Две дюжины негров будут сдувать пылинки с ковров и роскошной мебели, повар-француз готовить новые блюда, красавица жена, дочка графа или банкира, мыть ему ноги перед сном. Раз в день он будет объезжать в шикарной карете свои плантации, и негры будут кланяться ему, как в старое время. Вечерами он будет сидеть в огромном зале, где на блестящем дубовом столе будут лежать все те же золотые часы, и все так же будут источать свою мелодию, напоминая ему о прошлом...

Часы достались Индио нелегко. И вспоминать об этом тоже было трудно. Трудно и больно, но всё же то была сладостная боль...

Дело было в Теннесси. Весна разгулялась по-летнему, солнышко хоть и пряталось за плотными облаками, но и сквозь них пригревало густые рощи, покрытые прозрачной первой зеленью, и персиковые сады на холмах, утопающие в розовой пене цветов. По ночам выпадали короткие мягкие дожди, и каждое утро начиналось в густом тумане. Эль Индио со своими людьми двигался по ночам, и этот утренний туман был как нельзя кстати. Они успевали уйти с дороги в лес, поднимаясь повыше, подальше, в самую чащу, чтобы там переждать день.

Весна дурманила его запахом ожившей земли и блеском тёплой реки за стволами деревьев. Хотелось забыть обо всём, сорвать с себя одежды, голым кинуться вниз по склону

и, упав в ласковые волны, кружиться в течении, лёжа на спине и глядя в серое бездонное небо...

Но и эта невинная радость была недоступна Индио. И тогда его переполняла злоба. Там, внизу, по дороге катились повозки, проносились всадники, поднимая лёгкую пыль. Где-то в реке плескались мальчишки, и их звонкие крики и смех далеко разносились по воде... Индио не завидовал им: как можно завидовать тем, кого ненавидишь?

Слим пронюхал, что на станции ожидают каких-то богачей из Каролины. Молодожёны с родителями и богатым приданым. Самая подходящая публика для налёта.

Они перехватили дилижанс в таком месте, где этого меньше всего ожидалось. Две мили от станции, полторы мили до придорожной таверны. Обычно, нападая на пустынных дорогах, Индио стрелял в возницу, Санчо в охранника, а все остальные по окнам дилижанса. После хорошей пальбы люди становятся послушными, если... остаются в живых.

Но здесь нельзя было стрелять, потому что на звук выстрелов наверняка примчались бы люди и со станции, и те, кто был в таверне. Потому-то это место и считалось безопасным, хотя дорога вплотную прижималась к склону горы, покрытому густым лесом.

Кони остановились сами. На дороге, лицом вниз, лежала женщина. Дорожная шляпка с вуалью сбилась на затылок, рядом валялся распахнутый саквояж, из которого тянулась белая окровавленная тряпка. Возница, натянув поводья, привстал, чтобы лучше разглядеть необычную и пугающую картину. Охранник рядом с ним вставил ружье в гнездо и тоже приподнялся, готовый соскочить с кареты, чтобы оказать женщине помощь.

Но женщина зашевелилась и медленно поднялась с земли, встав на одно колено и опираясь на изогнутую ветку, которую она до этого держала под собой. Возница разинул рот от изумления, увидев в руках у женщины лук!

Туго щёлкнула тетива, и стрела с хрустом пробила грудь охранника. Возница растерянно повернулся к товарищу. Тот был ещё жив, он стоял, шатаясь, с вытаращенными глазами, а из уголков рта уже сбежали две полосы крови – и тут же вторая стрела воткнулась самому вознице в горло. Он свалился под колёса дилижанса, а охранник упал между лошадьми, запутавшись в постромках.

Индио вскочило земли, срывая с себя женское платье. Его люди, выбежавшие из-за деревьев, уже подложили под дилижанс заранее приготовленные пучки сухой травы и подожгли их. Удушливый сизый дым окутал карету, внизу он был густой и плотный, как сметана, у окон уже становился прозрачным, и совершенно таял, когда поднимался над крышей. Такой дым не увидят издалека, да и здесь он продержится недолго, но этих минут хватит, чтобы до смерти напугать удушьем несчастных пассажиров.

«Выбрасывайте оружие и не дёргайтесь!» – скомандовал Индио людям, сидевшим внутри и уже начавшим кашлять. «Если кто-то попытается выстрелить, вы все тут сгорите живьём!» Из окна вылетели пара револьверов и карманный «дерринджер»²³.

Дверца кареты распахнулась, и на дорогу вывалился седой толстяк в сером мундире, прижимая к багровому лицу кружевной платок. За ним из кареты повалил дым. Слышался женский плач.

Санчо Перес схватил стоящего на четвереньках толстяка за шиворот и поволок к лесу. Там его перехватил Нино. Он оттолкнул Санчо, коротко взмахнул дубиной и с треском опустил её на затылок толстяка. Тот уткнулся лицом в траву и завалился набок, а в дилижансе завизжала женщина.

«Выходите!» – крикнул Индио. Их было пятеро – двое мужчин и три женщины. Индио сразу решил, что молоденькую в зелёном платье он оставит себе и, схватив её за руку, оттащил в сторону, пока Слим и Кучилло связывали остальных. Санчо, обыскав убитого толстяка, радостно потряс над головой широким кожаным поясом, туго набитым деньгами.

²³ «Дерринджер» – двуствольный, реже четырехствольный короткий пистолет, выпускается с 1860-х годов как портативное оружие самообороны.

Нино выволок из багажного ящика саквояжи, связал их ручки и навьючил на себя.

«Пошли!» – скомандовал Индио, и они принялись подниматься по склону между деревьями, а Хью задержался, чтобы загасить огонь. Дым стелился по дороге, не поднимаясь вверх.

Столько лет прошло, а Индио до сих пор помнил мельчайшие подробности того дела. Как у нас складно всё получалось, вздохнул он и снова щёлкнул крышкой золотых часов, чтобы послушать музыку.

Пленников нельзя было отпускать. Они добежали бы до таверны раньше, чем Индио мог уйти на безопасное расстояние. Поэтому их поодиночке отводили в расщелину между скал, и Нино забивал их ударом дубинки под затылок. Это делалось тихо, чтобы остальные не волновались. Им говорили, что там, в расщелине, есть пещера, в которой они проживут какое-то время. Только сначала мы вас обыщем, снимем вот эти серёжки, и этот поясок тоже... Они подчинялись безропотно, парализованные страхом. А та, молоденькая, сидела в стороне, зажав лицо ладонями. Индио решил, что она останется жить.

Она лёгкая, лошадь и не заметит такой прибавки к обычному грузу. Молчит, значит, понимает, что кричать бесполезно. Она будет послушной девочкой. Молоденькая, свежая. Какой чистый у неё белый воротничок над зелёным платьем... Наверно, у неё такая же чистая сорочка под платьем. И там, под сорочкой, её грудь... Такая маленькая, уместается в ладонь, с розовыми полупрозрачными сосками... Была у него однажды малолетка, хныкала всё время. А эта держится. Дня через три он отпустит её где-нибудь в Арканзасе.

Она ему нравилась так, как давно никто не нравился, хотя он почти не видел её лица. Она сидела, наклонившись и закрывая лицо. И сейчас он видел только её тонкую розовую шею между белым воротничком и каштановыми волосами, зачёсанными вверх под шляпку. Эта шейка ему нравилась больше всего на свете. Он не отпустит её через три дня. Он будет возить её с собой, сколько это будет возможно. Они уедут в Мемфис, он покажет ей, что такое красивая жизнь...

Он все любовался её шейкой, и вдруг один из пленников, молодой красавец, связанными руками оттолкнул Слима, ногой врезал Санчо Пересу между ног, а потом, согнувшись, головой вперёд, как бычок, кинулся на Индио. Они оба повалились, и парень все тянулся зубами к горлу Индио, пока не подоспел Кучилло со своим тесаком. Когда парень обмяк, Индио смог выбраться из-под него – и тут он услышал хруст веток, топот ног, а потом два выстрела.

«Чуть не убежала», сказал Слим.

«Зачем ты стрелял...»

«Да здесь никто не услышит».

«Зачем ты стрелял...»

Он кинулся вниз по склону, туда, где зеленело широкое платье, разметавшееся на ржавом ковре листьев. Слим, мазила, ну почему ты не промазал в этот раз... Она лежала на боку и уже не дышала. Пуля попала ниже левой лопатки и вышла из груди, оставив огромную рваную рану.

Индио перевернул тело на спину и бережно сложил руки убитой на груди, чтобы не видеть этой раны, этого красного месива плёнок и серой пены, этих белых обломков костей, он прикрыл все это, чтобы наконец полюбоваться её лицом.

Он сдул с её щеки прилипшие листья и сухие травинки, расправил волосы, открывая выпуклый лоб.

«Уйдите все», приказал он, стоя над телом. «Уходите, я догоню». Он опустился перед ней на колени и дрожащими пальцами принялся расстёгивать мелкие пуговицы. Пальцы нащупали цепочку, он потянул за неё, и из кармашка на талии выпала луковица часов. Индио переложил часы к себе в карман и снова принялся за пуговицы. Дойдя до сложенных рук, он остановился и развёл полы платья в стороны. Под зелёным платьем оказалась плотная серая юбка. Он попытался стянуть её вниз, но она была пристёгнута к поясу крючками. Крючки не поддавались ему, и тогда он в ярости выхватил нож и вспорол эту юбку снизу до живота, и

вторую юбку, шёлковую, он разодрал руками, и, наконец, увидел её ноги, обтянутые полосатыми штанишками. Он гладил эти остывающие колени и не понимал, почему они блестят, почему они мокрые, пока перед глазами не поплыли радужные пятна, и только тогда он догадался, что плачет. Это его слёзы намочили её колени. Оказывается, он плакал, раскачиваясь над ней и приговаривая: «Зачем ты стрелял? Зачем ты стрелял?.. " Слим потом долго старался не попадаться ему на глаза, держался сзади и помалкивал.

Слим зря боялся. Гнев Индио никогда не вредил делу, и он прекрасно понимал, что Слим поступил правильно.

А вот Кучилло, как оказалось потом, здорово их подвёл. Тот юный красавчик, который со связанными руками кинулся защищать свою невесту, остался жив! Кучилло поленился вытащить застрявший тесак, а ведь сколько было случаев, когда нож, оставшийся в ране, не давал вытечь крови, и это возвращало к жизни тех, кого уже считали мёртвым. Да только такая уж у него привычка, вечно он оставляет ножи, где попало. Так этот красавчик с тесаком в спине, связанный, дополз до дороги, и его сразу нашли, и устроили погоню. И вместо того, чтобы праздновать удачу, банде пришлось прятать добычу в тайник, рассыпаться и уходить поодиночке...

Но всё кончилось хорошо. Даже этот оживший покойник оказал им невольную услугу. Все опять заговорили про неуловимого Индио, про его звериную жестокость. И все теперь знали – с ним лучше не спорить. Да, тогда все у них получалось складно, и денег они в тот раз унесли целую кучу – ну и где они сейчас? Ничего не осталось, кроме этих вот часиков. Кроме этой музыки...

Мелодия печально замедлила своё течение, как бы теряя силы, всплеснулась напоследок двумя ударами невидимых колокольчиков и угасла окончательно.

Нет, теперь всё будет иначе, твёрдо сказал себе Индио и захлопнул крышку часов. Никакой Мексики. Берём банк, и я уезжаю в Нью-Йорк. Пора начинать жить, как люди.

КТО ПЬЁТ ВИСКИ ДНЁМ?

Над железнодорожной станцией близ городка Сан-Хуан стояло облако, сотканное из пыли, мычания, свиста и криков погонщиков. Стадо пятнистых чёрно-белых бычков застоялось в ожидании погрузки. Ковбои по одному выводили их на дощатый помост и подталкивали к открытому проёму вагона, откуда уже слышались удивлённые стоны парнокопытных пассажиров.

Полковник Мортимер прибыл на станцию в таком же вагоне, только порожнем, и ему пришлось долго вычищать свой чёрный сюртук от соломы и пыли. Что поделать, у него не было времени дожидаться пассажирского поезда до Сан-Хуана.

До города он дошёл пешком. Пройдя мимо офиса шерифа, мимо аптеки и кожевенной лавки, он остановился на площади перед почтовой станцией. Часовая прогулка наполнила тело приятной усталостью, и он с удовольствием расположился за столиком в углу пустого и прохладного салуна.

От стойки бара отделился небритый субъект в чёрной, когда-то щегольской шляпе. Он прошёлся между столиками, щелчком сбивая с клетчатых красно-белых скатертей невидимые крошки. Наведя таким образом порядок, он остановился перед столиком полковника.

– Позвольте представиться, святой отец, – обратился он к полковнику Мортимеру. – Клавдий Тиберий Питерсон, радикальный атеист и буржуазный материалист.

Полковник снисходительно кивнул в ответ, но не стал называть себя. Похоже, что в этом и не было необходимости, потому что материальный радикал уже развалился на стуле за соседним столиком и перешёл ко второй части своего выступления.

– Вы явно рассчитываете, что расторопные официанты сейчас сбегутся к вашему столику, чтобы принять заказ и в ту же секунду его исполнить. Эти расчёты беспочвенны, святой отец. Вы исходите из ложных посылок. Вам представляется, что официанты видят

смысл своей жизни в том, чтобы угодить всякому, сюда входящему. Но поверьте, они иначе представляют себе своё предназначение. Предназначение официанта – опустошить ваш кошелек и набить свой. Но вы, святой отец, не позволите ему осуществить свою жизненную функцию. Самое дорогое, что вы можете заказать себе в этом заведении – это стакан воды. Потому что воду здесь подают бесплатно. Неудивительно, что из троих бездельников, которые сейчас прячутся в буфете, ни один не спешит обслужить вас!

Буржуазный атеист умолк, обнаружив, что рядом стоит официант, терпеливо постукивая карандашиком по раскрытому блокноту.

Полковник Мортимер знал, что в каждом салуне обязательно должны быть две вещи – бутылка с настоящим виски под прилавком и пьянчужка, который знает все про всех. Он поднял глаза на официанта и произнёс только одно слово:

– Виски.

– Виски? – уточнил официант.

– Бутылку из-под прилавка. И два стакана.

Он жестом пригласил атеиста за свой столик:

– Подсаживайтесь, мистер Питерсон.

– Клавдий, просто Клавдий, святой отец, – он не заставил себя долго упрашивать. – Признаюсь, у меня всегда вызывали восхищение люди, которые позволяют себе пить виски в любое время дня и ночи.

– А у меня, к сожалению, люди не вызывают восхищения.

– О, святой отец, не торопитесь делать выводы только на основании личного опыта. Наш личный опыт крайне ограничен... Спасибо, любезный, – повернулся Клавдий к официанту, – и принеси, пожалуйста, спичек.

Полковник плеснул виски по стаканам, и воздух наполнился тошнотворным ароматом сивухи. Кажется, официант всё-таки перепутал бутылки. Но на разговорчивости Клавдия это не отразилось.

– Так вот, святой отец, встречаются отдельные экземпляры рода человеческого, вполне достойные восхищения, даже если они не пьют виски. Вот, например, что вы скажете о месте, на котором сидите?

Полковник Мортимер мог бы сказать, что с этого места отлично просматривается площадь перед почтовой станцией. Он видел, как из офиса выносили и складывали на дощатый тротуар обшитые ящики и мешки с бирками. По этим признакам можно было догадаться, что скоро на площади покажется почтовый дилижанс. Видел он и то, как внутри офиса мелькали фигуры клерков в голубых рубашках с чёрными нарукавниками, а за открытым окном соседней комнаты охранник в потёртом кожаном жилете набивал патронами свой патронташ.

Очень много интересного и полезного можно было увидеть с этого места, поэтому полковник и собирался просидеть здесь до самого вечера. Но на вопрос Клавдия он ответил только неопределённой усмешкой.

– Вы даже не догадываетесь, святой отец, что именно на этом самом месте сидел знаменитый сыщик Рудольф Пинкертон!

– Чем же он знаменит? – поинтересовался полковник, догадываясь, что речь идёт об агенте Грабере, чью смерть так красочно описывал репортёр «Эль Пасо Трибьюн».

Детективы Пинкертона были, наверно, самыми популярными персонажами салунной мифологии. Впрочем, они заслужили свою репутацию неподкупных и бесстрашных сыщиков и могли гордиться победами над многими преступниками, неуязвимыми для полиции. Да и сам основатель частного сыска был фигурой, достойной уважения.

Сын бедного ирландского полицейского, Аллан Пинкертон, перебравшись в Новый Свет, долгое время работал простым бондарем. Ему было уже тридцать лет, когда он случайно разоблачил шайку мошенников. Воодушевлённый успехом, он изменил всю свою жизнь, создав Национальное детективное агентство. Со своими девятью сотрудниками Пинкертон творил чудеса, как считали его клиенты. Но не было никаких чудес, было только

мастерство. Знание психологии, умение перевоплощаться, отчаянная смелость и безупречное владение револьвером. И, конечно, удача. Именно удачный случай способствовал славе Пинкертона и крепко-накрепко привязал его к могучей государственной машине. Идя по следу шайки фальшивомонетчиков, Аллан раскрыл заговор против президента Линкольна. С этого времени его агентство стало эталоном американской уголовной полиции.

Связи связями, но всё же «пинкертоны» и сами создавали свою славу. Правда, при этом они выполняли заказы своих клиентов, а их клиентами были те же самые политики и миллионеры, которые содержали и полицию. Так что никакого сочувствия к отважному Рудольфу Граберу полковник не испытывал.

Однако сейчас представился случай выяснить, по каким таким делам агент Пинкертона оказался в Сан-Хуане.

– Однако, ваше преосвященство, вы совсем не пьёте, – заметил Клавдий Питерсон, с громким стуком поставив свой стакан рядом с бутылкой.

– Мне некуда спешить, – ответил полковник, подливая ему виски. – Так чем же так знаменит этот ваш сыщик?

– Меня не удивляет ваш вопрос, – важно заявил Клавдий Питерсон. – Ибо до самой его кончины никто из окружающих и не подозревал, что под личиной вульгарного торговца мануфактурой таится неустрашимый рыцарь Закона. Ваше здоровье, святой отец. Мне неловко спрашивать у вас сигару...

– И не спрашивайте.

– Но человек, который заказывает виски до обеда, не может обойтись без хорошей сигары! – воскликнул Клавдий Питерсон. – Я усматриваю в этом вопиющее противоречие!

– А кстати, что заказывал здесь рыцарь закона? Тоже виски? Или бесплатную воду?

Пропустив этот вопрос мимо ушей, Клавдий Питерсон долго рылся во внутреннем кармане своего засаленного клетчатого сюртука, пока, наконец, не извлёк неплохо сохранившиеся останки сигары. Он чиркнул спичкой по скатерти и, причмокивая, разжёг уголёк на конце окурка. Едкое облако на какое-то время скрыло его от собеседника, а когда одним движением ладони Клавдий Питерсон развеял дым, это был совсем другой человек. Шляпа чудом держалась на затылке, а отвисшие губы вряд ли смогли бы теперь произнести словосочетание «буржуазный материалист».

«Вот чем отличается хорошее виски от плохого, – отметил про себя полковник Мортимер. – Хороший напиток выделяет лучшие черты человека, а плохой – худшие. Как быстро два глотка самогона смыли последние следы образованности...»

– Вот на этом самом месте он и сидел, этот янки, когда Рей Джунти вдруг принялся в него палить, – сказал Клавдий.

Полковник Мортимер снова подлил ему виски и спросил:

– А что, этот янки и вправду был наряжён старухой мексиканкой?

– Враки. Это он по улицам так ходил. Маскировался. А в салуне сидел в обычном своём костюме. Да и кто бы пустил старуху в приличное заведение?

Клавдий Питерсон остановился на полуслове, заметив нового посетителя салуна. Полковник Мортимер тоже не оставил без внимания вновь прибывшую персону.

К ним приближался человек в клетчатой рубаше до колен и в городском котелке, слегка надвинутом на гриву чёрных длинных волос. Его лицо имело цвет хорошо обожжённой глины, а широкие скулы украшала татуировка – две волнистые линии под каждым глазом.

– Ты пьёшь, – пророкотал утробный бас откуда-то из недр индейца, но губы его при этом сохраняли неподвижность.

– Знакомьтесь, ваше пыр... прыс... преосвященство, это Альвино, мой лучший друг! – Клавдий Питерсон попытался привстать. – Альвино, садись с нами, мы как раз вспоминаем твоего приятеля, Рея Джунти.

– Рей Джунти не был моим приятелем, – Альвино опустил на стул. – Я хотел убить его.

– Наверно, у вас были веские причины? – спросил полковник.

– Он был, как бешеная собака. Таких убивают.

– Что же вам помешало?

– Я индэ, – сказал Альвино.

– Это апачи так себя называют, – пояснил Клавдий Питерсон. – «Индэ» значит человек. А все остальные для них не люди.

– Интересно, – сказал полковник. – А что же тогда значит слово «апач»?

– В их языке и слова такого не имеется. Это слово из языка их соседей, индейцев зуни. А означает оно – «враг». И правильно. Самые страшные враги – это соседи!

– Но почему индэ не мог убить Рея Джунти? – спросил полковник, повернувшись к индейцу.

– Он белый. Это город белых. Я живу в городе белых.

– Альвино, выпей, – предложил Клавдий Питерсон, подвинув к индейцу свой стакан. Альвино отодвинул стакан обратно.

– Твой долг – двадцать два пива.

– Выпей это виски, и останется двадцать одно пиво, – сказал Клавдий Питерсон. – Ваше преосвященство, вы же можете подтвердить, что порция виски равносильна одной порции пива.

– Подтверждаю, – кивнул полковник.

– Альвино, не сомневайся, я прекрасно помню, что задолжал тебе немного. Подожди, пройдёт чёрная полоса в моей жизни, и я снова начну всех угощать, как раньше.

– Не помню, – сказал Альвино.

– Мы говорили про то, как этот Джунти расстрелял тут сыщика, помнишь? – заискивающим голосом продолжал Клавдий Питерсон. – Вот за этим самым столом. Просто зашёл в салун, огляделся и начал палить. Наверно, он знал, что перед ним сидит сыщик, а не торгош. По глазам догадался. У сыщиков глаза особенные. Ваше преосвященство, а не будет ли слишком большой дерзостью с моей стороны, если я попрошу принести ещё один стаканчик?

– Я не думаю, что в человека могли разрядить револьвер только из-за его глаз, – сказал полковник. – Может быть, этот сыщик задавал слишком много подозрительных вопросов?

– Никаких подозрительных вопросов, – отрезал Клавдий Питерсон. – Мне-то вы можете поверить, я сидел с ним за столом не один час, и он не задал ни одного подозрительного вопроса. Мы говорили только о мануфактуре. Он торговал корсетами, тканями, выкройками, нитками и прочей ерундой. Я рассказал ему обо всех дамочках Сан-Хуана, кому только могли понадобиться его товары. Их мужьям такие вопросы могли показаться подозрительными, тут я не спорю. Кому сколько лет, и как проводят время, и какую почту получают, и куда ходят, и кто ходит к ним? Мы с ним всем перемыли косточки, как две старые сплетницы, ни одной юбки не пропустили. Скажите, мог ли я подумать, что нашими вертихвостками интересуется знаменитый сыщик, а не прощелыга коммивояжёр?

– Интересно, – сказал полковник. – С какой это стати знаменитому сыщику перемывать косточки вашим вертихвосткам?

– Может быть, он искал какую-нибудь опасную преступницу? Слышали, как говорят французы? Хотите совершить преступление, ищите женщину. И правильно говорят. Все зло от них, проклятых. Верно, Альвино?

– Нет.

– Много ты понимаешь в женщинах! А ведь каждого преступника родила женщина, и женщина его воспитала таким. И женщина толкает нас на разные поступки, о которых мы потом жалеем, и за которые расплачиваемся всю жизнь. А пока мы расплачиваемся, эти твари находят себе нового дурака! – с болью в голосе воскликнул Клавдий Питерсон.

– Значит, вы думаете, что он искал женщину, а не Рея Джунти?

– Он искал Джунти, и он нашёл Джунти, – упавшим голосом произнёс Клавдий Питерсон. – А разговорами он просто убивал время. Ему надо было чем-то себя занять, когда он сидел тут, на вашем месте, и глядел в окно.

– Как же, в таком случае, он не заметил своего противника?

– А кто это вам сказал, что он его не заметил? Очень даже заметил. Сразу послал меня за спичками. Только я отошёл к стойке, и вдруг... – Клавдий Питерсон горестно всплеснул руками. – Бац-бац-бац! Все в дыму, все кричат, а Рея и след простыл. Только бедняга Руди сидит на стуле, как живой. Голову вот так положил на стол, вроде задремал. А стол уже весь в крови...

Он щелчком сбил очередную невидимую крошку с клетчатой скатерти.

– Вот он и нашёл то, что искал... – заключил Клавдий Питерсон и поднял стакан.

– Нет, – сказал Альвино. – Он не искал Джунти.

– Почему вы так думаете? – спросил полковник у индейца.

Альвино выпил своё виски, бесшумно опустил стакан, припечатав его к скатерти, и сказал Питерсону:

– Твой долг – двадцать.

– Я записываю, записываю, – закивал головой должник.

– Хорошее виски, – сказал индеец.

Полковник понял намёк и откупорил бутылку. Индеец проглотил «огненную воду» так запросто, словно это было молоко, и сказал:

– Джеронимо.

Полковник Мортимер задержал свой взгляд на лице собеседника чуть дольше, чем это позволялось правилами общения с индейцами. Но терракотное лицо Альвино привыкло к дерзким взглядам белых братьев.

– Он говорил слишком много, – пояснил Альвино, не шевеля губами. – Он спросил все у всех. Когда я ищу белую лошадь, я буду спрашивать про чёрную.

– Значит, он ничего не спрашивал только о Джеронимо? – уточнил полковник, и индеец важно кивнул.

Вождь апачей, старик Джеронимо, всегда считался главным противником белого населения на западе. В своё время его даже судили заочно и приговорили к повешению. Взять его не могли, потому что он укрылся в Мексике и совершал набеги оттуда. Мексиканцы всё же ухитрились его изловить и выдали федеральным властям. Поскольку это были уже новые власти, проводившие Политику Мира, они не стали вешать Джеронимо, а предоставили ему и всему его клану превосходную резервацию в пустынях Аризоны. Долгое время Джеронимо обитал в резервации, иногда совершая оттуда редкие вылазки против особо наглых белых поселенцев.

Но совсем недавно он прослышал, что власть у белых снова переменилась, и новые хозяева страны не забыли о его старых проделках. Доброжелатели донесли неприятную новость о том, что давний смертный приговор, оказывается, остался в силе. И Джеронимо снова исчез из резервации, спасаясь от петли.

А среди белых поселенцев снова усилились панические настроения, и все меньше новых ферм появлялось на западных границах. Этот Джеронимо ощутимо тормозил развитие прогресса и цивилизации. Так почему бы агентству Пинкертон не заняться его персоной?

– Джеронимо... – задумчиво повторил полковник Мортимер.

Его внимание отвлек всадник, появившийся на площади, державший карабин в руке, стволом вниз. Конь кружился на месте, в то время как наездник внимательно оглядывал углы площади и окна окружающих домов. Вот он поднял руку с карабином над головой, подскакал к почтовой станции и спешился, воткнув карабин в гнездо у седла. Через несколько секунд послышался грохот приближающейся кавалькады, и на площадь вылетели разгорячённые кони эскорта, а вслед за ними появилась и четвёрка, тянувшая за собой дилижанс.

На площади сразу стало тесно. Всадники, крепкие парни, увешанные оружием, прыгивали на землю и отводили лошадей к коновязи. Дверцы дилижанса распахнулись, и оттуда выбрались трое вооружённых охранников. Они направились к салуну, а из почтового офиса уже выскочили клерки в голубых рубашках, чтобы тут же исчезнуть в дилижансе.

Охранники, громко топая грубыми сапогами, подошли к стойке бара.

– Эй, Бобби, а ну-ка достань нашу бутылку из-под прилавка! Да поживее, у нас мало времени! Ты же видишь, мы и присесть не успеем!

Полковник поймал на себе беглые изучающие взгляды охранников. Небрежно прислонившись к стойке бара, они перебрасывались короткими репликами и беспечно посмеивались, радуясь скорому окончанию рейса. Но глаза всех троих цепко охватывали и площадь, которую они видели через окна, и широкую улицу, видную в дверном проёме, и фигуры трёх пьянчужек за угловым столиком.

Чтобы не вызывать подозрений, полковник отпил из своего стакана и поставил его обратно на стол с излишним стуком, слегка расплескав виски. Охранники отвернулись от него. Этот благообразный джентльмен не стоил их внимания, как и те двое бездельников, что пьянствовали вместе с ним в разгар рабочего дня.

Горечь, тоскливая горечь на миг охватила полковника. Эти крепкие парни презирали его, а ведь он много лет командовал как раз такими парнями, любил их, и берег, и водил за собой под пули и картечь, водил на смерть и сам был готов погибнуть вместе с ними. Тёплое чувство солдатского братства вспоминалось ему каждый раз, когда он встречал тех, кто был похож на его рейнджеров. И ему было всё равно, на чьей стороне они воевали двадцать лет назад.

Охранники почтового дилижанса были моложе его, и война, скорее всего, была только частью их детства. Но и такой молодёжью полковник успел покомандовать на индейском фронте. Там всё было не так, как в Гражданскую. Они уже не бились за свободу, не защищали родной дом, они всего лишь выполняли приказы правительства и иногда защищались. Всё было не так, как раньше, но раны были настоящими, и кровь была такой же красной, и могильная земля такой же холодной. Война оставалась войной, а солдаты оставались солдатами.

Полковник снова почувствовал, на какое дно опускается он в погоне за Индио, и это длится уже пять лет. Будет ли его возвращение более коротким? И будет ли оно, возвращение?

Продолжая балагурить, охранники расплатились с буфетчиком и пошли к выходу. Судя по тому, как небрежно и естественно они носили оружие, это были опытные люди, и полковник подумал, что Индио не так легко будет справиться с ними, если он и решится напасть на их дилижанс.

– Ва... Ва... Ваше преосвященство, я хотел спросить у вас, – пробормотал Клавдий Питерсон, опуская голову на стол и складывая руки под щекой. – Вы только... Никуда не исчезайте...

– Убрать его? – спросил Альвино.

– Незачем, – полковник встал, закупорил бутылку и положил её в свою дорожную сумку. Но, вспомнив кое-что, тут же достал обратно, откупорил и плеснул виски в стакан индейца. – В счёт его долга.

– Осталось девятнадцать.

– Я ищу фургон, – сказал полковник. – Армейский фургон, передние колёса обтянуты холстом, на задних – голые железные ободья. На правом борту след оторванного ящика.

– Три ночи назад он был здесь, – сказал Альвино. – Уехал в сторону Эль Пасо.

– Спасибо за содержательную беседу, – сказал полковник. – Кстати, чем вы занимаетесь в «городе белых»?

– Живу, – ответил индеец.

ПОБЕГ В ПУСТЫНЮ

Тюрьма Аламогордо имела всего лишь одно, но очень важное преимущество перед

всеми остальными тюрьмами штата Нью-Мексико. Из неё никто никогда не убегал, потому что бежать было некуда. До ближайшего соседнего жилья отсюда было миль семьдесят в одну сторону, миль сто в другую, но пройти эти мили было не так-то просто. Единственная дорога, которая начиналась у ворот тюрьмы и проходила сквозь городок, через пару миль превращалась в еле заметную тропу, круто подымавшуюся в горы. С юга и с севера к тюрьме подступали белые пески пустыни Чихуахуа. Если двинуться на запад по руслу пересыхающей речки, то через десяток миль можно попасть в долину Тулароза, в объятия гостеприимных апачей. Любой, кто слышал об апачах хотя бы краем уха, предпочёл бы сгнить в тюремной камере, чем познакомиться с ними.

Обдумав все особенности географического положения тюрьмы, О'Райли понял, что выкрасть Санчо Переса будет несложно. Полковник Мортимер посетил тюрьму, воспользовавшись дорогой через горы. О'Райли решил подобраться к Аламогордо со стороны пустыни.

Его пятнистая лошадка принадлежала к редкой породе лошадей, аппалуза, и была выведена индейцами племени Нейпире. Она чувствовала себя одинаково уверенно и среди скалистых гор, и среди безжизненных песков, и даже там, где сам О'Райли начинал боязливо ёжиться – среди зарослей кактусов. Досталась она белым совсем недавно, когда остатки племени насильно переселили в Оклахому после неудачной попытки сбежать в Канаду. Племя преодолело на своих лошадках две тысячи миль, но было перехвачено в тридцати милях от канадской границы.

Лошадки этой породы невысокие, лёгкие, но необычайно работоспособные и умеют пробираться между кактусами, не задевая их и не наступая на колючки, валяющиеся на земле. Все прочие животные относятся к кактусам с гораздо большим почтением. И олени, и пумы, и койоты огибают заросли кактусов стороной, даже если спешат. О'Райли не раз приходилось пересекать на своей аппалузе такие места, где жили только юркие кенгуровые крысы, кошачьи хорьки да вездесущие птицы, не боящиеся колючек.

К тому же пустыня, лежавшая между Эль Пасо и Аламогордо, была вовсе не такой уж безлюдной, как принято было думать. Мир становился все теснее и меньше. И то, что вчера казалось недостижимым, завтра будет в одном шаге от тебя. По крайней мере, в этом был уверен старина Кеннеди, который отправил земляка в нужном направлении.

Выехав из Эль Пасо задолго до рассвета, к обеду О'Райли остановил коня у палаточного лагеря посреди пустыни. Грузовые фургоны, стоявшие кольцом вокруг дюжины брезентовых палаток, свидетельствовали, что здесь ещё опасались индейцев. Однако землекопы, сидевшие под длинным навесом с дымящимися мисками в руках, были безоружны. О'Райли заметил вдалеке троих всадников с ружьями. Было очевидно, что здесь никто не мешает прокладывать очередную железнодорожную нитку. Возможно, индейцы не знали об этой стройке, как не знал о ней почти никто в самом Эль Пасо. Пройдёт каких-то два-три года, и на линии Эль Пасо – Аламогордо будут курсировать пассажирские поезда. Тогда, конечно, и тюремщики будут более бдительными. Но это благословенное время ещё не наступило, и О'Таили поспешил воспользоваться предоставленными возможностями.

Он привязал коня в тени длинного навеса, под которым стояли, обмахиваясь хвостами, четыре осёдланные лошади.

– Ты из города, братец? – подошёл к нему краснолицый крепкий старик в соломенной шляпе и дырявом комбинезоне, надетом на голое тело.

– Да, – кивнул О'Райли. – Мне бы с Динглом повидаться.

– С Динглом, говоришь? А ты сам-то откуда?

– Из города, – терпеливо повторил О'Райли.

– Так тебе Дингл нужен... А кто тебя к нему послал?

О'Райли сдвинул шляпу на затылок и постарался изобразить дружелюбную улыбку:

– Один его дружок. Дружку этому вчера сто двадцать лет стукнуло, он побрился, слез со своего сундука, разогнал тараканов со стола и сидит, ждёт гостей.

Выдав такую длинную фразу, О'Райли тут же закурил огрызок сигары, чтобы перевести

дух. Он отвык от таких церемоний, но со стариками нельзя разговаривать запросто, как, например, с Малышом Кавано. Особенно, если от него так многое зависит.

Старик прищурился, и его тонкие бесцветные губы растянулись в улыбке во всю ширину лица, подставляя солнцу и ветрам дюжину жёлтых кривых зубов.

– Эге, да ты, значит, от Патрика Кеннеди прибыл? Ну тогда знай, что если хочешь увидеть Дингла, то возьми вон там, за печкой, железную щётку да протри себе оба глаза. А если хочешь передать Динглу привет, то положи свою бутылку прямо в мой карман, потому что меня уже шестьдесят лет зовут Динглом, а других Динглов до самого Альбукерка²⁴ ты не найдёшь.

С этими словами старик выпятил свой живот, подставляя О'Райли большой нагрудный карман комбинезона. Как только карман обвис под тяжестью тёмно-зелёной бутылки из лавки Фитцджеральда, Дингл цепко подхватил О'Райли под локоть и повёл за собой к палатке, стоявшей отдельно от других.

– Вот моё королевство, и я тут король, – провозгласил старик, оттягивая полог и широким жестом приглашая О'Райли внутрь. – Только сигару затуши. Сам знаешь, братец, как тяжело возить сюда динамит. И если рванёт, меня потом долго возчики ругать будут.

– Поделишься? – спросил О'Райли, окинув взглядом деревянные ящики с пугающими надписями и рисунками.

– Отчего же не поделиться с хорошим человеком. Ты ведь, как я понимаю, не просто так сюда завернул?

– Не просто так.

– Даже не верится, – Дингл хлопнул в ладоши. – Семнадцать лет прошло. Семнадцать лет! И Патрик Кеннеди наконец решил вернуть должок!

– Какой должок? – насторожился О'Райли.

– Как это, какой должок? – улыбка на лице Дингла мгновенно исчезла, и губы сжались в белую щель. – Как это? Двадцать три доллара! Двадцать долларов и три доллара! Семнадцать лет я жду, когда он вернёт мне должок! Да я его и на том свете достану, только уже с процентами! Как это, какой должок? Тогда какого дьявола ты сюда притащился!

– Да передал он, передал какие-то деньги, – начал выкручиваться О'Райли. – Только я и не думал, что это должок.

– Передал? Так чего ты ждёшь?

– Вот, в целости и сохранности, – О'Райли полез в боковой карман и, не вынимая руки, отделил три бумажки от пачки, которую дал ему полковник. – Вот он, должок.

– Ого, тридцать долларов? Глаза меня не обманывают? Он там, на своём сундуке, совсем сдурел, или ослеп, или станок печатный завёл? – Дингл посмотрел банкноты на свет, похрустел на сгибе. – Вроде настоящие. Да ты садись, устраивайся, рассказывай. Как там этот хрыч, все помирает? Знаешь, сколько мы с ним шпал уложили, сколько костылей забили? Держи стаканчик, да не кривись, не кривись: он чистый, только мутный.

О'Райли не торопился проглотить содержимое своего «мутного» стаканчика, потому что знал – вторую порцию ему не нальют, и надо растягивать эти жалкие капли, чтобы Дингл в своих воспоминаниях дошёл хотя бы до Промонтори, штат Юта²⁵.

Однако старик отвлёкся от истории и принялся учить О'Райли обращению с динамитом, универсальным средством для выполнения земляных работ. «Если бы динамит изобрели немного раньше, мы бы проложили дорогу сами, без китайцев, и в десять раз быстрее», – заявил Дингл, ласково поглаживая лежавший на ладони картонный

²⁴ Альбукерк – город в штате Нью-Мексико, от Эль Пасо до него 360 км по прямой. В 80-е годы 19 века эти два города были соединены железной дорогой.

²⁵ Промонтори, штат Юта – пункт стыковки двух железнодорожных линий – «Юнион Пасифик» и «Сентрал Пасифик». Здесь 10 мая 1869 года образовалась первая трансконтинентальная магистраль, и рельсы соединили Восточное и Западное побережье США.

промасленный цилиндр.

Этими цилиндрами можно было сравнять холмы – чем, собственно, и занимался в пустыне отряд Дингла. В холмах сверлили дырки, закладывали туда динамит, поджигали пороховой шнур и прятались в укрытие. После взрыва в работу вступали лопаты и тачки, и скрип их колёс далеко разлетался по прерии.

Правда, сегодня слишком много тачек стояли без дела. Народ разбежался из отряда, и Дингл не осуждал дезертиров. Уже второй месяц люди не видели живых денег. Раньше платили хорошо, каждую субботу из города привозили сундук с деньгами. Потом начались перебои, и с рабочими стали расплачиваться векселями. С одной стороны, это было вроде даже выгоднее, потому что на векселя товары продавались со скидкой. А с другой стороны, векселя принимались только в двух лавках и в одном салуне, так что особо и не потратишься.

Дингл видел в этом заговор банкиров и торговцев, и надеялся на то, что трудовой народ рано или поздно сметёт с лица земли эту накипь. А пока с лица земли медленно, но верно устранялись неровности рельефа. За деньги или за бумажки, но взрывники делали своё дело. Следом за ними по плоскому пространству пойдут насыпщики, трамбовщики, укладчики, и столбы взметнувшейся пыли на горизонте будут подсказывать им направление, если их компасы и буссоли заржавеют. А чтобы инструмент не ржавел, его надо – что? – правильно, протирать! И Дингл в очередной раз протёр свою глотку.

– Так вот, братец, динамита бояться не надо, он тебе ничего плохого не сделает. Ты только дай ему работу, не позволяй сгореть впустую. Оставишь его лежать на земле – он только траву пригнёт. А зароешь – вот тогда от взрыва польза будет. Все хорошее надо сначала зарыть в землю, чтобы получить плоды. Тебе какие плоды нужны? Площадку под дом ровняешь? Ладно, можешь не врать. Сколько тебе нужно?

– Десяток зарядов, с запалами и шнуром, – сказал О'Райли и быстро добавил: – И лошадь под седлом.

– Лошадь? Лошадь... Будет тебе лошадь, – внезапно помрачнел Дингл. – У нас вчера охранник помер, вот его гнедую и возмёшь, никто не заметит.

– А что случилось?

– Сам виноват. Утром забыл сапог вытряхнуть, сунул ногу, а там скорпион. Маленький такой, жёлтый...

– Дюранго?

– Да, мексиканцы их так называют, хотя по мне все скорпионы одинаковы, что дюранго, что не дюранго, – махнул рукой Дингл. – Одна зараза. Тридцать лет парню. Не пил, не курил, вот и не справился с ядом. Вот меня никакая дрянь не кусает. Наверно, боится, что отравится.

– Я заплачу за лошадь, – сказал О'Райли.

– Кому? Хозяину? – Дингл махнул рукой. – Если спросят, спишем на апачей.

– Сколько я должен за динамит? – спросил О'Райли, мучительно соображая, должен ли он будет вернуть полковнику деньги, выделенные на покупку лошади.

– За какой динамит? За эту несчастную упаковку? Ты, братец, совсем, я гляжу, окосел, – покачал головой Дингл. – Ну, пора закрывать бутылочку покрепче, пока тебя вконец не развезло.

Дингл вдруг хлопнул себя по лбу и выскочил из палатки. Скоро слышались частые удары колокола. Выглянув наружу, О'Райли увидел, как рабочие выходят из-под навеса, складывая свои миски в деревянное корыто. Обеденный перерыв закончен, об этом и возвещал Дингл, дёргавший за верёвку колокола. Рабочие, поправляя шляпы и натягивая перчатки, нестройной цепочкой поднимались на холм вдоль протянутой верёвки с красными флажками.

Когда О'Райли покидал лагерь взрывников, ведя чужого коня, солнце уже начинало клониться к западу, и тени кактусов становились все длиннее. Ему хотелось достичь Аламогордо засветло, но он не торопил лошадей. В пустыне нельзя торопиться. Скачущий

конь поднимает пыль, два коня поднимут вдвое больше пыли, и её будет видно издали, особенно здесь, в белых песках. Этот тончайший гипсовый песок взвивался к небу при малейшем движении. Столбы поднятой пыли издали были видны на фоне тёмно-коричневых гор, вертикальными, мрачными стенами окружавших холмистую равнину.

Ирландец держался низин, стараясь без нужды не подниматься на склоны холмов. Глаза его непрестанно оглядывали пустыню. Скользнув по зубчатому горизонту, они снова возвращались к песку, отмечая каждый встреченный след. Но пока встречались только цепочки параллельных отпечатков с полоской между ними – следы ящериц. Вот одна из них замерла в тени валуна, провожая одинокого путника внимательным взглядом. Величиной с кошку, чёрная, с розовыми пятнами на чешуе. Это гила, ядовитая ящерица, укус её опаснее укуса гремучей змеи, потому что действует моментально. Сама неповоротливая гила на людей не нападает, но, бывает, человек тревожит её, пробираясь через кустарник, где она прячется от зноя. И тогда ящерица впивается в тело случайной жертвы и виснет на нём, а яд с корней зубов стекает в рану. Не успеешь ни отсосать из ранки, ни прижечь порошком. Останавливается сердце – и все.

Лошадь замедлила шаг и неприязненно покосилась на ящерицу, которая, по её мнению, расположилась слишком близко от них. Гнедая сзади тоже заартачилась, и О'Райли принялся выговаривать гиле:

– Ну чего уставилась? Давно людей не видела? Чего остановилась? Шла по своим делам, ну и иди себе дальше. А мы по своим делам пойдём.

Гила презрительно отвернулась и уползла за валун, тяжело виляя своим толстым коротким хвостом.

В низкорослом кустарнике с диковинными крючковатыми шипами желтели душистые цветы. Вокруг них жужжали пчёлы, и О'Райли остановился на минуту, наслаждаясь удивительным запахом «кошачьего когтя». Он смущённо покачал головой, вспомнив визит пышнотелой Мари.

Солнце всё ещё стояло высоко, оно нагревало плечи и спину, но уже в отдалённых коричневых каньонах все выше поднимались, словно заливая их, синие густые тени. Скоро солнце перестанет припекать, над зубчатым длинным хребтом раскинется багровый закат, и тогда придётся плотнее укутаться в тёплое пончо, потому что к ночи на пустыню опустится холод.

О'Райли подумал, что забирать Санчо Переса из тюрьмы лучше всего под утро. Конечно, ночью легче оторваться от преследователей. Мало кто решится отправляться в погоню по ночной пустыне. Но О'Райли плохо знал эту местность, не был уверен во второй лошади и боялся потерять время. Если же все проверить под утро, то в рассветных сумерках можно будет легко найти дорогу, и к вечеру выйти на лагерь взрывников, которые своим грохотом издали подскажут верное направление.

Вот так, все просто. А теперь посмотрим на этот побег со стороны охранников. Что они предпримут в первую очередь? Отправят группу преследования которая обнаружит следы двух лошадей и пустится в погоню. Что ещё они сделают? Пошлют телеграммы по соседним округам. Чтобы записать телеграмму, перевести её на человеческий язык и доставить в полицейский участок, нужно не много времени. Скажем, через два часа все будут готовы встретить Санчо Переса. Ну и пусть встречают, пусть догоняют, не будем им мешать, решил О'Райли. Но только пусть они занимаются всем этим без меня. Нет у меня ни малейшего желания скакать по пескам и отстреливаться. И тем более не хочется нарваться на засаду, въезжая в Эль Пасо. Мы все сделаем по-своему.

Продумав свой завтрашний день, О'Райли окончательно успокоился и не стал подгонять лошадей. Он даже останавливался иногда, поднимаясь к вершине холма. Как только его голова оказывалась над гребнем, он застыл и медленно обводил пустыню взглядом, надеясь, что издали его силуэт не отличишь от камня. При этом он медленно втягивал ноздрями воздух, а потом с силой выдыхал, чтобы снова осторожно, закрыв глаза, вдохнуть запах пустыни.

Если бы он почуял, что воздух пахнет поднятой пылью, он бы тут же остановился и постарался спрятаться. Кто бы сейчас ни двигался в пустыне, индеец, бандит или рейнджер – все они были одинаково опасны для О'Райли. Даже если шальная пуля и пролетит мимо него, то наверняка попадёт в динамит. Ирландец предусмотрительно погрузил опасную упаковку на запасную лошадь, но всё-таки это была дюжина зарядов. Да ещё изрядный моток порохового шнура. Если все это рванёт, взрыв получится весьма впечатляющим.

О'Райли отогнал мрачные мысли. Всё будет отлично. Он доберётся до Аламогордо, даже если придётся потратить на это несколько дней. Он вытащит из тюрьмы этого Санчо Переса, и тот приведёт его к Индию. Он получит свои десять тысяч долларов... Если только полковник его не опередит.

Его длинная тень неумоимо ползла впереди, изломами предупреждая о ямах и складках, невидимых на розовом песке. Да, песок из белоснежного уже превратился в розовый, и тени стали нежно-лиловыми, потому что начинался закат.

В засохших ветвях низкого кустарника застрял обрывок бумаги. О'Райли свесился с коня и бережно вызволил из цепких колючек выгоревший клочок газеты – это был аккуратно оторванный краешек со стороны полей, посередине ещё сохранилась полоска сгиба. Кто-то приготовил бумажку, чтобы свернуть сигарету. Но незадачливый курильщик зазевался, и ветер унёс её в пустыню. Зазевался, или получил под лопатку стрелу с лохматым оперением, а может быть, пулю... О'Райли страшно захотелось закурить, но он знал, как далеко разносится по пустыне запах любого дыма, особенно табачного.

Кто же этот курильщик? Индейцы, хозяева этих земель, курят трубку. Самокрутки в ходу у ковбоев, но здесь не пасут скот, и никто не решился бы гнать по этой пустыне стадо.

Это солдатский след, решил О'Райли. Либо где-то поблизости проходил патрульный эскадрон, либо он уже приблизился к Аламогордо, и эту бумажку упустил раззява-часовой на крепостной стене.

Он не ошибся. Поднявшись на гребень дюны, О'Райли увидел впереди приземистую белую коробку крепости с двумя угловыми башенками. Он прикинул расстояние – судя по тому, что уже видны окна и дымовые трубы, до крепости не больше двух миль.

О'Райли спустился обратно за гребень, в низину, где протекал ручеёк шириной с ладонь, и привязал к мескитовому²⁶ кусту обеих лошадей. Они тут же опустили головы и принялись щипать редкую траву. Вот-вот, умницы, похвалил их О'Райли. Подкрепитесь, напейтесь из ручья: наутро вам предстоит хорошая гонка.

Он расстелил под кустом одеяло из грубой шерсти и лёг, положив под голову сумку и завернувшись краями ткани. Грубая овечья шерсть должна была защитить не столько от ночного холода, который станет ощутимым к утру, сколько от паука-ткача. Эти малопривлекательные существа с черным брюшком-шариком выползали на охоту по ночам. О'Райли признавал, что здесь их дом, а он тут непрошенный гость, и старался соблюдать приличия – он не сдвинул ни одного камешка и не тряхнул ни одной ветки. Но всё же паук мог укусить его просто из вредности. Укус паука-ткача, говорят, бывает смертельным, особенно если укусит самка. Однажды О'Райли уже испытал на себе действие паучьего яда. Целую неделю потом его мучила головная боль, тело ломило, но больше всего он страдал от неукротимого потока слюней. А все потому, что поленился на ночь укутаться шерстяным одеялом.

Кроме пауков, ему нечего было бояться. Апачи по ночам не воюют. Команчи – другое дело, но здесь их не было. Змеи по ночам заняты своим делом, и кусают только тех, кого могут проглотить. Правда, бывает, что и ночью можно наступить на гремучую змею. Эти изумрудно-зелёные твари любят дремать на нагретом за день песке. Если её спугнёшь неосторожным движением, она может и выстрелить всем своим пружинистым телом, и пробить зубами даже плотную ткань – и только потом победно загремит своей погремушкой.

Но здесь, в окружении кактусов, О'Райли чувствовал себя спокойно. Змеи остались где-

²⁶ Мескит – североамериканское дерево, родственное акации.

то там, на ровном песке между дюнами. Можно поспать перед работой. Несколько минут он ещё смотрел сквозь дрожащую сетку мелких листьев в пылающее небо, расчерченное лиловыми полосами облаков. Он думал о полковнике. Обмана можно ожидать от любого, но почему-то О'Райли хотелось верить полковнику. Солдат солдата не обманет. Он вспомнил свою службу в кавалерии, вспомнил холмы и рощи Дакоты...

Наверно, когда полковник служил в тех местах, там действительно шла война, индейцы были сильным и опасным противником, и кавалерии приходилось делать то, что она должна делать, — выслеживать, преследовать и уничтожать врага. Но это было давно, лет десять назад. Когда О'Райли попал на места бывших сражений, там остались только мирные индейцы. Старые вояки ещё любили приговаривать: «Мирный индеец — мёртвый индеец», но О'Райли так и не довелось столкнуться с шайенами или сиу в открытом бою. Случалось, его посылали в разведку или глубокий дозор, но никто не напал на него, и он не застрелил ни одного краснокожего. Всё, чему он так долго учился, с детских лет живя среди оружия, все его военные навыки не понадобились на военной службе. Его эскадрон окружал индейскую деревню, командир передавал старикам требования Правительства США, и через несколько часов деревня исчезала. Индейцы разбирали свои «типи», превращая их в волокуши, запрягали в них лошадей и собак и удалялись в горы, освобождая место для новых шахт, рудников, салунов, притонов, свалок и кладбищ. Кавалеристам нужно было только стоять в оцеплении с грозным видом непобедимых и жестоких воинов. Нет, полковник Мортимер не стал бы служить в такой кавалерии...

Огромный оранжевый диск солнца погрузился в малиновое море над ломаной линией далёких гор. На пустыню опустилась ночь, но дневной зной долго ещё стоял в воздухе. Ни малейшего дуновения не ощущалось над землёй, словно ветер ушёл за горы вместе с солнцем. Но уже через несколько секунд напряжённой тишины в полной темноте зашуршали невидимые пилы сверчков. И, как по сигналу, над горами разлилось жемчужное сияние. Серебристые лучи пронзили бескрайнюю равнину, и над песками возшла луна.

Вместе с ней проснулись многочисленные обитатели пустыни, выбравшиеся из своих укрытий, где они прятались от губительного зноя. Со всех сторон доносились шорохи, кто-то попискивал, кто-то торопливо грыз и жевал.

О'Райли проснулся оттого, что кто-то мягко потянул за одеяло, на котором он спал. Не шевелясь, он прислушался и скосил глаз. Где-то рядом раздался звук кофемолки. О'Райли медленно повернул голову и увидел прямо перед собой крупную крысу, которая, стоя на задних лапках, пережёвывала откушенный уголок одеяла. Крыса, придерживая добычу передними лапками, повернула свою остроносую мордочку к О'Райли и пытливо оглядела его своими бусинками глаз. Он не удержался и подмигнул ей. Она медленно отскочила в сторону и укрылась за ветками куста, продолжая перетирать зубами жёсткую ткань.

Ирландец протёр глаза. Хватит спать. Поднявшись на гребень, он отчётливо разглядел в лунном свете пепельно-серую полосу крепости, окантованную густой тенью. В одной из башен светилась золотая точка окна.

О'Райли снял с лошади мешок с динамитом, аккуратно разложил своё опасное хозяйство на песке и принялся отмерять шнур и вставлять запалы в патроны. Все надо приготовить заранее. Пока он спал, ему приснилось, как он будет расставлять заряды вокруг крепости. Проснувшись, он нашёл сон вполне разумным. Незачем тратить весь запас динамита на одну стену. Чтобы сделать хороший пролом, хватит и пары патронов, а остальное послужит для отвлечения охраны.

Когда всё было готово, он снова погрузил заряды на гнедую, а аппалуза радостно взбила песок копытом: она не любила подолгу стоять без дела.

О'Райли подъехал к зданию крепости так близко, что ветер донёс до него запах табачного дыма и подгоревшего хлеба. Здесь, в ложбине между дюнами, он оставил лошадей и вывернул наизнанку пончо, сменив песочный цвет на чёрный. Потом взвалил на плечо мешок с динамитом и пошёл в обход крепости.

В кармане рубашки у него лежал план, начерченный твёрдой рукой полковника, где

были указаны посты, фонари и все расстояния. О'Райли хорошо изучил план заранее, чтобы сейчас не заглядывать в него. Он знал, как незаметно обойти всю крепость по кругу и при этом оставить после себя невидимые следы в виде зарытых в песок динамитных патронов. Трудностью было рассчитать длину порохового шнура для каждого из патронов, которые должны были гореть ровно столько времени, сколько понадобится О'Райли для того, чтобы вернуться к камере Санчо Переса и успеть заложить последний заряд. Поэтому О'Райли пришлось дважды обойти крепость, засекая время и считая шаги. А потом оставалось только надеяться на добросовестность изготовителей огнепроводного шнура. Если эти янки у себя в далёком Питтсбурге чего-то не доложили или слишком жидко пропитали оплётку, то преждевременный фейерверк может испортить праздник освобождения Санчо Переса.

Но всё получилось, как и расписал полковник. Когда ирландец подъехал к угловой башне и встал на седло, чтобы дотянуться до окна с решёткой, восемь патронов уже лежали в песке на другой стороне крепости, и длинные шнуры уже горели, подпуская шипящее белое пламя все ближе к запалам.

– Эй, Санчо, ты здесь? – спросил О'Райли, прижав лицо к прутьям решётки.

– А ты кто? – спросил испуганный голос из темноты.

О'Райли разглядел щуплую фигурку, которая медленно приблизилась к окну из угла камеры.

– Я друг, – сказал О'Райли, ножом расчищая углубление под прутьями, куда поместились как раз два патрона. – Эль Индио ждёт нас.

– Эль Индио? Так он на свободе! Индио вспомнил обо мне!

Из-за крепостных стен раскатисто ударил первый взрыв, за ним второй. Раздались встревоженные крики, в крепостном дворе слышалась беготня, но все это заглушили новые взрывы.

– Что это? – сипло спросил Санчо Перес.

– Забейся в угол, амиго, да прикройся тюфяком, – сказал ему О'Райли, поджигая короткий шнур.

Он спрыгнул в седло и отъехал от стены. Лошадь дёрнулась, но он удержал её, когда вздрогнула земля под ногами, резко ударил по ушам треск взрыва, засвистели разлетающиеся осколки камня. Из дымящегося пролома выскочил Санчо и кубарем скатился по песку. О'Райли свистнул ему, и через мгновение Санчо уже взлетел в седло запасной лошади.

Они помчались по пересохшему руслу, но через несколько минут О'Райли свернул в сторону и остановился, спрыгнув на песок.

– Ты что, амиго? – Санчо привстал в стременах и вытянул шею, оглядываясь. – Такой переполох поднял! Не понимаю, почему так тихо... Да за нами сейчас такая толпа несётся, а ты время теряешь!

– Помоги лучше, – коротко бросил ему О'Райли, выдирая из песка пучки травы.

– Что ты сказал? – Санчо обеими руками яростно потёр уши. – Чёрт побери, да я же ничего не слышу!

О'Райли махнул рукой и принялся вязать снопик из вырванной травы, а потом надел его на копыто своей аппалузы и обвязал, чтобы не свалился.

– Вон ты что задумал... – протянул Санчо и с кряхтением слез со своей гнедой. – А ты дельный парень, амиго! Хоть ты меня чуть не убил, а всё же соображаешь!

Пучками травы они обвязали копыта лошадей, после чего медленным шагом направились налево от русла. О'Райли несколько раз оглянулся, пока не убедился, что лошади не оставляют следов на потрескавшейся глине, и только после этого его аппалуза перешла на рысь.

Со стороны крепости доносились выстрелы: часовые стреляли в темноту, проявляя запоздалую бдительность.

Санчо забеспокоился:

– Куда это мы направились? Эй, амиго! Не обратно ли?

– Да что с тобой говорить, глухая тетеря, – не поворачиваясь, бросил О'Райли.
– Сам ты глухая тетеря! – ответил Санчо.
– Быстро же ты оклемался, – невозмутимо заметил О'Райли. – Не волнуйся. Пусть они пока поносятся по пустыне, пусть перекроют все пути. Пусть даже попробуют пройти по нашему следу, и тогда они здорово повеселят апачей. А мы с тобой спокойно полежим на травке у ручья.
– И долго нам лежать?
– До завтрашнего утра.
– Ты с ума сошёл? Валяться под стенами крепости целый день? Поехали к Индию!
– Чего ты суетишься? – пожал плечами О'Райли. – Лучше валяться под стенами крепости, чем внутри. И не четыре года, а только сутки. А Индию подождёт.

Он знал, что Санчо Перес опаснее паука, скорпиона и гремучей змеи. К такому типу нельзя поворачиваться спиной. Но, пробравшись между кактусами к своему заветному местечку среди дюн, О'Райли спокойно расстелил одеяло и разлёгся под кустом. Правда, почувствовав, что засыпает, он успел прочитать молитву и всех простить.

САНЧО ПЕРЕС ВСТРЕТИЛ НУЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Не такими представлял свои первые часы на свободе Санчо Перес. Не думал он, что выйдет из камеры через пролом в стене. Да ещё не ожидал, что это случится так скоро. И, конечно, совершенно не мог предвидеть, что сразу после тюремной камеры он будет заключён в клетку из кактусов.

Тот, кто его освободил, беспечно свернулся калачиком в зыбкой тени мескита и посапывал во сне. Санчо встал и огляделся. Ему очень хотелось вскочить в седло и унести отсюда, подальше от этих ненавистных крепостных стен. Но куда бы он ни посмотрел, его окружали зелёные столбы с полосами колючек и парой отростков, а между ними теснились кактусы помельче, ветвистые и такие безобидно пушистые с виду. Они были даже похожи на связку колбасок, если только можно представить себе колбаску, усеянную колючками, острыми, как иглы.

«Как же мы сюда попали?» – изумлённо оглядывался Санчо. «И как будем выбираться?» Впрочем, если бы он мог найти ответы на эти вопросы, он бы не задержался здесь ни на секунду.

Но эти ответы были, видимо, известны только его спящему попутчику. Санчо смирился, опустил под куст и попытался задремать.

Зачем Индию решил освободить его? Санчо вдруг съёжился от внезапного озноба – а вдруг Индию хочет ему отомстить? За то, что Санчо бросил его тогда? Нет, нет, нет – настойчиво отгонял он свои страхи – если бы Индию хотел отомстить, он не стал бы посылать за ним какого-то незнакомца. Он приехал бы сам, и тогда... Лучше не думать об этом. Тем более, что Индию не мог так поступить со своим старым другом.

Санчо предался воспоминаниям. Вот они с Индию сидят в его закутке на дядином ранчо и играют в покер. Мутное пойло в стаканах, самодельные карты на столе, разноцветные палочки вместо долларов. Дурачок Нино тоже принимает участие в игре. Он не может запомнить даже названия мастей и путает пики с бубнами, но меняет свои карты с таким загадочным видом, что Санчо с Индию еле удерживаются от смеха.

Дверь с грохотом распахивается, и на пороге появляется коротышка Харрис, помощник шерифа. «Ага, вся шайка в сборе», – говорит он с угрозой в голосе и вытаскивает револьвер. Друзья растерянно переглядываются. В чём дело? Вроде бы они ничего не натворили?

Но Харрис не шутит. «Гривс, ты пойдёшь со мной», – командует коротышка. «Шериф хочет задать тебе пару вопросов».

Индию послушно встаёт. Нет, тогда он ещё не был Индию, и его все звали просто Фредди Гривс. Он послушно встаёт. Он привык, что шериф вечно задаёт ему дурацкие вопросы. То одно, то другое. Что бы ни стряслось на ранчо, первым начинают трясти

затюканного хозяйского племянника.

Например, где он был, когда индейцы угнали молодняк, пасшийся за холмами? Или – куда делись три банки пороха со склада? Ещё – почему вдруг лопнула подпруга под ковбоем, который недавно подрался с Индио? Подпруга лопнула очень неудачно – ковбой слетел с коня прямо под копыта перепуганного стада, и от него остались одни шпоры. И если бы на обрывках упряжи нашли следы надреза, Индио не удалось бы отвертеться от виселицы. Но следов не нашли, и Фредди Гривс только разводил руками и на все вопросы отвечал, как всегда, – ничего не знаю, ничего не видел, ничего не слышал.

Но сейчас Харрис что-то очень злой, коротышка грозно размахивает револьвером, когда Нино пытается привстать с места. «Сидеть! Не двигаться! Гривс! Подними руки и медленно выходи из-за стола!»

Какая муха укусила этого Харриса? «В картишки играешь, а там горит дом твоего родного дяди!», – кричит он.

«А я и не знал, что он горит», оправдывается Индио, выбираясь из-за стола с поднятыми руками.

«А где ты был, когда начался пожар?»

«Вот здесь и был, все могут подтвердить».

И тут Харрис отступает на шаг и спрашивает совсем другим голосом: «А откуда ты знаешь, когда начался пожар?»

Индио стоит посреди своей хибарки с поднятыми руками и ничего не отвечает, только ртом хлопает, как рыба на берегу.

Теперь-то ему не отвертеться. Все знали, как нещадно гонял его старый кровосос Натан Гривс. Все видели, как злобно Индио смотрел вслед его лакированной коляске, когда она проносилась по дороге мимо ранчо. Все слышали, как Индио повторял, что нет у него родственников ни в Оклахоме, ни в Техасе, нигде на белом свете, а дядя, какой же это родственник...

И теперь ему не отвертеться. Потому что никто не видел, как Санчо Перес вчера ночью залез на высокий тополь рядом с домом Натана Гривса, перебрался по толстой ветке на крышу и густо присыпал ворованным порохом все резные карнизы и оградки. Так что, когда он сегодня вечером выбрал подходящий момент и выпустил из лука всего одну горящую стрелу, она мало-помалу превратила всю крышу в отличный костёр.

А если кто и заметил, что пожар начался со стрелы, так всё же помнят, что Индио мастерил детишкам луки, шлифовал им тупые стрелы и учил целиться с упреждением.

Так что теперь-то Индио не отвертеться. Теперь его наверняка упрячут за решётку. А если при пожаре кто-нибудь сгорит, то Индио отправится прямиком на виселицу. Как было бы замечательно, если бы сгорел сам старик Натаниэль! Пламя пожара списало бы все долги Санчо Переса, и не его одного. Пожалуй, не было на ранчо такого работника, который не задолжал бы старому Гривсу.

Но даже если старик не сгорит, Индио всё равно не отвертеться, и его отправят отсюда подальше. И его хибарка освободится, и здесь будет жить Санчо. А уж он-то наведёт здесь порядок. Выскоблит полы, повесит занавески на окна, и вместо гвоздей в стенах тут появятся аккуратные крючки и полочки. И самое главное, Санчо не станет ворон считать и спать на ходу. У него была хорошая идея, но Индио не согласился ему помочь. Теперь, когда его не будет, никто не помешает Санчо угонять из стада каждый день по одной корове и привязывать её в укромной ложбинке, а в воскресенье спокойно перегнать маленькое стадо за речку в посёлок старателей. Те ребята, говорят, тоскуют по свежему мясу и готовы расплачиваться за него золотым песком. Индио высмеял его, когда он рассказал об этой идее, и сказал, что золотого песка не бывает. Вот и пусть теперь расплачивается за свою дурость.

Нет, ему не отвертеться. Харрис держит его на мушке и медленно отступает из хибарки. «Пойдём, Гривс, пойдём. Шериф хочет тебя видеть. Очень хочет».

Индио стоит с поднятыми руками, а коротышка Харрис отступает к порогу и смотрит на него. Смотрит, но не видит, что в дощатую стену воткнут топорик. Это старый топорик,

которым забивают телят, проламывая темечко. Индио когда-то воткнул его верхним углом лезвия в стенку и подвязал к рукоятке верёвку, на которой он сушит какие-то тряпки. Сейчас тряпок нет, верёвка провисает через всю хибарку, от гвоздя в одной стенке к топорiku в другой. Индио стоит с поднятыми руками, и топорик сам просится к нему в ладонь.

Харрис на миг поворачивается к Санчо и Нино, застывшим с картами за столом: «Сидеть! Не двигаться! – Знаю я вас, все вы заодно, голодранцы... » Хрясь! Коротышка Харрис валится на пол, а из его шляпы торчит топорик с верёвкой...

Индио спокойно поворачивается к друзьям. «Не пойду я ни к какому шерифу. Если есть вопросы, пускай сам приходит. Санчо, сдай карты сначала». Харрис, лёжа на полу, вдруг начинает вздрагивать и стучать каблуками об пол, но быстро затихает. Санчо дрожащими руками тасует карты, а Индио поднимает с полу револьвер, бережно протирает его об рукав, прокручивает барабан. «Пускай шериф сам приходит. Я ему отвечу. Санчо, сдавай», Индио говорит тихим обиженным голосом, и в глазах его блестят слёзы...

Санчо отвлёкся от воспоминаний, заметив, что его попутчик перестал посапывать.

– Эй, амиго, – тихо позвал он. – Из-за тебя я пропустил утреннюю кормёжку в тюрьме. Дай мне хоть сухарик какой-нибудь. Не могу же я траву жевать.

– Пожалуй, ты прав.

– Ты, наверно, ирландец, – сказал Санчо Перес. – Говор у тебя ирландский.

– Я могу и по-испански, – сказал ирландец.

– Из чего бы нам костерок соорудить? – Санчо огляделся и попытался отломить толстую ветку мескита.

– Костерок?

Ирландец встал, подошёл к лошадям и расстегнул сумку, притороченную к седлу. Он был такой высокий, что Санчо даже забеспокоился – как бы его не разглядели со стен крепости.

– Костерок нам не нужен. Вот, пожуй вяленого мяса.

– А кофе?

– Пить будешь из ручья, – сказал ирландец. – А на запах кофе могут сбежаться посторонние.

– Ты дельный парень, амиго, – сказал Санчо, откусив самый краешек от подмётки, которую ему подали под видом вяленого мяса. – Индио знал, кого посылать за мной.

– Меня никто не посылал. Я сам по себе.

– Ты сказал, что Индио ждёт нас.

– Он ждёт нас. Ему сейчас очень не хватает таких парней, как ты и я, – сказал ирландец.

– Индио не любит незнакомцев, – сказал Санчо.

– Вот ты нас и познакомишь.

– Но я и сам про тебя ничего не знаю. Как же я вас познакомлю? Расскажи хоть что-нибудь о себе, – попросил Санчо. – Всё равно делать нечего. Ты о себе, я о себе расскажу, так и день пройдёт. Где бывал, чем занимался, кого встречал? Вот я, например, никогда не был в Калифорнии, а ты?

– Был.

– Ну, и как там? Что ты там делал?

– Золото мыл, – лениво ответил ирландец, ложась на спину и складывая руки под головой.

– Чего его мыть, оно и так чистое, – засмеялся Санчо. – Песок золотой копал? Сколько я слышал про этот золотой песок, а увидеть пока не пришлось. Что, его и вправду так много, что лопатой копают?

– Без лопаты, конечно, не обойтись.

– Наверно, это страшно тяжёлая работа, золото лопатой кидать, – предположил Санчо Перес. – Золото, оно ведь такое тяжёлое. Наверно, только такие здоровые, как ты, с этим справляются.

Ирландец повернулся набок и с любопытством поглядел на Санчо.

– Ты что, и вправду полагаешь, что золотой песок такой же, как обычный? Что он лежит под открытым небом, вроде как дюны? Нет, амиго, все не так. Берёшь лопату и начинаешь кидать гальку в корыто с проточной водой. И хорошо, если на всё это полное корыто найдётся хотя бы одна золотая песчинка. Вот такая, – он снял с рукава прилипшую песчинку и на распахнутой ладони показал её Санчо. – Такая вот работа и называется «мыть золото».

– Тогда это работа для дураков, – заявил Санчо.

– Верно, – ирландец снова положил руки под голову и устался в небо.

– Но ты не похож на дурака.

– А я недолго там был, – проговорил ирландец. Он усмехнулся и добавил: – На прииске появился человек, который подсказал мне другой способ заработать. Заработать много и быстро. И без особого труда.

– Что за человек?

– Если ты не был в Калифорнии, его имя тебе ничего не скажет. Слышал про Питкера «Пивную Бочку»?

– Вроде нет, не слышал.

– Он перехватывал старателей по дороге к фактории²⁷. И забирал у них эти песчинки. Вот благодаря Питкеру я и бросил эту грязную работу, и заработал за один день пятьсот долларов.

– Да, – сказал Санчо Перес. – В жизни самое главное – это встретить нужного человека в нужное время. А долго ты был с этим Питкером?

– Я же говорил тебе – я сам по себе. После Питкера я покинул Калифорнию.

– А в Техасе ты знаешь кого-нибудь?

– Знал всех братьев Джунти.

– О, – с уважением протянул Санчо. – Я как-то видел Рея Джунти. Где он сейчас?

– На кладбище.

– Так вот почему ты хочешь прибиться к нам с Индио? – догадался Санчо Перес.

– Думаю, что с вами я неплохо заработаю, – сказал ирландец. – Амиго, кажется, я рассказал тебе слишком много. А теперь дай поспать. Ты из-за меня пропустил утреннюю кормёжку. А я из-за тебя не спал всю ночь.

– Спи, амиго, – сказал Санчо Перес. – Спи и ничего не бойся. Мне ты можешь доверять.

ДОПРОС ПОЛКОВНИКА

Помощник шерифа Кон Бертельс поджидал полковника в баре с самого утра, развлекаясь по-своему. Он объяснял бармену устройство воздушного тормоза Вестингауза, которым недавно стали оснащать все вагоны. Поскольку в баре не было других посетителей, старику-бармену ничего не оставалось делать, кроме как натирать фужеры полотенцем, покачивать головой и вставлять в паузах одну и ту же реплику:

– Умный парень, этот Тормоз Вестингауз...

На его счастье, полковник Мортимер появился в салуне уже через час после начала лекции. Кон Бертельс, молодой белобрысый здоровяк с покатым лбом и массивным подбородком, полгода отработавший помощником инженера в железнодорожной компании «Юнион Пасифик», мог бы рассказать ещё много интересного и поучительного, но, заметив полковника, остановился на полуслове:

– Эге, полковник, да вы не ночевали у себя?

– Да, Кон, пришлось задержаться в Сан Хуане. Глупо, но я не учёл, что поезд оттуда

²⁷ Фактория – торговая контора, оптовый склад в отдалённых районах.

идёт только утром.

– Понятно-понятно, – протянул Кон Бертельс. – В таком случае меня ввёл в заблуждение ваш конь. Я увидел, что он стоит в конюшне, и был уверен, что вы здесь. А что за дела понесли вас в Сан Хуан, если не секрет?

– Ты же знаешь, я ищу себе дом в ваших краях.

– Нашли?

– Ещё нет, – сказал полковник, присаживаясь к стойке рядом с Коном. – Виски, пожалуйста.

– Виски? Утром?

– У меня ещё не кончилась ночь.

Кон Бертельс отодвинул свою шляпу, лежавшую на стойке, и сел боком, не сводя с полковника глаз. Видно было, что ему не терпится сообщить какую-то новость.

– А ведь я вас тут жду, – заявил он.

– Да?

– И вы не хотите спросить, зачем?

– Ну, дай подумать... – полковник отхлебнул виски. – Наверно, поблизости объявился какой-нибудь беглый преступник.

– Санчо Перес бежал вчера утром! – выпалил Кон Бертельс, внимательно следя за выражением лица полковника.

Полковник Мортимер удивлённо вскинул брови и повернулся к нему:

– Не может быть!

– Ну, мне-то вы можете верить, это абсолютно точные сведения. Они дали телеграмму по всем соседним округам.

– Сколько за него дадут? – поинтересовался полковник.

– Тысячи три, не меньше, – понизив голос, сказал Кон Бертельс. – Если вас интересуют подробности, я сведу вас с одним человеком.

– А подробности могут немного подождать? – спросил полковник. – Я бы хотел помыться с дороги, да и позавтракать не мешало бы.

– Позавтракаем вместе, – предложил Кон Бертельс. – Этот человек остановился в таверне, и к нашему приходу там будет готов отличный завтрак. Вы никогда не ели в нашей таверне?

– Не имел счастья, – осторожно сказал полковник. – Ты говоришь о таверне с этим непроизносимым названием? Кажется, «Сварфельд»?

– «Шварцвальд», – поправил его Кон Бертельс. – Пойдёмте, полковник, не пожалеете.

Он чуть ли не силой вытащил полковника из салуна и уже на улице, поправляя шляпу перед своим отражением в витрине, сказал сквозь зубы:

– У вас не всё в порядке, полковник. Этот парень, к которому мы идём, он про вас спрашивал.

– Что за парень?

– Хороший парень. Но вы тоже хороший парень. А я не люблю, когда хорошие парни дерутся между собой.

– Ты же знаешь, Кон, у меня нет врагов.

– Говорю вам, полковник, это не враг. Поговорите с ним, и всё. Он приставал с вопросами к шерифу, но Уоткинс сплавил его мне. Хороший парень, только зануда страшный. Вы уж с ним помягче, полковник.

Когда они подошли к таверне, из её открытых дверей доносился аппетитный запах тушёной капусты. И сам хозяин, Иохим Шварцвальд, довольно улыбаясь, стоял на пороге в новом белом фартуке, повязанном поверх голого торса. Его руки, крепкие широкие, были покрыты медными волосами, которые становились все гуще от кисти к локтю, потом редели, но на плечах уже лохматились, словно эполеты. Кожа на лице, на шее, на груди была одного и того же цвета и напоминала свежую ветчину.

Внутри таверны радовали глаз яркие жёлтые афиши с крупными чёрными буквами,

извещавшие о различных борцовских турнирах. Фамилия «Шварцвальд» на них была обведена красной рамкой, причём явно не типографским способом. Под одной из таких афиш за накрытым столом сидел человек в длинном плаще и шляпе с опущенными книзу полями.

— Кажется, вы ещё не знакомы, — сказал Кон Бертельс. — Полковник Мортимер, странствующий рыцарь из Каролины. Дядюшка Шварцвальд, бродячий чемпион из Гамбурга. А это наш гость из Нью-Йорка, инспектор Фогель, детективное агентство Боулза.

Инспектор Фогель молча приподнял шляпу ровно настолько, чтобы на секунду показать гладко выбритый череп.

— Ах, мистер Мортимер, — пропел дядюшка Шварцвальд, — как шаль, что я не могу фытать свою точь замуж за вашего сына. Мортимер! Это звучит, как гимн! Какое потомство могло бы получиться от наших тётей. Арнольд Мортимер, наш внук, положил бы на лопатки всех этих янки, французов и макаронников!

— У меня, к сожалению, нет сына, — заметил полковник, усаживаясь за стол напротив Фогеля.

— Не пета, у меня всё равно нет точери, — дядюшка Шварцвальд горестно развёл руками. — Но вы же понимаете, Арнольд Мортимер это совсем не то, что Арнольд Шварцвальд. Человек с фамилией Шварцвальд никогда не станет чемпионом в этой стране. Может быть, в Иллинойсе. Но не в Калифорнии, не в Канзасе, не в Луизиане. Я был в разных штатах, и мне нигде не давали победить. Томпсон, Харди... Победу давали им. А Харди на самом деле Гардье, лягушатник. Мне тоже предлагали новое имя, например, Джо Форрестол. И тогда я бы стал чемпионом Мериленда. Но вы знаете, что я им сказал. Я сказал, что человек должен оставаться самим собой даже в Мериленде.

На протяжении этой патетической речи дядюшка Шварцвальд не забывал подавать на стол судки, салатницы, соусницы и маслénки, а на финальной фразе водрузил посреди стола необъятное блюдо с ещё шипящими ломтями жареной свинины. К этому лёгкому завтраку были также поданы полуметровые кружки с пивом. Кон Бертельс потёр руки, плотоядно улыбаясь, и первым вонзил свою вилку в брызнувший соком кусок на сковороде.

Завтракать в таверне было принято молча, не отвлекаясь на комплименты и светские анекдоты. Наконец, тяжело отдуваясь, Кон Бертельс отодвинулся от стола и сказал:

— Мистер Фогель, наверно, вы хотите что-то рассказать полковнику?

— Наверно, хочу, — Фогель снял шляпу и вытер салфеткой губы, щёки и лоб. — Сигару?

— Нет, спасибо.

— Не отказывайтесь, не отказывайтесь, полковник, — посоветовал Кон Бертельс, протягивая руку к деревянной шкатулке, которую раскрыл на столе инспектор Фогель и в которой лежали шоколадного цвета сигары с красно-золотыми ярлычками. — Что может быть лучше контрабандной сигары?

— Только трубка, — сказал полковник и достал из кармана трубку и кисет.

— Такие сигары, наверно, никак не дешевле сорока центов за штуку. Да, инспектор? — поинтересовался Кон Бертельс.

— Понятия не имею, — инспектор Фогель пожал плечами. — Сам я их не курю, поэтому и не покупаю, А эту шкатулку держу только для бесед с важными людьми.

— Шкатулка, как я понимаю, является собственностью агентства? — усмехнулся полковник Мортимер.

— Не столько собственностью, сколько орудием, — ответил инспектор Фогель. — Итак, полковник, насколько я знаю, вы интересовались судьбой некоего Санчо Переса. Вы даже посещали его в тюрьме Аламогордо.

— Ну что вы, — полковник выпустил облако дыма, — в этой тюрьме не приняты посещения. Да, я был там. Имел тёплую встречу с капитаном Монтесаром. Он убедил меня, что Санчо Перес, судьбой которого я действительно давно интересуюсь, содержится в надлежащих условиях и вполне способен прожить те четыре года, которые ему остались до выхода на свободу. Но, как я слышал, кто-то выпустил его досрочно?

– Да. Кто-то. Полагаю, вы догадываетесь, кто именно.

– Догадываюсь. Тот, кому он нужен. Могу ли я узнать, каким именно способом был совершён побег? Подкоп? Перепиленные решётки? Или подкупленные часовые?

– Динамит, – сказал инспектор Фогель. – Сообщники подорвали стену крепости, и Санчо бежал через пролом. Нетрудно сделать вывод, что сообщники были хорошо осведомлены о местонахождении Переса.

– Что вам известно о принятых мерах? Монтесар послал людей в погоню?

– Нет. Он счёл за лучшее не рисковать своими людьми, потому что следы Санчо и его сообщников вели на запад. Монтесар не хочет сталкиваться с апачами.

– А Санчо, значит, апачей не боится?

– Вот именно об этом я и хотел с вами поговорить, – сказал инспектор Фогель. – Давайте пройдем ко мне в комнату, я вам кое-что покажу. Конрад, позаботься о том, чтобы нам не мешали.

Кон Бертельс приложил два пальца к виску.

В комнате, где расположился инспектор Фогель, стояла солдатская складная кровать, под которой полковник заметил дорожный саквояж, болотные сапога и длинное ружье в черном замшевом чехле.

– Хотите в свободное время поохотиться? – спросил полковник. – Кон знает места в горах, где пасутся большероги²⁸. Вы можете привезти в Нью-Йорк завидный трофей Фогель, ничего не отвечая, вытянул саквояж из-под кровати, а ружье, наоборот, затолкал поглубже. Достал пухлый конверт размером с половину газетного листа, а из конверта извлёк листок с портретом Эль Индио.

– Думаю, эта личность вам знакома.

– Заочно. Но мы начали разговор о другой личности, – напомнил полковник.

Сейчас, когда его не отвлекала вкусная, хоть и тяжёлая еда, он мог внимательно рассмотреть собеседника. Инспектор Фогель был сухощавым и загорелым, его узко посаженные, серые водянистые глаза казались выгоревшими на солнце. Брови и ресницы были тонкими и светлыми, отчего лицо его, выскобленное бритвой, выглядело неприлично голым. Он снял шляпу и плащ, небрежно бросил их на кровать и остался в белоснежной сорочке со стоячим воротничком и полосатых брюках на подтяжках. Если пару минут назад он выглядел бродягой, то теперь перед полковником верхом на стуле сидел энергичный городской чиновник.

Инспектор Фогель щёлкнул пальцем по изображению Индио.

– Полагаю, мне не надо рассказывать вам, что между этими двумя личностями имеется определённая связь.

– Какая связь? – спросил полковник. – Какая связь может быть между двумя заключёнными, если они сидят не просто в разных камерах, а в разных тюрьмах?

– Если мы коснёмся их прошлого, то увидим, что между ними была очень тесная личная связь, – монотонным голосом начал инспектор Фогель. – Санчо Перес и Фредерик Гривс были работниками на ранчо Натаниэля Гривса в Оклахоме. После пожара на ранчо они исчезли, убив помощника шерифа. Они же, как считается, совершили поджог дома своего хозяина, а также попытались убить и ограбить его. В дальнейшем они были неразлучны на протяжении почти десяти лет преступной деятельности. Показания многочисленных свидетелей позволяют сделать вывод, что эти двое, Гривс и Перес, полностью доверяют друг другу и все делают сообща.

– Сообща сели в тюрьму и сообща её покинули, – кивнул полковник.

– Вот именно, – назидательно поднял палец инспектор Фогель, не уловив иронии. – На первый взгляд кажется, что это примитивная уголовная шайка. Но последние события

²⁸ Большерог – или бигхорн, или рэм – один из самых крупных горных баранов Северной Америки: длина тела полтора метра, высота в плечах – метр, вес до 160 кг, диаметр спирали рога – 45 см.

заставляют взглянуть на их союз несколько иначе. Вы сами отметили, что они не могли между собой общаться, поскольку находились в разных тюрьмах. Значит, на свободе оставался кто-то третий, неизвестный нам, кто и позаботился об их освобождении.

Он вертел в руках портрет Индио, аккуратно перебирая кончиками пальцев по краям листка и не касаясь самого рисунка. Наверно, ждал от полковника каких-то слов, но полковник Мортимер молчал.

– Могу я взглянуть на портрет поближе? – вдруг спросил полковник и, взяв листок, заглянул на его обратную сторону, после чего сразу же вернул. – Странно. Почему нью-йоркское агентство пользуется услугами чикагской типографии?

Инспектор Фогель отложил листок на кровать поверх плаща, рисунком вниз, и сказал извиняющимся тоном:

– Раскроем карты, полковник. Я из агентства Пинкертон, но это не принято объявлять громогласно. Здесь я выполняю поручение группы сенаторов. Об этом тоже не стоит сообщать Конраду.

– Хорошо, – сказал полковник. – Я не из агентства. И я здесь не выполняю ничьих поручений.

– Мне известно, чем вы зарабатываете на жизнь. В каком-то смысле мы с вами коллеги.

– Допустим.

– Итак, мистер Мортимер, Конрад наверняка посвятил вас в суть моих расспросов. Я спрашивал о вас, и не услышал ничего предосудительного. Должен признаться, что знаю о вас не только со слов ваших друзей. Случай, которым я занимаюсь, потребовал некоторых исторических изысканий. Например, мне пришлось порыться в архивах Канзасской армии.

Он остановился, изучающе глядя на полковника, но не дождался никакой реакции и спросил:

– Вы ведь участвовали в боевых действиях в Канзасе и Миссури?

– Не думаю, что это отражено в моём послужном списке, – ответил полковник. – Я также не думаю, что вы можете быть с ним знакомы.

– О том, где вы были в период с 61-го по 65-й год, я знаю от шерифа. Не осуждайте Уоткинса. Он ведь тоже ветеран, как и вы. Рассказывая о ваших заслугах, он не мог умолчать о том, что когда-то вы были противниками. Это заставило меня встретиться с вами. Потому что предмет нашего разговора будет вам хорошо знаком. Если, конечно, вы не откажетесь от этого разговора...

– Инспектор, если это будет разговор о Санчо Пересе, я не откажусь. А вот предаваться воспоминаниям не намерен. Давайте не будем портить впечатление от кулинарного шедевра дядюшки Шварцвальда, – улыбаясь, попросил полковник.

– Хорошо, обойдёмся без воспоминаний. Хотя я глубоко уважаю воинскую доблесть, независимо от того, на чьей стороне она проявляется. Но сейчас речь пойдёт не об этом. Насколько я знаю, до сих пор вы довольно успешно помогали правосудию, и репутация ваша безупречна. Поэтому мы сейчас не будем рассматривать предположения о вашей причастности к побегам Гривса и Переса, хотя они не лишены экономического смысла. Выпустить на свободу преступника, а потом убить его и получить вознаграждение – это вполне допустимый тактический ход. Но только не в вашем случае, мистер Мортимер.

– Спасибо, – сухо ответил полковник.

– Итак, правосудие, в моём лице, полностью полагается на вашу готовность сотрудничать с нами и дальше. А теперь к делу. У меня есть веские основания предполагать, что за этими двумя субъектами стоит более значительная фигура, – заявил инспектор Фогель и, выдержав эффектную паузу, спросил: – Что вы знаете о Бёлле Старр, она же Миранбель Ширли, 1848 года рождения, уроженка Миссури?

– Не больше, чем о ней пишут в газетах, – пожал плечами полковник. – Которых я, впрочем, не читаю.

– Понимать ли ваш ответ в том смысле, что вам никогда не приходилось встречаться с этой дамой?

– Да, именно в этом смысле.

– Вы уверены? – инспектор Фогель порылся в своём пухлом конверте и достал пожелтевшее письмо. – А вот что сообщает один из Каролинских рейнджеров, действовавших в нашем тылу, на территории Канзаса, в своём письме от августа десятого шестьдесят четвёртого года. «Дорогой отец...»

– Одну минуту, инспектор, – полковник Мортимер встал и прошёлся по комнате. – Я не испытываю ни малейшего желания читать чужие письма даже в вашем приятном обществе. Поэтому позвольте прервать эту процедуру. Письмо адресовано отцу, но находится у вас. Следовательно, письмо не было отправлено, полагаю, по причине смерти его автора. Следовательно, оно попало к вам от тех, кто обыскивал его тело.

– Оно попало ко мне из архива нашего агентства, – инспектор Фогель тоже встал, пряча письмо в конверт.

– Это неудивительно, – сказал полковник Мортимер. – Ваш босс, мистер Пинкертон, был начальником разведки Линкольна. Думаю, его архив весьма обогатился за годы войны. Хорошее подспорье в промысле частного сыска.

– Я приношу свои извинения, полковник. Не думал, что задену ваши чувства. Но это не меняет дела. Опустив излишние детали, можно сделать вывод. Во время боевых действий ваши операции в тылу правительственных войск проводились на основании данных, полученных именно от этой дамы, миссис Беллы Старр. Она была разведчицей в отряде Вильяма Квантрилла, а вы неоднократно поддерживали связь с этим разбойником. Правда, правительство мятежников присвоило ему звание капитана за все его подвиги, но это не меняет существа вопроса. Квантрилл – грабитель и разбойник, и Белла Старр состояла в шайке грабителей и разбойников.

– Ну и что? – просто спросил полковник и снова сел на скрипучий стул. – Вернёмся к нашим баранам. Причём здесь Санчо Перес?

– Как вам известно, Белла Старр сейчас скрывается от правосудия на Индейских Территориях, а Санчо Перес бежал со своими сообщниками именно в сторону индейцев, – инспектор Фогель тоже сел, и голос его вернулся к привычной монотонности. – И вам известно также, что банда Переса и Гривса часто применяет в своих действиях некоторые тактические приёмы, характерные для индейцев, что позволяет говорить о том, что...

– Нет, об этом я слышу впервые, – с интересом сказал полковник, – Какие именно приёмы вы имеете в виду?

– ...что позволяет говорить о том, что в банде участвуют индейцы, – закончил фразу Фогель. – Вы разве не слышали о том, что банда использует луки и стрелы?

– Слышал, – кивнул полковник Мортимер. – Помнится, в детстве я тоже использовал лук и стрелы. Я, признаться, подумал, что вы имеете в виду совсем другое. Тактический приём, характерный для индейцев, как вы удачно выразились, это использование рассыпного строя. Нападая, они то рассыпаются поодиночке, то снова собираются в ударный кулак в самом неожиданном месте. Вот это тактика. А лук и стрелы... Я слышал об этом. Но вы, инспектор, наверно, не знаете, что индейцы обычно забирают свои стрелы, если есть время. Они даже обламывают черенок, оставляя наконечник в ране, потому что его так просто не вынешь. А черенок ещё не раз послужит. Дело в том, что оперение на стреле, между прочим, сложная и дорогая деталь. Так что индейцы стараются при возможности свои стрелы уносить. К тому же по оперению легко узнать, чья это стрела, а индейцы к славе не стремятся.

– Интересно, – задумчиво произнёс инспектор Фогель. – А Перес и Гривс всегда оставляли свои стрелы. И ножи в тупах.

– Я знаю это. Его люди не отличаются бережливостью, – сказал полковник. – Так что не ищите в их банде индейцев, инспектор.

– Но что вы тогда скажете о пытках? Они подвешивают человека головой вниз над костром, растягивают его на земле и режут кожу на лоскутки. Разве белые люди способны на такую жестокость?

– Белые люди... Это очень интересная тема для послеобеденного разговора, но я всё же надеюсь, что мы вернёмся к Санчо Пересу, – сказал полковник Мортимер. – К чему вы клоните, инспектор? Что Санчо и Индио скрываются на Территории в доме Беллы Старр?

– Именно! – инспектор Фогель удовлетворённо откинулся на стуле. – И не первый год! Самое первое своё убийство они совершили, уже находясь под её влиянием. И в дальнейшем грабили в разных штатах, но всегда возвращались в Оклахому, к своей покровительнице. Именно существование постоянной базы позволяло им действовать так долго и безнаказанно. И смею вас заверить, это не единственная банда, которая скрывается в Оклахоме, а действует в соседних штатах. Вспомните беспорядки в Арканзасе семидесятых годов. Пришлось вводить войска, но зачинщики ускользнули в Оклахому. Далее. Вы наверняка слышали об ирландских террористах²⁹, которых разоблачило наше агентство на шахтах Пенсильвании. Боюсь, что правосудие настигло только рядовых исполнителей, а истинные главарь и вдохновители успели скрыться. Вы спросите, где? Где же ещё, как не у Сэма Старра, супруга Беллы? Он наполовину ирландец, наполовину чероки. Надо ли доказывать вам, полковник, как много значит для дикарей такой признак, как общая кровь?

– Но Санчо Перес не ирландец, да и Гривс тоже...

– Но Перес католик!

– Понимаю, – кивнул полковник. – По-вашему, у Беллы Старр в Оклахоме разрослось осиное гнездо, оплот недобитых мятежников. И там скрываются всякие ирландцы, индейцы и католики.

– Скрываются? Да, до времени, – инспектор Фогель вскочил, нервно ломая себе пальцы, и отошёл к окну. Поглядев на улицу, он повернулся к полковнику и добавил, понизив голос: – И моих заказчиков, сенаторов, весьма интересует тот момент, когда они перестанут скрываться и снова заявят о себе.

– А вот меня это нисколько не интересует.

– Тогда что же вы делаете здесь? – проницательно улыбнулся инспектор Фогель.

– Подбираю подходящее место, где можно было бы поселиться и спокойно встретить старость.

– Значит, вы тоже интересуетесь Мёртвым Берегом?

– Что ещё за Мёртвый Берег? – спросил полковник.

– Ну, как же так, – инспектор Фогель улыбнулся. – Мне даже неловко учить вас географии. Я был уверен, что вы изучили местность лучше меня.

Не вставая со стула, он дотянулся до своего плаща, лежавшего на кровати и запустил руку глубоко во внутренний карман. Достав сложенную гармошкой карту, он развернул её, окинул взглядом и снова сложил гармошкой, но уже нужным квадратом кверху. Всё это он проделал так же ловко, как профессиональный картёжник тасует и раздаёт карты. Точнее, так же ловко, как опытный штабной офицер. Впрочем, опытный офицер одинаково уверенно тасует и игральные карты, и топографические.

Полковник Мортимер увидел извилистую линию Рио-Гранде, зубчатые линии обрывов и отметки высот. Карандашные пометки густо усеяли поля карты. Надписи были сделаны по-немецки, изумительно чётким бисерным почерком.

– Итак, взгляните. Здесь неподалёку тянется целая цепочка небольших деревень, в которых никто не живёт. Места, знаете ли, дикие. Местные жители покинули эти деревни после землетрясения, а пришельцы с севера боятся занимать пустующие дома из-за близости границы. Индейцы туда почти не заглядывают, им там нечего делать.

– Мне тоже, – сказал полковник.

– Значит, вы туда никогда не заглядывали?

– Я же говорю, мне там нечего делать.

²⁹ ...об ирландских террористах – речь идёт о подпольной организации «Молли Магвайр», совершившей ряд убийств владельцев шахт в Пенсильвании и разоблачённой агентами Пинкертон в 1874—1878 годах.

– И всё же не торопитесь с выводами. Если бы у меня были свободные деньги, я бы непременно вложил их именно в Мёртвый Берег. Сегодня вы можете скупить все эти земли за бесценок. А завтра там появятся инженеры и начнут прокладывать железную дорогу. Вы продаёте свою землю и становитесь миллионером.

– Хорошая идея.

– Конрад знает всех нынешних владельцев этих участков. Они и сами там никогда не были, земля досталась им только на бумаге. У вас есть капитал, так почему же не применить его здесь? И лучшие юристы нашего агентства совершенно бесплатно помогут вам все оформить.

– Насколько я понимаю, это услуга, – сказал полковник, – которая требует от меня ответной услуги. Итак, чего вы хотите от меня?

– Да какая же это услуга? Я поделился с вами своим знанием географии, только и всего. Но вы, если хотите, можете сделать нечто, весьма полезное для меня. И для правосудия, конечно.

– Например?

– Например, используя ваш опыт, ваши связи, ваши методы, вы можете разыскать Санчо Переса и Фредерика Гривса. Вы, я полагаю, и без меня этим занимаетесь. Могу подсказать: они наверняка сейчас прячутся где-то на Мёртвом Берегу. Я намерен обследовать эти места, начиная с западного края, а вы могли бы начать с восточного. Если они там, то мы зажмём их в клещи. Но я бы просил вас не убивать их при этом, а только следить за ними. Они могут рассказать много интересного.

– Это не так просто, – сказал полковник вместо того, чтобы рассмеяться в лицо этому сумасшедшему горожанину, который хотел «зажать в клещи» банду Индио. – Что ещё?

– А ещё... Это вопрос сложный, я бы сказал, деликатный. Но профессия требует иногда перешагивать через некоторые условности. Я имею в виду ваше прошлое. Если у вас не будет к этому никаких моральных препятствий, то вы можете рассказать мне, кто из ваших бывших сослуживцев мог бы сейчас поддерживать связи с миссис Старр. Прежде всего меня интересуют ирландцы.

– Да что вы привязались к бедным ирландцам? Разве Алан Пинкертон сам не был ирландцем?

– Был! – с особым чувством сказал Фогель. – Именно поэтому он выискивал своих соотечественников среди преступников. И эта традиция останется. Я же предупреждал вас, что вопрос этот деликатный и сложный...

– Это простой вопрос, – полковник махнул рукой. – Ответ будет ещё проще. Никто. Из тех, кто остался в живых.

– Тогда третий вопрос. Точнее, просьба. Согласно некоторым предположениям, миссис Старр готовит нам неприятный сюрприз. Возможно, это будет какая-то диверсия на железной дороге. Вероятнее всего, взрыв моста через Рио-Гранде. Здесь, в Эль Пасо. Так вот, если вы вдруг заметите в городе женщину, хотя бы отдалённо похожую на Беллу Старр...

– Да забудьте вы о ней, – дружелюбно улыбаясь, сказал полковник. – Сколько ей сейчас? Тридцать семь? В таком возрасте женщины уже не взрывают мосты. Единственная диверсия, на которую она способна – это разбить тарелку о голову пьяницы-мужа. Собственные дети занимают её сейчас гораздо сильнее, чем террористы на шахтах какой-то там Пенсильвании. Для неё Пенсильвания дальше, чем Луна, инспектор.

– Как же я могу забыть о ней? – инспектор развёл руками. – Это моя работа. Я получил заказ, и его придётся выполнить так, чтобы сохранить репутацию агентства. А как я сам отношусь к этому заказу, никого не касается. Моё отношение не мешает мне разобраться с мадам Старр.

– Ну так подошлите к ней кого-нибудь из своих, как вы это всегда делаете. Например, под видом спившегося ветерана войны. Только научите его ирландскому акценту. Говорят, её дом всегда открыт для разных неудачников. Вот увидите, когда он вернётся из этого осинового гнезда и составит отчёт, вы будете смеяться.

– Я уже смеюсь, – уныло сказал инспектор Фогель. – Но всё же, полковник, если вы её увидите...

– Не беспокойтесь, инспектор. Я тут же позову Кона, а Кон известит вас, – полковник Мортимер встал, с трудом удерживаясь от смеха: он представил пожилую леди, ползущую к опорам моста со связкой динамитных патронов в зубах. – Кстати, а ваш коллега, Рудольф Грабер, он тоже был здесь по делу мадам Старр?

– Это служебная тайна, – сказал Фогель.

– Понятно. Значит, по этому же делу. Ну что же, в таком случае один мой знакомый индеец весьма преувеличил способности вашего работника.

– У вас есть знакомый индеец?

– Не пойму, чего больше в вашем голосе, – сказал полковник, – ужаса или отвращения?

– Вы человек определённого круга, – сказал инспектор Фогель. – Обычно с индейцами общаются... Не такие люди.

– Да, – сказал полковник. – Мы оба с вами люди определённого круга. Обычно индейцы брезгают входить в этот круг. Они держатся подальше от таких, как Индио, Санчо Перес и мы с вами.

НЕ ВСЕМ ГОСТЯМ РАДЫ

Жить в мёртвом городе так же приятно и весело, как жить на кладбище. К тому же питаться приходилось одним вяленным мясом. Даже костры Индио не разрешал разводить где попало, и вот, чтобы сварить себе кофе, приходилось всем тесниться вокруг очага, который Нино устроил в церквушке. После нескольких дней такой жизни бандиты начали роптать. Им надоело ждать подкреплений. Конечно, чем крупнее отряд, тем больше он сможет увести из банка. Но ведь и делиться придётся со всеми...

Индио и сам понимал, что пора приступить к действиям, иначе его шайка может многих недосчитаться в самый ответственный момент. Но пока у него не было самого главного – динамита. Правда, Грогги привёз с собой пол-ящика, но Индио казалось, что этого будет мало. Кроме того, не нравилось ему, что этот динамит привёз Грогги. Тот и так всё время высовывался. На словах-то он признавал, что Индио здесь главный, но всё время придумывал своим парням какое-нибудь новое занятие, чтобы напомнить и о своём положении. Не годился он в помощники, слишком был гордым. И Индио снова и снова остро ощущал, как ему не хватает сейчас старого Санчо.

Наверно, он нечаянно помолился об этом во сне, когда задремал после обеда, потому что внезапно его разбудил свист наблюдателя, и Хью крикнул с колокольни:

– К нам гости! Вижу двоих! Кто говорил, что Санчо сидит в тюрьме? Вон он, скачет сюда во весь опор!

Санчо Перес, забыв обо всех своих болячках, соскочил с коня и подбежал к Индио, и тот широко распахнул объятия навстречу старому другу.

– Санчо! Как ты нас нашёл?

– А где же вас ещё искать? Как только мне сказали, что Индио сорвался из крепости, так я сразу понял, что надо бы нам собраться на старом месте!

– А я уже не ожидал увидеть тебя раньше, чем через четыре года, брат!

– Не люблю долго отдыхать! Разве я мог бы четыре года просидеть без дела? Мы не так воспитаны, Индио! Бог велел нам в поте лица добывать себе кусок мяса! Давай добудем его вместе!

– Давай, брат, давай. Для тебя как раз найдётся занятие, причём очень скоро, – Индио похлопал приятеля по спине, обнимая его, и только теперь повернулся к рыжебородому детине в пончо, скромно стоявшему поодаль. – А это кто с тобой?

– Это ирландец, мой друг! – воскликнул Санчо. – Он осмелился перебраться через пустыню, мимо патрулей, мимо апачей, он рисковал своей шкурой, чтобы спасти мою шкуру от тюремной моли. Он разнёс половину тюрьмы динамитом, и вот я на свободе!

Все бандиты собрались во дворе перед церковью. Каждый успел обняться с Санчо или просто потрепать его по плечу. Но на его спутника бандиты смотрели неприязненно. Чужаков нигде не любят, особенно таких, здоровых и увешанных патронами. Но тот, кого Санчо назвал ирландцем, вёл себя скромно, глазами по сторонам не зыркал, спокойно поправляя сбрую своего коня и вытирая его вспотевший круп.

– Я думал, что знаю всех твоих друзей, – сказал Индио.

– Это новый друг! Эй, амиго, подходи, не стесняйся, здесь все свои!

Ирландец подошёл ближе и сразу оказался внутри круга, потому что несколько бандитов поднялись со своих мест и встали за его спиной. Он достал сигару и с независимым видом принялся её раскуривать.

– Дать тебе огоньку? – спросил Грогги и выстрелил.

Пуля перебила сигару пополам, и все издевательски захохотали. Ирландец невозмутимо раскурил остаток сигары, даже не глянув в сторону стрелка.

– Санчо, а как ты передал своему другу, что хочешь бежать? – спросил Индио, обходя ирландца кругом и разглядывая его, как коня, которого привели на продажу.

– Он ничего не передавал, – сказал ирландец. – Я все придумал сам, и всё сделал сам.

– Почему? – вкрадчиво спросил Индио.

– Потому что я так привык. Никому нельзя доверять, если можешь справиться сам.

– Это правильно, амиго, – кивнул Индио. – Но зачем ты всё это затеял? Ни я, ни Санчо, ни Грогги – никто не просил тебя об этом.

– А я не привык делать то, о чём меня просят. Я сам по себе, – сказал ирландец.

Бандиты зашумели, недовольные дерзким ответом, но Индио поднял руку, и все замолчали. Ирландец затянулся, выпустил струю дыма вверх. Все смотрели на него, ожидая продолжения, и он неохотно продолжил:

– А зачем мне всё это надо? Я просто узнал, что в одну кучу собрались самые крутые парни. Так, может, и мне найдётся тут место? А Санчо может дать мне рекомендацию. Вот и все.

– Нет, не все, – вмешался Грогги. – Тут тебе не Конгресс, у нас рекомендации даются не языком, а делами. Ты можешь сказать, какие дела стоят за тобой?

– Об этом лучше всего может рассказать шериф в Уайт Рокс, – ответил ирландец. – На досуге загляни к нему. Если, конечно, найдёшь. Он ещё долго будет прятаться под кроватью.

Индио никогда и не слыхивал про какой-то Уайт Рокс, но кивнул удовлетворённо, и все бандиты зашумели на этот раз одобрительно.

– О делах нечего болтать, их делать надо, – сказал Индио. – Амиго, мне нравится твой подход. Так и надо. Я тебе верю. А что касается дел, то вот тебе первое дело. Амиго, ты появился очень вовремя. Надо найти динамит. Много динамита.

– Динамит не продаётся на каждом углу, – заметил ирландец.

– А я и не собираюсь его покупать, – ответил Индио, и бандиты рассмеялись, словно он сказал что-то очень смешное. – Когда мне что-то нужно, я прихожу и беру. Ты взорвал тюрьму? Значит, ты скажешь, куда нам идти за динамитом.

Ирландец бросил сигару и раздавил окурочок сапогом.

– Я сам привезу, – сказал он.

– Нет, с тобой поедут мои парни, – сказал Индио, – потому что нам нужно много динамита.

– У тебя будет много динамита. Но я привезу его сам.

– Почему?

– Потому что я все делаю сам, – сказал ирландец.

Индио обошёл вокруг него, удивлённым взглядом изучая запylённые сапоги, штаны в каплях засохшей крови и толстое мексиканское пончо. Он не привык к тому, чтобы с ним спорили.

Грогги тоже прошёлся вокруг ирландца, явно желая показать, что у него есть своё мнение. И он не стал его скрывать.

– А не привезёшь ли ты нам что-нибудь кроме динамита? А? А не придёт ли по твоим следам шериф Уоткинс со своими друзьями рейнджерами? А?

– Если он придёт, то по твоим следам, – спокойно ответил ирландец.

– Что? – Грогги схватился за кобуру.

– Ваши кони натоптали дорогу сюда, её только слепой не увидит, – ирландец сплюнул под ноги. – Если вам так часто приходится ездить в город, могли бы хотя бы возвращаться разными путями. И не всей толпой, а по одному.

– Нет там никаких следов! – сказал Грогги, но руку с кобуры убрал. – Это тебе с жары померещилось.

– А ещё мне померещилось, что воняет дымом и дерьмом, как будто здесь свинарник, – кивнул ирландец. – Да шериф давно нашёл бы вас по запаху.

Индио живо повернулся, отыскал глазами Слима, и тот мгновенно все понял. Слим вскочил на своего коня и вылетел со двора.

– Я же говорил, он дельный парень, – Санчо встал рядом с ирландцем, и положил руку ему на плечо, для чего ему пришлось встать на цыпочки. – Он нам пригодится.

Индио знал своего друга не первый год. Санчо можно было упрекнуть во многом. Например, он был трусоват и ленив, и поэтому часто отговаривал своего главаря от многих задуманных планов. Но зато Индио был уверен – уж если Санчо согласился на какое-то дело, оно обязательно выгорит, и с хорошим наваром. В награбленном барахле Санчо разбирался лучше всех, даже лучше Слима. Тот, бывало, вертит перед носом какую-то сверкающую бирюльку, слюни пускает, а Санчо глянет – и в мусор её: стекляшка дутая. Что же до лошадей, то и здесь Санчо Переса не мог бы надуть ни один барышник.

Главным для Индио было умение Санчо разбираться в людях. Сам он никому не доверял, и не моргнув глазом зарезал бы любого из своих приятелей только по подозрению в предательстве. Санчо тоже не верил никому, но он умел использовать людей. К банде часто пытались прибиться разные проходимцы и бродяги. Он их видел насквозь, и знал, кого из новичков можно держать возле себя, кого лучше отшить без обид, а кого и сразу отправить к праотцам.

Санчо Перес положил руку на плечо ирландцу. Это значило, что ирландца можно какое-то время держать в банде.

Но он не назвал его имени, даже придуманного. Это значило, что ирландец будет с ними недолго.

А то, что этот ирландец «дельный парень», значило, что за деньги он сделает все. Но только за большие деньги.

Слим вернулся через минуту и доложил:

– Следов не так уж и много. Но лучше бы их замести. И запах тоже чувствуется.

– Засиделись мы тут, – заметил Дикарь.

– Да, пора браться за дело, – прогудел Нино.

– Пора, – согласился Индио. – Кучилло, Слим! Сделайте что-нибудь со следами. Завтра уходим, но эту ночь я хочу спать спокойно. Санчо! Отдохни, перекуси, Нино тебя покормит. И дружка твоего тоже. А. потом отправляйтесь за динамитом. Делайте что хотите, но к вечеру у нас должен быть ящик динамита.

– К утру, – невозмутимо поправил его ирландец.

– Сказано тебе, к вечеру! – вспыхнул Грогги.

– Ладно, пусть к утру, – согласился Индио. – Всем остальным попрятаться по своим норам, да так, чтобы уши не торчали.

– Надоело, – проворчал Дикарь. – Мы с Грогги не привыкли прятаться неизвестно от кого.

– Сегодня ты спрячешься последний раз, – пообещал Индио. – А уже завтра мы покажемся во всей красе. Все, исчезните!

Он круто повернулся и пошёл внутрь часовни, на свою постель. Его и самого нетерпение выжигало изнутри, но он спокойно повалился в овчину и застыл, глядя в

сводчатый потолок. Индио радовалось только то, что приказы его выполнялись беспрекословно. Он приказал исчезнуть – и все исчезли. Тишина окутала двор, слышно было только, как скребёт ложка по оловянной миске («Санчо, – улыбнулся Индио, – отошл на казённых харчах»), да поскрипывала, качаясь под лёгким ветром, пустая рама в проёме окна.

Он незаметно задремал, и Слим осторожно потряс его за плечо:

– Индио... Что-то не то у нас делается...

– Что? – он приподнялся на локте, кулаком протирая глаза. – Ты о чём?

– Да я о следах... Мы все сделали, как ты сказал. Заровняли, присыпали пылью, все чисто. Только вот... Кучилло нашёл чужой след. Чужая лошадь.

– Где?

– На самом краю деревни. Стояла за первым домом.

– Почему ты решил, что чужая?

– Помёт с овсом, – коротко сказал Слим. Ему не надо было напоминать Индио, что их лошади давно не видели овса. – Откуда пришла, не видно. Куда ушла, тоже не видно. Но помёт остался.

– Может, это Санчо с ирландцем наследили?

– Да нет, – Слим помотал головой. – Эта лошадь была здесь вчера. Или сегодня ночью.

– Кто дежурил ночью?

– Пако, потом Чёрный.

– Да, эти могли проспать.

Индио потёр лоб. Слим сидел на корточках рядом с его постелью, у ног хозяина, как верный пёс.

– Думаешь, у нас был гость?

– Не знаю, Индио, не знаю...

– Ладно, не тани, – раздражённо одёрнул его Индио. Он терпеть не мог, когда кто-то пытался скрыть от него разные неприятные новости.

– Сам посуди, – Слим начал оправдываться, словно был в чём-то виноват: – Может быть, я просто понапрасну паникую. Но след чужой, это точно. Кто-то у нас был. Ночью он мог подобраться к нам, понаблюдать, а потом незаметно уйти. Но ведь могло получиться и по-другому. Вот я и подумал, а вдруг он не успел смыться? Он же мог и остаться где-то рядом, потому что утром ему уже некуда было деваться, мы бы его увидели.

В рассуждениях Слима сквозил страх. Если кто-то пронюхал, что в одном месте одновременно собрались полтора десятка джентльменов, находящихся в розыске, то на встречу с этими джентльменами могут отправить кавалерийский эскадрон из ближайшего форта. А Слим страшно не любил всякие скачки со стрельбой.

Индио тоже испугался, но не кавалерии. Это был секундный приступ страха, который тут же перешёл в гнев. Где-то рядом – предатель. Враг. И этим врагом может быть любой.

– Ладно, хватит болтать, – оборвал он растерянное бормотание Слима. – Не болтать надо, а за дело браться.

– Давай поднимем людей Грогги, – с готовностью предложил Слим. – Пусть обшарят все закоулки. Они его проспали, пускай они и исправляются.

– Правильно, – сказал Индио. – Я и сам так думал. Давай, позови ко мне Грогги, только без шума.

Когда надо, Грогги мог стать послушным. Вот и сейчас он выслушал Индио и, вместо того, чтобы спорить и защищать своих оболтусов, сказал только:

– А если он не один?

– Один, один, – уверенно сказал Слим. – Двоим тут негде спрятаться.

– Тут и одному не спрятаться, если с лошадью.

– А он не тут, – догадался Индио. – А ну, пошли наверх.

По винтовой лестнице без перил, цепляясь за стенку, они забрались на верхнюю площадку колокольни, где сидел Хью. Оттуда хорошо было видно беспорядочную россыпь белых домиков с провалившимися крышами и стенами, увитыми бурым плющом и дорогу,

петляющую между невысокими холмами. Индио указал пальцем на вершушку одного из холмов.

– Там он. Видите? На всех холмах вершушки голые, а на этом кусты. Вот он за этими кустами и прячется.

– На соседнем холме тоже кусты, – недоверчиво протянул Грогги. – И вон там тоже.

– Какие же там кусты? – Индио отмахнулся. – Кустики, жалкие травинки, а не кусты. В таких и воробей не спрячется. Там он, там, я просто чувствую, что он там. Хью, ну-ка присмотришь, видишь что-нибудь?

– Вроде ничего... – длинноносый Хью приложил обе ладони к бровям, всматриваясь в знойное марево.

– Спрятался так, что и не увидишь, – заключил Индио. – Спит, наверно. Ну, мы его будить не станем, сначала свяжем. Грогги, поднимай людей, только тихо. Зайдешь со своими со стороны дороги. А я его обойду.

– Зря мы торопимся, – проговорил Грогги, не сводя глаз с далёкого холма. – Зря, Никуда он не денется. Если он там. Лучше последить бы за ним повнимательнее. А может, и нет никого?

– Слим! – сказал Индио. – Ну-ка, принеси сюда это конское дерьмо, и пусть Грогги расскажет нам, откуда оно появилось!

– Ладно, пошли, – нехотя сказал Грогги и первым осторожно двинулся вниз по лестнице.

– Погоди, – остановился Индио. – Нет, ладно, иди.

Грогги чертыхнулся:

– Из-за тебя чуть не грохнулся... Чего ты ещё придумал?

– Я же сказал, иди, – Индио хлопнул его по спине. – Слим, наклонись-ка.

Индио шепнул Слиму в ухо: «Запри Санчо с дружкой», – и только после этого секретного распоряжения пошёл вниз вслед за Грогги.

Когда бандиты выехали из деревни и разделились на две группы, Грогги огляделся и спросил:

– А где наш знаменитый Санчо Перес?

– Пусть отдохнёт, – ответил Индио.

– А где его дружок? Он тоже отдыхает?

– Справимся без них, – сказал Индио, удерживая разыгравшуюся кобылу. – Давай, как договорились. Окружай холм со стороны дороги, а я отрежу ему дорогу. Если он начнёт удирать, наскочит на меня.

– А если не начнёт, что тогда? – оскалился Грогги, спрашивая как бы в шутку, и его бандиты засмеялись.

Но Индио понял, что это не шутка, а насмешка, и нахмурился. Не отвечая, он поднял кобылу на дыбы и прищепил ей бока. Лошадь обиженно заржала и помчалась, перемахнув через остатки каменной изгороди, и несколько человек отправились за Индио.

Кобыла ему досталась молодая, глупая, но выносливая и неприхотливая. Сейчас она легко несла Индио по степи, и серая трава под ногами сливалась в сплошную бегущую ленту. Он поднял голову и огляделся. За его спиной трусили по степи Хью, Слим и Кучилло. Нино остался сторожить запертых в часовне Санчо и ирландца. Конечно, Индио доверял своему старому другу, но ирландца он видел впервые в жизни, и не хотел рисковать. Он чувствовал, что скоро придёт конец этой беспутной жизни, и всё будет по-другому, скоро он будет жить не в развалинах, а в настоящем дворце... осталось только вынуть деньги из сейфа. Но пока у него не было денег, не было и сейфа, а были только враги вокруг, и даже от друзей можно получить пулю. Так что лучше не рисковать.

Лучше не рисковать. Он и Грогги отправил туда, где было больше риска нарваться на выстрел. Если за ними кто-то следит из-за кустарника на холме, ему не уйти от банды, которая кольцом охватывает холм. Значит, он будет стрелять, а не убегать. Индио останется только подождать, пока закончится перестрелка.

Он придержал лошадь, спутники нагнали его и встали в клубках поднятой копытами пыли.

– Подождём здесь, – сказал Индио. – Сейчас будет потеха.

– Что-то не видно там никого, – сказал Хью, вглядываясь в склон холма. – Человек ещё может спрятаться, но куда он дел коня? А вон там другое дело... Вон, Индио, посмотри на соседний холм, видишь? Ну, поближе к нам, тот, про который Грогги говорил, что там тоже кусты? Видишь? С этой-то стороны там и вправду не кусты, а целая роща...

– Да вижу, вижу, – недовольно бросил Индио.

Он уже понял свою оплошность. Грогги со своим десятком головорезов окружал пустое место. А Индио с тремя спутниками оказался как раз в самом опасном пространстве.

Южный склон холма был густо усеян аккуратными с виду нежно-зелёными деревьями с округлыми приплюснутыми кронами и причудливо изогнутыми ветвями. До этой рощицы акаций, незаметной с колокольни, было шагов сто, и прикинув расстояние, Индио почувствовал себя неуютно. Они маячили здесь на виду, а невидимый враг скрывался за густыми ветками и мог спокойно расстрелять их из винтовки.

– Кучилло, посмотри, что в этой рощице, – небрежно произнёс Индио, словно воды попросил.

– Отсюда не видно.

– А ты поближе подберись.

– Плохо, что ветер от нас, – заметил Кучилло, не трогаясь с места. – Так бы я по запаху тебе сказал, есть там кто или нет.

И вдруг со стороны рощи послышалось ржание коня. Короткое, оборвавшееся, но совершенно отчётливое. Индио выхватил кольт и спрятался за шею кобылы, которая вдруг тоже заржала, отвечая чужому жеребцу.

Через пару секунд сквозь густую сеть веток низкорослых акаций метнулась длинная тень. С хрустом и треском из рощи вылетел серый конь. Всадник в длинном плаще лежал на нём, прильнув к вытянутой конской шее, чтобы ветки не сорвали его на землю.

Конь стремительно нёсся вниз по склону, забирая вправо. Полы длинного плаща развевались и хлопали, как крылья перепутанной курицы.

– Уйдёт! – выкрикнул Хью.

– Не уйдёт, там Грогги. Давайте за ним! – приказал Индио.

Всадник в плаще скрылся за холмом, но сразу же показался снова и погнал коня в другую сторону, а из-за холма послышался дикий свист, потом хлопнул выстрел, после чего оттуда появились бандиты Грогги.

– Все, не уйдёт! – крикнул Слим. – В кольцо его, в кольцо!

Они рассыпались в стороны, чтобы перехватить беглеца, куда бы он ни направился. Но он уже и сам понял, что ему не уйти, и закружился на месте.

Беглец остановился и прыгнул с коня. В следующий миг у коня надломились передние ноги и он рухнул на землю, а до Индио донёсся приглушённый хлопок – звук выстрела в упор.

«Славный парень, – подумал Индио. – Напрасно он выскочил из рощи. Наверно, думал, что нас только четверо. Мог бы расстрелять. Пожалел нас, дурак. Застрелил коня, теперь у него есть укрытие. На что он надеется? Мы же всё равно его не выпустим. Может, где-то рядом прячутся его люди?»

Человек в длинном плаще упал за тушу коня, и Индио заметил длинный ствол, вытянувшийся в его сторону. Над стволом взвилось облачко дыма, и кобыла под Индио дёрнулась, закружилась на месте. Он едва успел выдернуть ноги из стремян, как она свалилась, беспомощно мотая головой. Он упал рядом, прячась за ней, и горячая струя хлестала ему в бок из пробитой груди кобылы.

Индио слышал, как с разных сторон гремели выстрелы, как свистели и кричали бандиты. Когда выстрелы смолкли, он поднял голову и отполз от затихшей лошади.

– Готово, Индио! – закричал Слим, подбежав к нему и помогая подняться. – Ты куда

ранен?

– Ерунда, – сказал Индио, отталкивая Слима.

– Можешь идти? Чёрт побери, я в жизни не видел, чтобы человек был в крови с головы до ног и мог сам идти!

Подскакал Грогги, он отчаянно ругался на ходу:

– Вот подонок, как он нас надул!

– Взяли его? – спросил Индио, стаскивая с себя окровавленную насквозь рубашку.

– Такого не возьмёшь! Убил Фриско, Пузатого, а потом сам застрелился. Так это что! Он ещё успел сыпануть песку в ствол винтовки, а потом выстрелил, чтоб она нам не досталась. Вот же подонок! Такой «маузер» загубил!

Слим подвёл к Индио свою лошадь и помог забраться в седло. Индио не стал в этот раз отталкивать его. То, что он не участвовал в бою, могло быть оправдано только ранением. И хотя у него не было ни царапины, Индио всё же морщился, садясь на лошадь, и не спешил вытирать кровь с лица и тела.

– Его кто-нибудь узнал? – спросил он.

– Нет. Это чужак. Вещи на нём приличные, городские, но заношенные.

– Плохой знак, – сказал Слим. Он шагнул рядом с лошадью, держась за стремя. – Очень плохой знак. Городские здесь не охотятся.

– Не каркай, – одёрнул его Индио и пустил коня рысью, оставив Слима добираться пешком.

Он и сам знал, что городские здесь не охотятся. Да и на кого мог здесь охотиться человек в длинном плаще, да ещё с винтовкой Маузера, которая одной пулей убила под ним лошадь.

Значит, надо спешить, решил Индио и приказал бандитам собраться в церковном дворе.

Санчо дулся и отворачивался, когда Нино выпустил его из-под замка. А ирландец, как ни в чём не бывало, закурил сигару и, оглядев собравшихся, заметил:

– Что-то не все пришли.

– Все наши в сборе, – сказал Индио. – А вот лишних глаз нам не надо. За вами тут увязался хвост, так мы его отрубили.

– Не было хвоста! – обиженно выкрикнул Санчо. – Не думал я, что ты так меня встретишь!

– Брат, а что бы ты сделал на моём месте? – спросил Индио. – Зато теперь ты чистый, и ты, амиго, тоже. С тем хвостом мы разобрались быстро, но раз он здесь появился, значит, и другие тоже могут. Всем хочется заработать десять тысяч за мою кудрявую голову. Думают, это так легко. Амиго, может быть, ты узнаешь этого ловкача? Мы его там оставили, за холмами, тебе Слим покажет потом. Но потом. А сейчас слушайте, что я скажу.

Он вышел на середину двора и положил руки на пояс с патронами. Медленным взглядом обвёл всех и в полной тишине произнёс:

– Мы долго ждали. И вот наше время пришло. Завтра отправляемся в Эль Пасо.

– Что нам делать в Эль Пасо? – недовольно спросил Грогги. – Ты раньше говорил про Сан Хуан!

Индио повторил громче:

– Завтра мы отправляемся в Эль Пасо или в Сан Хуан. Это будет ясно в последний момент.

– Не нравится это мне, – сказал Грогги. После боя он стал наглее. – Я не люблю, когда что-то непонятно. Может, завтра, в последний момент ты опять скажешь, что надо подождать ещё день? А может, отправишь нас куда-нибудь подальше?

– Понимаю, вы устали ждать, – сказал Индио, не глядя на Грогги и обращаясь ко всем остальным. – Я тоже устал. Но и враги тоже устали и забыли про нас. А мы завтра налетим на них, внезапно, как молния. И возьмём свой миллион долларов.

– Сколько? – переспросил кто-то.

– Да, вам не показалось! – Индио торжествующе поднял кулаки над головой. –

Миллион долларов!

Бандиты зашумели, кто-то присвистнул, кто-то ликуяще подбросил шляпу в воздух.

– Ух ты! – даже хмурый Санчо не удержался от восторженного восклицания и присел, хлопнув себя по бёдрам. – Так вот зачем ты набрал такую армию!

– Армию придётся разделить, – осадил его Индио. – А теперь слушайте меня внимательно. Между Сан Хуаном и Эль Пасо, двадцать миль на восток, есть городок Санта-Круз. В нём банк, маленький такой, с двумя стариками-охранниками и гнилыми решётками на окнах. Так вот, туда, в Санта-Круз, завтра отправляются...

Индио обвёл взглядом притихшую банду.

– Пойдёшь ты, Чёрный. С тобой отправятся Чико, Пако... И ты, амиго, – он ткнул пальцем в грудь ирландца. – С этим банком вы можете справиться за пять минут. Но в нём лежат несчастные две-три тысячи, ради которых не стоило бы и садиться на коней. Ваша задача не в том, чтобы захватить эти деньги. Вы должны поднять в этом городишке такой шум, какого не было и под вавилонскими стенами. Стреляйте во всё, что шевелится. Убивайте всех, кто попадётся под руку. Жгите дома, если хотите. Отвлеките на себя огонь. Пусть их телеграф раскалится добела, пока они будут звать на помощь. А как только вы увидите, что к ним пришли на помощь охранники из Эль Пасо, вот тогда можете уходить. Обо всём остальном я позабочусь. Место встречи – Лас-Палмерас.

Бандиты переглядывались, явно желая что-то спросить, но никто из них не решился. Ирландец бросил огрызок сигары под ноги, растоптал его носком сапога и направился к своей лошади.

– Постой, амиго, – насторожённо сказал Индио. – Ты куда это?

– Ну, раз тебе больше не нужен динамит, я, пожалуй, пойду. Привык отдыхать перед серьёзной заварушкой. А завтра, как видно, нам вчетвером придётся разбираться с двумя десятками стволов.

– Ты отказываешься?

– Я не сумасшедший, – сказал ирландец. – Только сумасшедший откажется от такого серьёзного дела. Миллион долларов. Надо отдохнуть, чтобы завтра не клевать носом под пулями.

– Отдохнёшь здесь, – отрезал Индио. – Нино покажет тебе место. Нам всем надо как следует выспаться. Завтра будет трудный день.

НЕВЫПИТЫЙ КОФЕ, НЕСЪЕДЕННЫЙ ОМЛЕТ

Бандит по кличке Чёрный был известным любителем негритянок. Если где-то пропадала чёрная девчонка, значит, его рук дело. Никто не знал точно, сколько он их загубил, да и кто будет считать негров? Был он рыжий, с землисто-серой кожей, которая не меняла свой цвет ни от ветра, ни от солнца, ни от мыла.

К шайке Кривого Грогги он прибилсся не сразу. Раньше Чёрный был помощником шерифа. Никто и не догадывался, что он отлучается в соседний округ, чтобы там, вдали от соседских глаз, поиграть в карты. Когда карточные долги стали слишком большими, Грогги подсказал ему способ рассчитаться. Чёрный хорошо знал жителей своего округа, и несколько раз удачно навёл Грогги на богатых коммерсантов. Потом и сам участвовал в ограблениях, но только не в своём округе. Получив свою долю, возвращался домой, чтобы охранять покой земляков.

Однажды его позвали на ограбление поезда, и там Чёрного увидели сразу несколько соседей, ехавших куда-то, как назло, на этом самом поезде. Грогги не дал ему перестрелять их, потому что, во-первых, некогда было, а во-вторых, в таких случаях трудно быть уверенным, что никого не пропустил. Так помощник шерифа стал помощником главаря шайки.

Был он такой же, как и все, но иногда на него накатывало. Все уже знали, что если Чёрный отвечает невпопад, непрерывно курит и отказывается от выпивки, значит, завтра утром в шайке его не будет. Чёрный уходил в ночь на воскресенье, готовил себе укромное местечко и выслеживал негритяночек по дороге в церковь, на воскресную службу. А когда они возвращались, налетал на них, хватал первую попавшуюся, кидал поперёк седла и уносился прочь. Весь день, а то и два он с ней забавлялся, потом обычно топил, если река была поблизости.

О'Райли знал это. Знал он также и то, что разыскивали Чёрного за то самое злополучное ограбление поезда, а вовсе не за негритянок. Сейчас Чёрный ехал рядом с ним, иногда задевая его сапог своим сапогом, а О'Райли пытался вспомнить, сколько же стоит его голова. Он придержал коня, пропуская Чёрного вперёд, и оглянулся.

Ехавший за ним Пако тоже остановился:

– Забыл что-нибудь, амиго?

– Запоминаю обратную дорогу.

– Нам это ни к чему, – сказал Пако, объезжая его. – Сюда мы уже не вернёмся.

– Да, ты прав, – сказал О'Райли.

Он и не собирался возвращаться, но ему хотелось быть уверенным в том, что за ними никто не следит. От Индио можно ожидать любой подлости.

На рассвете, отправляясь в Санта-Круз, О'Райли свернул в степь, за холмы, где валялся труп, наполовину растерзанный койотами. Он увидел длинный серый плащ и сразу вспомнил доклад юного осведомителя о странном инженерере. Печально. Но было бы гораздо хуже увидеть здесь, в пыли и колючках, чёрный плащ полковника Мортимера.

О'Райли понимал, что полковник не собирался найти Индио по следам, оставленным Санчо Пересом. Бандит был достаточно хитёр и опытен, чтобы не оставить никаких следов, да и петлял не хуже зайца, проверяя, нет ли слежки. Вполне возможно, он не доверял своему новому другу точно так же, как не доверял ему Индио. Но эти двое, Индио и Санчо, они вообще никому не доверяли. Для того, чтобы использовать людей, не надо им доверять. Стать полезным, приблизиться – и в нужный момент нанести удар – в этом и был замысел полковника.

«Пока я нужен им в качестве пушечного мяса», думал О'Райли, едва поспевая на своей лошади за Чёрным, который явно не понял ещё, что Индио послал всю четвёрку на верную смерть.

Они остановились на пригорке. Отсюда хорошо был виден городок, вытянувшийся вдоль дороги. Деревянные дома, покрытые серыми досками. Чёрные куры бродят вдоль стен. Серое здание с башенкой посередине – банк, телеграф и аптека. О'Райли посмотрел в бинокль и увидел, что на крыльце банка сидит в кресле-качалке охранник с ружьём на коленях.

– Дай посмотреть, – Чёрный протянул руку к биноклю.

– Не дам, – спокойно ответил О'Райли, вкладывая бинокль в твёрдый потёртый футляр.

– Что? – Чёрный застыл с протянутой рукой, а Пако и Чико засмеялись. – Почему не дашь?

– Долго рассказывать, – отвернулся от него О'Райли. – Пако, там только один охранник.

– Отлично, – сказал Пако, сдвигая сомбреро на затылок. – Я пришью его одним выстрелом.

– Ты забыл, что нам приказал Индио. Нам надо поднять много шума, – напомнил О'Райли.

Они сидели на корточках за редким кустарником, поглядывая на город перед собой. Кони щипали траву и пофыркивали в ложбине у них за спиной.

– Хватит болтать, – сказал Чёрный. – Пошли. Налетим, как волки на стадо баранов. Если там один охранник, тем лучше. Будем стрелять в каждого, кто попадётся, вот и всё. Телеграфиста убьём последним. Пусть успеет сообщить в Эль Пасо.

– А потом? – спросил О'Райли.

– А потом встречаемся в Лас-Палмерасе, – сказал Чёрный. – Ты, амиго, не только слепой, но и глухой. Ты что, не слышал? Эль Индио ясно сказал, встречаемся в Лас-Палмерасе.

– Сказать-то он сказал, – мрачно протянул Чико. – Сказать-то всякое можно. Телеграфиста надо кончать первым. А ещё лучше – провода перерезать, чтоб не сообщал никуда.

– Пускай сообщает, мы успеем уйти, – сказал Пако. – От Эль Пасо полчаса по дороге. Пока помощь подоспее, мы уже все сделаем. Врываемся, шумим, убиваем и сразу уходим.

– Уходим? А деньги? – спросил О'Райли. – Кому достанутся деньги из банка? Я не люблю убивать бесплатно.

– Это ты хорошо сказал, амиго, – оскалился Чико. – Убивать бесплатно – это смертный грех. Убьём охранника, заставим кассира отдать нам деньги, а потом уже можно и в Лас-Палмерас.

– Нет. Так не пойдёт, – сказал Чёрный. – Надо делать так, как приказал Индио. Пако, охранник твой. Чико, на тебе левая сторона улицы, на мне правая.

О'Райли пошёл вниз, к лошадям.

– Ты куда, амиго, мы ещё не договорились! – крикнул ему вслед Чёрный.

– Приготовлю кофе, – не оборачиваясь, бросил О'Райли.

– Какой, к чёрту, кофе? Потом пригостишь!

– Потом некогда будет, – ответил О'Райли.

Пока наверху шёл спор, он разжёг небольшой костерок и поставил на камни свой закопчённый чайник. Ему надо было выиграть несколько минут, и он знал, как это сделать. Чёрный может кричать и командовать сколько угодно, но никто не заставит Пако и Чико отказаться от утреннего кофе.

Пако спустился к нему и присел рядом с костром.

– Не нравится мне, что Чёрный командует, – сказал он. – А ты, я смотрю, соображаешь в нашем деле. Сколько, по-твоему, лежит в этом банке?

– Двадцать тысяч, не меньше, – О'Райли уверенно сказал первое, что пришло в голову.

– Да, не меньше... Это значит... Если по шесть... Нет... По пять тысяч на брата, – сосчитал Пако. – Правильно?

– Правильно.

– Ладно, – Пако разлёгся в траве. – Выпьем кофе, постараемся этого Чёрного всё-таки уговорить.

Чико и Чёрный спустились к ним и присели вокруг костра, ожидая кофе.

– Давай быстрее, – сказал Чёрный, нервно покусывая травинку. – Индио не понравится, что мы так долго возимся.

– Хорошо, – О'Райли встал и шагнул к своей лошади.

Он достал из сумки жестяную банку, потряс её.

– Мало осталось, – сказал он. – Но на вас хватит.

Он сунул банку обратно и повернулся к костру. Пако лежал на боку, подпирая голову кулаком. Чико и Чёрный сидели на корточках и глядели на О'Райли снизу вверх. Глаза у обоих расширились, когда они увидели направленное на них дуло его кольта.

Чёрный попытался вскочить, и О'Райли выстрелил в него. Потом ещё два выстрела разорвали сонную тишину. Пако остался лежать на спине, раскинув руки. Чико скорчился на боку рядом с ним, а Чёрный всё стоял на коленях, схватившись за низ живота, шатаясь и мыча.

О'Райли выстрелил ему в голову, и Чёрный повалился лицом в костёр.

Посуда была старой, да и крышка прилежала неплотно. О'Райли давно собирался от неё избавиться и сейчас не стал наклоняться. Вместо этого он снял чайник с седла лошади Пако и привязал к своему седлу.

Когда ирландец подскочил к зданию банка, пожилой охранник бросил на него короткий изучающий взгляд и снова откинулся в своём кресле-качалке, низко надвинув шляпу на

лицо.

– Телеграфист на месте? – спросил у него О'Райли, привязывая лошадь к столбу.

– Старик на месте. Да только он обедает, – охранник зевнул из-под шляпы. – И ничего отправлять не станет, пока не осилит свой омлет.

– Я ему помогу.

Он обогнул здание банка, чтобы войти в комнатку телеграфиста, где на керосиновой плите шипела сковородка, и сморщенный старик в нарукавниках размешивал в миске яйца с молоком.

О'Райли аккуратно, чтобы не расплескать, вытянул миску из скрюченных пальцев и вылил содержимое на сковороду. Белая жижа зашипела, заскворчала, запузырилась.

– Солил? – спросил О'Райли.

Старик кивнул.

– Тогда садись к аппарату и отправляй телеграмму в Эль Пасо.

– Лук, – сказал старик и потянулся к разделочной доске, где зеленела горка нарезанного лука.

– Я сам, – О'Райли высыпал весь лук поверх омлета. – Сообщи в Эль Пасо, что здесь только что ограбили банк.

– Вранье, – сказал старик. – Я бы услышал выстрелы.

– Можешь и услышать, – сказал О'Райли, поднося к его носу ствол кольта.

Старик сел к аппарату и принялся стучать ключом с неожиданной быстротой.

– Bravo, – сказал О'Райли, выдёргивая шнуры из аппарата.

Он привязал старика к его креслу, платком замотал ему рот. Выключил огонь под сковородой. Омлет источал аппетитный запах, и старик не сводил глаз со сковороды. Но О'Райли не мог развязать ему рот. Съев омлет, старик начнёт кричать, поднимет шум, а О'Райли хотелось спокойно покинуть этот городок.

– Чертов старик, – сказал он охраннику, сядя в седло. – Ничего не видит, кроме своего омлета.

– Я тебя предупреждал, – донеслось из-под шляпы.

Лошадь вынесла О'Райли на вершину холма, откуда была хорошо видна дорога на Эль Пасо. Если телеграмма получена, на горизонте вскоре покажется высокое облако пыли, поднятой копытами множества лошадей. Где-то возле этой дороги сейчас скрывается Эль Индио со своими всадниками. И когда он пропустит мимо себя отряд охранников, над дорогой поднимется другое облако, и оно будет двигаться в сторону Эль Пасо.

О'Райли погнал коня ещё выше, напрямик по склону горы. Ему надо было забраться так высоко, чтобы видеть все. Потому что Индио мог повернуть своих людей и в другую сторону – на Сан Хуан. И тогда его не догнать.

Он приложился к биноклю, вглядываясь в тёмно-зелёные складки между ржавыми холмами, среди которых петляла жёлтая дорога. Наконец, ему удалось разглядеть белую ребристую крышу фургона. Возможно, именно на нём бандиты приезжали в Эль Пасо. А может быть, какой-то странник просто остановился в травянистой ложбине, чтобы отдохнуть...

Облачко пыли, прозрачное и невысокое, О'Райли заметил без бинокля. Мощные стекла позволили ему сосчитать всадников – их было восемнадцать. Вся свободная смена банковской охраны сорвалась на помощь своим товарищам в Санта-Крузе. Наверно, сообщение старика-телеграфиста было достаточно впечатляющим, подумал О'Райли и перевёл бинокль на фургон, спрятанный в ложбине.

Так и есть! Как только отряд охранников пронёсся мимо, крыша фургона дёрнулась и медленно поползла к дороге. Но раньше фургона на дорогу вылетели, гарцуя и кружась на месте, всадники Индио. В бинокль можно было различить горбатого Дикаря, Кучилло в красной рубашке, а вот и сам Индио в своей белой жилетке. Они кружились на месте, дожидаясь, пока фургон выползет на дорогу, и О'Райли с замиранием сердца ждал, куда же они свернут. Налево – это в Сан-Хуан. Направо – в Эль Пасо. Ну?

Индио поднял коня на дыбы и помчался по дороге направо, и цепочка всадников потянулась за ним. Замыкал колонну пустой фургон. Четвёрка коней несла его всё быстрее и быстрее и белая крыша моталась из стороны в сторону. Бандиты мчались в Эль Пасо.

Но как бы они ни подгоняли своих коней, О'Райли будет там раньше. Он послал свою аппалузу напрямик, без дороги, рискованно спускаясь по осыпям и с ходу перелетая овраги.

Всё получилось так, как они рассчитали с полковником. Никакого «золотого» дилижанса в Сан-Хуане. Всё будет просто. Индио облегчил им работу. Сейчас вокруг банка не будет посторонних. «Индио достанется нам», думал О'Райли, торопя свою и без того разгорячённую лошадь.

ПАДЕНИЕ ЭЛЬ ПАСО

Полковник скрашивал томительные часы ожидания тем, что готовил патроны. Он не знал, понадобятся ли они ему сегодня или завтра, но это занятие заставляло его сохранять спокойствие. Расставив на столе весы и коробочки с реактивами, он уже не мог ежеминутно подходить к окну и глядеть на дорогу в ожидании своего пропавшего партнёра. Когда ирландец, наконец, появится, он сам даст о себе знать.

По всем срокам выходило, что сегодня Индио может предпринять попытку нападения на банк. Последние два дня его люди не показывались в городе, и только знакомый пустой фургон с белой провисающей крышей, запряжённый четвёркой, совершал свой привычный объезд площади вокруг банка. Но сегодня он не появился в обычное время, и полковник счёл это важным знаком.

Подумав, Мортимер решил снарядить «ремингтон», который использовал только в особых случаях. К револьверу прилагались два сменных шестизарядных барабана, и полковник приготовил двенадцать пуль. Порох, составленный по собственному рецепту, был смешан заранее, с небольшим запасом – лучше сделать пару зарядов слишком сильными, чем слишком слабыми. Тщательно выверяя на аптекарских весах объем пороха, полковник засыпал его в шесть камер первого барабана. Комочки шерсти, слегка смоченные маслом, придавили порох. Теперь настала очередь пуль. Специальным рычагом полковник запрессовал их в камеры, и поверх каждой залил густое масло, запечатав барабан. Теперь заряды защищены от влаги и пыли. Костяной лопаточкой он соскоблил излишки масла с торца барабана, а потом вставил его в револьвер. Ему оставалось только установить капсюли в углубления на задней части барабана, но это он успеет сделать перед стрельбой.

Конечно, насмешливый ирландец в пончо не удержался бы от язвительных комментариев, застав полковника за таким занятием. Молодёжь не привыкла к обстоятельности. Им лишь бы научиться быстро выхватывать оружие, лишь бы выстрелить первым. А чем ты выстрелишь, значения не имеет.

Старинная система, которой придерживался полковник, была им дополнена. Он совершал те же самые действия, что и двадцать лет назад, но порох был другим. Этот состав давал меньше дыма, а по мощности превосходил чёрный порох в два-три раза. Именно поэтому полковник применял его только на таком крепком оружии, как «ремингтон». Он не знал, выдержит ли его «кольт» все эти новшества, и не хотел рисковать старым другом.

Закончив с патронами, полковник аккуратно сложил весы и реактивы в шкатулку и прошёлся по номеру из угла в угол. Он старательно отворачивался от окна, раскуривая свою трубку. Посмотрел на часы. Пора бы.

Шум и крики за окном заставили его выглянуть на улицу. Перед банком гарцевали всадники, потрясая над головой ружьями. На рыжем коне примчался Кон Бертельс. Он выкрикнул:

– Скорее в Санта-Круз! Они напали на банк в Санта-Крузе!

– Перекроем дорогу!

– Где шериф?! Найдите шерифа! В Санта-Круз!

«Значит, Индио выбрал Санта-Круз», – подумал полковник. – «Что ему нужно в Санта-

Крузе?»

Всадники умчались, оставив на площади оседающую пыль и конские яблоки. Полковник задёрнул занавеску. Он не мог сейчас оказаться в Санта-Крузе, даже если бы поскакал напрямик через холмы и овраги. Подкараулить убегающих бандитов на тропе, ведущей в сторону границы? Хорошая мысль, но таких троп – десяток. Нет. Если ему суждено встретиться с Индио, то это произойдёт здесь, на площади перед банком.

Что тому в Санта-Крузе? Полковник нахмурился. Его злило, что из-за собственной лени он упустил этот городок из виду. Виной тому было отсутствие железнодорожного сообщения. Вот в Сан-Хуан полковник не поленился съездить на поезде. Он обошёл весь городок, посетил банк, изучил расписание почтовой станции и послушал разговоры возчиков и охранников дилижансов. Про этот городок полковник узнал всё, что нужно, и был уверен, что Индио нечего делать в Сан-Хуане. Но как же он мог забыть про Санта-Круз?

Заскрипела дверь. Как всегда, без стука, вошёл слуга-китаец с подносом и, словно не замечая разложенных на столе револьверов, поставил между ними тарелку с дымящейся горкой шоколадного цвета. В номере запахло тушёным мясом и фасолью.

– Спасибо, сегодня я пообедаю позже, – сказал полковник, стоя у окна. – Унеси. Я спущусь в бар.

Китаец вернул тарелку на поднос и с видимым облегчением покинул номер.

«Зря я отказался», подумал полковник, как только за китайцем захлопнулась дверь. «Ничего не изменится от того, что я поем. Довольно глупо стоять у окна и озирая пустую площадь».

Он ругал себя и высмеивал, но продолжал стоять у окна и смотреть на пустую площадь, отвлекаясь только для того, чтобы выбить трубку и снова набить её табаком.

Спустя время полковник всё же спустился вниз и выпил чашку кофе в баре. Затем прошёл на конюшню и оседлал коня – на всякий случай. Вернулся в свой номер и занял привычный пост у окна. Через час такого ожидания он увидел, как из банка выходят клерки. Управляющий укатил в своей роскошной коляске, а внутрь банка запустили охранника с ружьём. Он ещё стоял на пороге, когда его догнал мальчишка, перебежавший всю площадь, и передал бумажный свёрток.

Полковник насторожился и поднял трубу, но тут же, усмехнувшись, опустил её. Из свёртка выглядывал край гамбургера – между двумя хлебными половинками торчала зелень. Видимо, сынишка принёс ужин отцу. А отец всю ночь проведёт среди сейфов с деньгами и золотом, за крепкими решётками и толстыми стенами, и единственная опасность, которая ему там угрожает, это голод. Но теперь и это не страшно. И охранник, и его начальник посмеялись, потрепав мальчишку по льянной головке.

Охранник шагнул через порог, и массивная дверь, украшенная выпуклыми заклёпками величиной с яйцо, плавно затворилась за ним. Начальник охраны пять раз провернул ключ в скважине, спрятал его в нагрудном кармане, и к нему подошли двое патрульных. Они взяли свои ружья наперевес и мерным неторопливым шагом отправились в свой привычный путь вокруг здания банка.

Полковник видел этот ритуал уже несколько дней подряд, но мальчишка со свёртком появился впервые. Может быть, это не случайно? Может быть, может быть...

Мысли о мальчишке и свёртке моментально вылетели из головы, как только полковник увидел в просвете между домами на дальнем конце улицы знакомый силуэт фургона. Рядом маячили два всадника. Но когда полковник поднял трубу и поймал в узкий кружок фургон, всадников рядом уже не было.

Полковник обругал себя за то, что не заметил, в какую сторону они свернули. Зато он смог разглядеть, что в фургоне сегодня был какой-то груз. Двое в тёмных плащах и надвинутых шляпах сидели на облучке, а между ними проглядывали торцы двух толстых брусев. Фургон медленно завернул в проезд между домами, и полковник увидел, что и сзади из него выпирают два бруса. Ему даже показалось, что это лестница, хотя он и не был в этом уверен. Так или иначе, фургон прибыл. Значит, он был прав. Что бы ни случилось в

Санта-Крузе, основное действие развернётся здесь и сейчас.

Совершив отвлекающий манёвр, Индио резко изменил соотношение сил. Теперь банк находился под охраной трёх патрульных снаружи и одного сторожа внутри.

За сторожа можно быть спокойным. Даже если бандиты ворвутся в банк, он сможет долго отбиваться из-за запертых решёток, лишь бы не подставлял голову под шальную пулю. А вот патруль обречён. При внезапном нападении у них нет никаких шансов уцелеть, Предупредить их? Но как? Да и о чём?

Достаточно будет выстрелить, пусть даже в воздух, решил полковник. Тогда они успеют хотя бы укрыться. Да и для бандитов неожиданный выстрел послужит хотя бы временной помехой. Особенно, если выстрел будет удачным.

Полковник осторожно поднял створку окна и положил на подоконник заряженный «ремингтон». Быстро вставил капсули, приготовив револьвер к бою, и перешёл к соседнему окну. Бесшумно открыл его и подвинул стол к окну. Две подушки, обёрнутые одеялом, легли на стол, поверх этого бруствера полковник и положил винчестер. Он будет стрелять из глубины комнаты. От старого плана придётся отказаться. Бегать по площади, меняя позиции, слишком рискованно.

Он надеялся, что сможет отсюда опознать Индио и уложить его как можно раньше. Потеряв главаря, бандиты быстро отступят.

Над площадью царил безмятежная тишина. Несколько пёстрых кур расклёвывали конские яблоки в пыли у банковского крыльца. Одинокая мужская фигура тащилась по площади, прикрывая глаза от низкого солнца. Это был коротышка, хозяин отеля, который нёс в салун корзину с бельём. Его длинная тень, наконец, слилась с тенью дома, и коротышка опустил ладонь. Промяукала скрипучая дверь салуна, впуская его внутрь, и снова на площади не осталось никого, кроме кур.

«Никого. Странно», – подумал полковник. – «А где же патрульные? Они давно уже должны были выйти из-за банка...»

Резкий удар сотряс пол под ногами полковника, и страшной силы грохот обрушился на сонную площадь.

За банком взметнулась белая стена пыли и дыма.

– Задняя стена! – полковник ударил кулаком по раме окна. – Они взорвали заднюю стену!

Он схватил винчестер и кинулся из номера. По длинному коридору, по узкой лестнице, через бар, расталкивая зевак, столпившихся на крыльце, бегом через площадь, пригибаясь и поводя стволом по сторонам, с каждым шагом ожидая выстрела – он забежал за угол банка и увидел лежащего на земле начальника патруля, из спины которого торчала стрела с чёрным оперением. Дальше, у другого угла, в чёрной луже лежали двое патрульных. Их тела были засыпаны белой пылью и обломками, но полковник успел разглядеть, что у одного из них рассечено горло, да так, что голова откинулась назад под прямым углом.

Он замер, прислушиваясь. Где-то далеко, за последними домами, стучали, удаляясь, конские копыта, часто повизгивали колёсные оси фургона. За углом, возле взорванной стены, слышались шаги по обломкам камня. Полковник осторожно заглянул за угол, держа винчестер наготове.

Из огромного пролома в стене вышел О'Райли, он держал на руках безвольно обвисшее тело сторожа.

– Они взорвали стену, – сказал полковник, опуская винчестер.

– Я заметил, – сказал О'Райли и присел, чтобы положить тело охранника на землю.

– Ты что-нибудь видел?

– Я смотрел не туда, куда следовало.

О'Райли, поправляя набедренную кобуру, прошёл мимо полковника, словно не замечая его.

– Постой, – полковник Мортимер попытался удержать его за край пончо, но О'Райли вырвался и побежал за угол.

Через секунду из-за угла банка вылетел конь, и О'Райли умчался на нём вдоль по улице, вслед за угасающим скрипом фургона.

– Зря ты торопишься, мой мальчик, – сказал полковник, перешагнув через груды обломков и вошёл в пролом. – Не торопись...

Он оказался в кабинете управляющего. Всё было густо засыпано слоем извёстки и обломками камня, и только одно место осталось относительно чистым, Квадрат на полу чётко сохранил очертания того самого деревянного шкафа, из которого любезный управляющий доставал напитки и бокалы. Два огромных, двухметровых сейфа по углам кабинета остались на месте, и судя по отсутствию следов, к ним даже не подходили. Зато деревянный шкаф повалили (вот на полу осколки стекла, обломки лака и мелкие щепки), подтащили к пролому... А дальше?

Он присел и посмотрел на следы сбоку. Теперь ему всё стало ясно. Шкаф был очень тяжёлым. Они подтащили его к выдвижному трапу, смазанному маслом, (два параллельных отпечатка толстых брусьев и пятна масла на краях пролома) и на трапе затащили в фургон.

Полковник услышал возбуждённый гомон толпы и оглянулся. В пролом заглядывали мальчишки и женщины.

– Кто-нибудь, сбегайте на станцию, пусть дадут телеграмму в Форт Блисс, – сказал полковник, выбираясь из банка. – Ограбление банка. Четверо убитых. Банда с фургоном уходит на юг.

Трое мальчишек сразу же кинулись от него через площадь в сторону вокзала. «Обязательно все перепутают, – подумал полковник, – только это уже неважно».

Он вывел коня из стойла и, прежде чем взлететь в седло, увидел на площади хозяина таверны, дядюшку Шварцвальда. Он не сразу узнал его – тот был в сюртуке и котелке, с тросточкой и при галстук.

– Господин полковник! Господин полковник! Что случилось?

– Ничего особенного, герр Шварцвальд, – сказал полковник, проезжая мимо него. – Взорвался динамит.

– Вы можете зайти ко мне сейчас? – спросил дядюшка Шварцвальд. – Наверно, это важно.

– Важно то, что там, у банка лежат четверо убитых. Может быть, я ошибаюсь. Может быть, кто-то из них ещё жив. Помогите им, чем можете, а я, к сожалению, очень спешу.

«Очень спешу»? Это было мягко сказано, с точки зрения коня полковника. Короткие, но зубастые шпоры впились в самые чувствительные места на конских боках, и через секунду только столб вьющейся пыли остался там, где только что был полковник.

Он проскочил сквозь дворы, перемахнул ограду водокачки и напрямую, через насыпь, рельсы и пересохшее русло речки выбрался на перекрёсток дорог за городом. Через пару минут послышался дробный перестук копыт – это мчался О'Райли. Он осадил свою пятнистую лошадку перед вороным жеребцом полковника, невозмутимо стоявшего поперёк дороги.

– Что вы здесь потеряли, полковник? – спросил О'Райли.

– Нам надо кое-что обсудить.

– Нам больше нечего обсуждать. Мы могли спасти четыре жизни, если бы не сидели по своим норкам.

– Мы можем спасти больше, если не будем сейчас горячиться, – мягко сказал полковник, удерживая под уздцы лошадь О'Райли. – Игра только начинается, мой мальчик. Противник сделал первый ход. Теперь наша очередь.

– Ах, игра? Вы довольны, как я вижу? Всё идёт, как вы предсказывали, – мрачно сказал О'Райли. – Индио захотел ограбить банк, и он это сделал. Но вот одно вы так и не угадали. Он остался жив.

– Да, пока жив, – сказал полковник. – Но его цена возросла. Теперь банк объявит приличное вознаграждение, чтобы вернуть украденные деньги.

– Только не говорите, что вы и это предвидели.

– Не будем спорить, – сказал полковник. – Ты знаешь, где он прячется. Мы найдём его там и...

– Мы? – переспросил О'Райли. – Нет. Теперь я буду все делать сам. Отпустите мою лошадь, пока она вас не укусила.

Полковник выпустил чужие поводья, и лошади пошли рядом.

– Ты знаешь, куда они отправились отсюда?

– Нет, – сказал О'Райли. – Я уже ничего не знаю. Но я догоню их. Индио отправил меня и троих бандитов в Санта-Круз, чтобы мы подняли там шум.

– Кто эти трое?

– Покойники, – махнул рукой О'Райли. – Место сбора назначено в Лас-Палмерасе. Но я не думаю, что Индио будет ждать. Он наверняка уже списал нас. Потому что если бы мы действительно подняли там шум, нам не удалось бы ускользнуть от охранников из Эль Пасо.

– Лас-Палмерас? – переспросил полковник. – Знакомое название. Мёртвый Берег... Это покинутое селение. Стоит на перекрёстке трёх дорог. Думаю, что Индио ждёт там. Даже если бы из четверых вернулись двое, он был бы рад этому. Потому что сейчас у него каждый человек на вес золота. Ему ещё надо пробиваться из кольца. Отправляйся к нему, все объясни и постарайся удержать на месте.

– Если я заявлюсь, он пристрелит меня. Я не успею открыть рот, чтобы все ему объяснить. – сказал О'Райли. – Нет уж, хватит. Буду идти по его следу и выжидать удобного момента. Рано или поздно, но Индио достанется мне.

– Ты твёрдо решил?

– Так точно, полковник.

О'Райли прищипорил коня и вырвался вперёд. Полковник достал из-за спины револьвер, тщательно прицелился О'Райли в спину и выстрелил.

ИНДИО ЗАМЕТАЕТ СЛЕДЫ

Индио твёрдо решил, что дело с банком будет его последним делом. Но всё удалось провернуть так лихо, что он уже начал сомневаться в правильности своего решения. В конце концов, у каждого свой талант. И грешно зарывать его в землю.

Всю ночь перед ограблением он готовил своё оружие: лук и стрелы. Возможно, его наставники апачи жестоко высмеяли бы лук, который он изготовил из можжевёловой ветки, но и этот было не просто соорудить. Подходящий куст рос только на одном склоне горы, к тому же ветка должна была своей формой и размером точно совпадать с луком, который из неё получится. Её надо было срезать, получив на то разрешение можжевельника. Натереть золой и оставить сушиться выпуклой стороной кверху. А когда после многих других приготовлений на эту ветку можно будет натянуть тетиву, то выпуклая сторона окажется внутри лука и станет вогнутой стороной. В этом был один из самых важных секретов силы индейских луков.

У Индио не было времени бродить по склонам гор в поисках подходящего дерева, и он использовал первое попавшееся. Не было времени и на длительную сушку лука, но Индио и не собирался с ним охотиться или воевать всю жизнь. Такой лук нужен был только на несколько минут, поэтому он особо и не заботился о его долговечности и прочности.

Тетива из кручёной сыромятной кожи, многократно вымоченная в проточной воде и отшлифованная мягким камнем, была почти такая же, как у апачей, только Индио не стал её пропитывать воском и жиром. Она нужна ему только на один день, и не понадобится больше никогда. Никогда в жизни он больше не будет стрелять из лука. Все в его жизни будет по-другому... Но петли на концах тетивы он всё-таки сделал по всем правилам, чтобы они не соскочили в самый неподходящий момент.

Конечно, больше всего пришлось повозиться со стрелами, Индио потратил на них всю

последнюю ночь. Для древка стрелы требовалось плотное и сухое дерево. Кучилло додумался расщепить распятие, висевшее на стене церкви. Он же и шлифовал стрелы, доводя их до идеальной гладкости, и поминутно проводил древком по собственному горлу, чтобы чувствительной кожей найти незаметные заусенцы. Для наконечников Кучилло пожертвовал три своих ножа – самых тонких. Он отломил от них концы лезвий, обточил каждый конец до нужной ширины и вставил в щель на древке.

Оперение Индио поначалу делал сам. Пришлось использовать перья вороны, и ему никак не удавалось подобрать для каждой стрелы четыре одинаковых пера. К утру он всё же уговорил себя, что стрелам этим не понадобится лететь на сто пятьдесят шагов, так что не стоит так уж возиться с оперением. Но Кучилло увидел, что он прикручивает к последней стреле разные перья, и принялся ворчать: лук не просушен, тетива из обрезка лассо, стрелы чёрт знает из какого дерева, так ещё и перья в разные стороны смотрят. Совсем ты, брат, в этой тюрьме испортился. Для себя же делаешь, не для врага. Иди лучше спать. Непрерывно ворча и покачивая головой, он отнял у Индио все три стрелы и принялся доводить их до ума, время от времени вороша тушку убитой вороны в поисках нужного пера.

Благодаря Кучилло Индио смог поспать до обеда, а когда проснулся, всё было готово. Он опробовал лук. Стрелы летели по идеальной прямой, и тетива не била по пальцам. И даже ушко каждой стрелы, куда вкладывается тетива, Кучилло успел заботливо отшлифовать и натереть воском.

Теперь Индио был уверен в успехе. Каждый ход был рассчитан по минутам, и его золотые часы не подвели. Как только взмыленные кони охранников промчались мимо него по дороге на Санта-Круз, Индио открыл крышку часов и глянул на циферблат. Минутная стрелка лежала на тройке. До Эль Пасо надо добраться раньше, чем стрелка приблизится к девятке. Когда же она коснётся двойки, пара нищих встанет на пути патрульных, а Кучилло подкрадётся к ним сзади.

Они подъехали к городу и разделились. Грогги со своими отправился по одной улице, Санчо Перес с остальными по другой, а Индио пересел в фургон и повёл его по третьей. Никто не обращал внимания на всадников, горожане прятались от вечернего низкого солнца в тени крытых веранд.

Фургон остановился в точно рассчитанном месте. Из него выбрались двое оборванцев – один был слепой, другой горбатый. Горбун, спотыкаясь на каждом шагу, вёл за собой слепого. Они зашли за здание банка, и там горбун споткнулся так, что слепой повалился на землю. Еле-еле поднявшись, он принялся мутузить своего поводыря сучковатой клюкой, громко проклиная его нерадивость.

Проходившие мимо свары патрульные остановились. Один из них, посмеиваясь, перехватил занесённую клюку и попытался оттащить злобного слепца от беспомощно сжавшегося горбуна. Но слепец неожиданно сам прижался к нему – и тут же отпрянул, и патрульный запрокинул голову назад так, что шляпа свалилась за спину, а из разреза на горле ударил яркий красный фонтан.

Горбун, распрямившись, насадил второго патрульного на длинный кинжал, вонзив его под грудину. Острие клинка вылезло из спины убитого, и горбун упёрся ему коленом в живот, чтобы вытянуть кинжал из раны.

Оба патрульных упали один поперёк другого. А рядом лежал их начальник, которому загнал стрелу под лопатку сам Индио, выстрелив в него из фургона.

Слим быстро разложил заряды, поджёг шнур. Бандиты забежали за фургон, и раздался взрыв.

Кислый дым и белесая пыль ещё стояли плотной стеной в воздухе, а Индио уже ворвался в пролом. Он увидел прямо перед собой изумлённое лицо сторожа. Тот держал в одной руке кусок хлеба, а в другой ружье. Индио выстрелил ему в лицо, и сторож рухнул среди обломков.

– Вот он, шкаф! – закричал Индио.

Нино накинуд своё лассо, и попытался потянуть, но шкаф стоял, как прибитый: он был

слишком тяжёл даже для Нино. Вот почему Индио набрал столько народу для такого простого дела.

Они накинули на шкаф сразу несколько лассо и потянули всей толпой. Шкаф грохнулся на пол, одним концом всё-таки угодив на доски, смазанные маслом. Вместе с грузом их затащили в фургон, Санчо хлестнул лошадей, а Индио открыл свои часы. Минутная стрелка всё ещё стояла на тройке.

Ему казалось, что они возятся с этим шкафом целый час, а стрелка даже не сдвинулась с тройки!

Четвёрка лошадей несла, обезумев от хлыста Санчо. Всадники, оглашая улицу диким криком и свистом, пронеслись мимо последних домов и помчались по пыльной дороге, а потом свернули и рассыпались беспорядочной стаей, взлетев на холм и скатившись с него. Город остался далеко позади.

Индио скакал сзади фургона. Он опасался, что взрыв мог повредить сейф, и тот распахнётся от тряски, усеяв пустыню разлетающимися долларами.

Его опасения были напрасны. Сейф прекрасно перенёс и взрыв, и бешеную скачку по кочкам пустыни. И когда, остановившись среди развалин в Лас-Палмерасе, бандиты выгрузили его из фургона, обнаружилось, что даже полировка на его тёмно-медовых стенках почти не пострадала.

– Дорогая штучка, – заметил Грогги, пнув сапогом дверцу с резным орнаментом.

– Внутри она ещё дороже, – ухмыльнулся Санчо Перес. – До чего же тяжёлый сундук! Я знаю, что там внутри. Таким тяжёлым бывает только золото.

– Или свинец, – раздался чей-то голос из-за полуразрушенного дома.

Все обернулись, выхватив оружие. Ирландец сидел на обломке стены в тени развалин. Между двумя другими домами с пустыми провалами окон и торчащими из стен прутьями мирно щипала траву его лошадь.

– Ты что тут делаешь? – выкрикнул Грогги. – А где мои парни? Где Чёрный?

– А ты сам подумай, – ирландец встал, опираясь рукой о стену. – Где он может быть, если на нас налетела целая армия охранников? Мы все сделали, как договорились. Но нам отрезали все пути. Их было слишком много...

– А ты! Ты бросил их, ты спасал свою шкуру! – Грогги кинулся на ирландца, тыча ему в лицо ствол револьвера.

– погоди, брат, – сказал Индио и встал между ними.

Он развёл руки, мягко, но с силой оттолкнув Грогги, задыхающегося от злобы.

– Так, говоришь, их было слишком много?

Индио оглядел ирландца с ног до головы и протянул руку к воротнику его рубашки.

– Значит, слишком много? – задумчиво повторил он. – У тебя рубашка испачкана... И порвана...

Он зашёл сбоку и провёл пальцами по рваной дыре в рубашке, у самой шеи ирландца. Ткань была липкой, она пропиталась кровью и покрылась коркой дорожной пыли.

– В тебя стреляли сзади, – сказал Индио. – Повезло тебе, амиго. Один дюйм в сторону – и конец.

– Он удирал, как заяц! – закричал Грогги и снова рванулся к ирландцу, занося руку для удара, но наткнулся на взгляд Индио и осёкся.

– Он получил пулю в спину, – сказал Индио.

– А Чёрный получил пулю в голову, – сказал ирландец, движением плеча стряхивая с себя руку Индио. – Конечно, кому-то хотелось, чтобы никто из нас не вернулся. Но у нас был уговор – встречаемся в Лас-Палмерасе. Или я что-то неправильно понял?

– Все правильно, – сказал Индио. – Давайте теперь займёмся нашими делами.

Бандиты собрались перед шкафом и достали свои револьверы. Индио прицелился и скомандовал:

– Разнесём его в щепки!

Дружная пальба раздалась в ответ. Трещали деревянные панели, с воем отскакивали

пули, в воздухе клубился, густея на глазах, пороховой дым. Пока стрелки перезаряжали свои барабаны, дым понемногу развеялся, и стало видно, что стрельба не слишком сильно подействовала на это произведение столярного искусства. Дверцы и стенки покрылись многочисленными оспинами с белыми краями и с металлическим блеском внутри.

– Ах так! – выкрикнул Грогги, становясь на одно колено. – Стреляем по одному! Бейте в середину!

Он выстрелил шесть раз подряд, и шесть его пуль пробили рваную щель там, где сходились дверцы шкафа. Ирландец поднял свой кольт, и щель удлинилась книзу. Третьим стрелял Индио, и он довёл трещину до земли.

– А теперь ты, Нино, – сказал Индио, выдавливая из колта пустые гильзы.

Нино подошёл к шкафу, запустил пальцы в образовавшуюся щель и потянул в стороны. Захрустели уголки и петли, громко щёлкали заклёпки, вылетая из гнёзд. Нино крикнул, развёл руки – и шкаф развалился пополам. Перед взглядами бандитов предстал блестящий металлический ящик.

На сейфе не было ни ручконок, ни штурвалов – только три аккуратных отверстия рядом с почти незаметной, не шире волоса, щелью между дверцей и рамой.

– Я же говорил, там золото! – Санчо Перес присел перед сейфом, любовно поглаживая его полированные стенки. – Сейчас мы его обложим динамитом, и тогда...

– Не сейчас, – сказал Индио. – Грузите сейф обратно в фургон. Ты забыл, Санчо, что за нами сейчас гонятся все, кто только смог забраться в седло.

– Нет, Санчо прав, – вмешался Грогги.

Он тоже подошёл к сейфу и по-хозяйски поставил на него ногу. Санчо, продолжая поглаживать блестящую стенку, неприязненно поглядел на этот запылённый сапог, словно тот наступил ему в тарелку.

– Рванём ящик прямо сейчас, – сказал Грогги. – Тянуть не будем. Сразу делим добычу, а потом рассыпаемся поодиночке.

– Верно! – произнёс кто-то.

– Только время теряем!

– И так долго ждали, сколько можно ждать?

– У нас мало динамита, – сказал Индио. – Надо раздобыть ещё немного, чтобы наверняка справиться. Но сначала надо оторваться от погони.

Он говорил, энергично размахивая руками, но никто из бандитов не разделял его энтузиазма и не трогался с места. Они даже не смотрели на него, не в силах оторвать глаз от блестящего ящика. Там, внутри, за одной-единственной дверцей, скрывалось то, ради чего они сегодня рисковали своей жизнью. Оставалось только протянуть руку, чтобы завладеть вожделенным сокровищем. Близость добычи парализовала их разум, и раньше-то не слишком выдающийся.

Дикарь встал рядом с Грогги и Санчо, заслоняя сейф.

– С таким грузом мы не оторвёмся от погони, Индио. Фургон слишком заметная штука. Да и медленная. Золото надо брать сейчас. Брать и делить на всех.

Его голос подействовал на всех остальных, как приманка, и бандиты сгруппировались вокруг сейфа. Каждый старался протиснуться поближе и потрогать, словно одно прикосновение уже делало их богачами. Словно черед богомольцев, прикладывается к святыне – Индио порой наблюдал такие сценки, когда ему случалось бывать в городе во время церковных праздников.

Он усмехнулся:

– Ну хорошо, привязывайте свои несчастные два патрона, посмотрим, что они смогут сделать с этим сейфом.

– У нас не два патрона, а четыре, – сказал Грогги, – и мы разнесём его на куски.

– Золото разлетится по всей пустыне, – предупредил Индио.

– Плевать, соберём! – засмеялся Дикарь.

И тут в разговор вмешался ирландец. Он один остался сидеть в стороне, когда бандиты

облепили сейф. И сейчас все повернулись на его голос.

– Сдаётся мне, вы всё-таки взяли банк в Эль Пасо, – сказал он. – Напрасно. Лучше бы вы отправились в Сан Хуан. Там держат золотые монеты. Не на миллион, но они золотые. А в Эль Пасо не держат золота. В этом сейфе бумажные деньги. Им не понравится, если их взорвут динамитом.

– Ерунда, – неуверенно сказал Дикарь. – Что им сделается? Ну, сгорят несколько бумажек...

– Несколько десятитысячных бумажек? – ирландец усмехнулся. – Это будет самый дорогой пепел в мире.

Бандиты молча переглянулись. Кто-то присвистнул.

– Тут, бывало за тысячу так наломаешься, а здесь десять тысяч...

– Да они вспыхнут как порох, денежки-то чистые, незахвачанные, сухие...

– А от одной и другие займутся...

Грогги яростно пнул блестящий бок сейфа.

– Так как же мы его откроем?

– На железной дороге работают разные инженеры, – сказал ирландец. – Хороший инженер откроет любой сейф. Особенно если пообещать ему десять тысяч.

– Хватит и пяти, – отрезал Индио.

– Я сказал «пообещать», – усмехнулся ирландец, и бандиты засмеялись.

– Я привык держать слово, – сказал Индио. – И я заплачу инженеру его пять тысяч.

– Я могу найти такого, – быстро сказал Слим. – Только за пять он не согласится...

– Брат, это очень хорошо, но сейчас не время, – сказал Индио кротко. – Конечно, ты найдёшь нам того, кто откроет сейф. Но сейчас его здесь нет. И пока он не появился, нам надо уносить ноги. Давай, Нино, парни, что вы стоите? Грузите этот драгоценный ящик в фургон!

Бандиты встрепенулись, стряхивая благостное оцепенение. Ещё бы, в мечтах они уже тратили свои денежки... Но голос Индио вернул их из притонов Мемфиса в знойную пустыню, и они все разом вспомнили, что денег у них ещё нет, зато где-то поблизости носятся крайне обозлённые люди. Бандиты принялись обматывать сейф верёвками, а потом потащили его в фургон.

– Все дороги перекрыты, и с этим фургоном нам не проскочить, – сказал Грогги. – Надо уходить в каньон. Переждём там.

– В каньон? Да все только и ждут, что мы туда подадимся. Там легко попасть в засаду, – ответил Индио. – В каньон легко войти, да выйти будет трудно. Нет, мы уйдём туда, где нас никто не станет искать.

– Нас не ищут только в раю, – мрачно сказал Слим.

– А мы и поедem в рай, – засмеялся Индио. – Рай земной. Это место называется Агуа Кальенте.

– Ты с ума сошёл, – сказал Грогги. – Я не понимаю, мы будем уходить через границу или нет? Что-то мне непонятно, Индио. Сначала ты говорил про Сан Хуан, но мы отправились в Эль Пасо. Затем ты говорил, что мы уйдём за границу, но ты привёл нас в Лас-Палмерас. А теперь уводишь ещё дальше от границы. Мне это не нравится, Индио, не нравится.

– Не торопись, брат, – ответил Индио. – Нельзя делать то, чего от тебя ждут. Конечно, мы убежим в Мексику, но не сейчас. Нас ожидают на границе, а мы обманем ещё раз.

– Но зачем тащиться в Кальенте, в эту глухомань, вонючую дыру? – раздражённо спросил Грогги.

– Полегче, – холодно предупредил его Индио. – Всё-таки это моя родина.

ПОСЛАНИЕ ПОКОЙНИКА

Полковник вернулся в свой номер, торопливо собрал оружие. На секунду задумался,

брать ли в дорогу библию. В ближайшие несколько дней, а то и недель, ему не удастся воспользоваться услугами железной дороги, а читать книгу в седле было несподручно. Он решил оставить дорогой фолиант у самого надёжного человека в округе и отправился в таверну с непроизносимым названием.

Дядюшка Шварцвальд молча принял том на хранение, и так же молча протянул полковнику конверт.

– Что это? – спросил полковник Мортимер. Он давно уже не получал писем.

Старик пожал плечами:

– Я не знаю, что это. Но должен отдать это вам сегодня. Я шёл к вам, когда был этот ужасный взрыв. Слава Богу, вы вернулись, и я могу отдать это вам сегодня.

«Дорогой сэръ!

Если Вы читаете это письмо, значит, Чемпион выполнил мою просьбу. Кроме того, это значит, что мы с Вами больше не встретимся, но это уже не так важно. Гораздо важнее то, что благодаря этому письму Вы сможете оказать мне последнюю услугу. Направьте Блондина в одно из тех мест, где мы с Вами подыскиали для Вас земельный участок. Бренные останки того, что при жизни именовалось инспектором Фогелем, он обнаружит, вполне вероятно, неподалёку от сохранившегося культового сооружения с колоколом. Я отправляюсь туда сегодня, завершив свою работу по делу известной Вам дамы. Отправляюсь отчасти ради приключения, отчасти в нескромной надежде пополнить свой кошелёк. Как говорится, лишний доллар не помешает.

Мой официальный отчёт для сенатской комиссии будет переправлен в Вашингтон Блондином. Я мог бы просить об этом и Вас, но знаю, как Вы будете заняты в ближайшее время. Небольшое приложение к письму, я надеюсь, упростит Вашу работу.

Мысли, оставшиеся невысказанными во время нашей встречи, лишают меня душевного равновесия, и я не могу не высказать их хотя бы таким способом, далёким от общепринятого. И я был бы чрезвычайно признателен Вам... Хотя какой признательности можно ожидать от покойника? Отбросив формальные обороты, скажу так: я надеюсь, что Вы не сочтёте за труд тем или иным способом переправить эти мои соображения одному репортёру, адрес которого вы можете узнать у Чемпиона.

Вы помните своё замечание о стрелах? Эта ремарка, брошенная вскользь, опрокинула все громоздкое сооружение, именовавшееся «расследованием конспирации на Территории». Она заставила вспомнить множество других незначительных деталей, которые в сумме оказались вполне значительными. Так, например, в отчётах по делу все наши агенты пользуются термином «индейцы». Термин этот вполне понятен публике и используется якобы для того, чтобы не усложнять общую картину. На самом же деле использование данного термина не упрощает, а искажает картину происходящего. И искажение это, я уверен, происходит сознательно.

Напомню Вам, что пространство, именуемое Оклахомой, всегда было проходным двором для кочующих племён и общим местом охоты для племён охотников. В тридцатые годы в Оклахому начали переселять Цивилизованные Племена³⁰ с юго-востока. Чероки, Чикасо, Чокто, Крики и Семинолы были вынуждены перебраться сюда и разделить эти просторы с Осаджами и Квапо, а на их покинутых землях, как я понимаю, возникли хлопковые и табачные плантации. Все переселенцы сохранили свой уклад и остались фермерами, торговцами и ремесленниками. Они основали на новых для себя землях города, избрали правителей, договорились со старожилками этих мест о мире и дружбе, и даже воинственные Кайова вошли в этот договор.

Что же мы видим дальше? Мятеж южных штатов привёл к тому, что многие из

³⁰ «Пять Цивилизованных Племен» – индейские народы, населявшие изначально территории современных штатов Джорджия, Флорида, Алабама и Миссисипи, дружелюбные к белым и перенявшие у европейцев их технологии и культуру.

индейцев оказались не на стороне федерального правительства.

Сейчас не время и не место обсуждать действия политиков в те тревожные годы, но факт остаётся фактом. Все эти чероки и семинолы были объявлены союзниками Конфедерации и на этом основании выдворены со своих земель ещё дальше на запад. Правда, поскольку племена считались цивилизованными, с ними и поступили цивилизованно. Земли у индейцев были выкуплены федеральным правительством по цене 15 центов за акр.

Таким образом, пребывание целых народов на Индейской Территории ныне является незаконным, и правительству нужен любой повод для того, чтобы пустить в ход войска и очистить земли под хлопок, табак, подо что угодно.

Таким прекрасным поводом станет существование гнезда конспираторов на Территории. Особенно, если оно будет связано с личностью, которую широкая публика уже знает по прежним сенсациям. Дело даже не в том, что на прилавок будет выброшен новый товар – ужасный преступник в образе милой дамы. Важнее другое. Общество должно будет содрогнуться от того, что первобытная кровожадность индейцев заключила союз с изощрённым европейским разумом! Это будет бомба посильнее пенсильванской!

Поверьте, ...(зачёркнуто), дорогой сэр, в нашей фирме трудятся высококвалифицированные специалисты, и они способны выполнить любую задачу. Ни один негодяй не уйдёт от нас, если на него поступит заказ. И я уверен, в конце концов все персоны, о которых мы с Вами беседовали, получают по заслугам. Но мне бы не хотелось при этом послужить марионеткой в чьём-то балагане.

Вы можете оспорить моё мнение, но я вижу в этих поисках заговора все ту же старую болезнь, которая привела нас когда-то к войне. Эта болезнь называется расползанием. Мы расползаемся по этой земле, как плесень по корке хлеба, и не можем остановиться. Всё глубже и глубже, всё дальше и дальше.

Вернёмся к стрелам. По всем признакам, они принадлежали апачам. Это племя, вполне возможно, заслужило нелестные характеристики. И для тех, кто затеял эту игру, было бы очень удобно смешать в одну кучу ирландских террористов, кровожадных апачей и недобитых бунтовщиков-рабовладельцев. Но как же я мог упустить из виду то малозаметное географическое обстоятельство, что апачи не проживают на территории Оклахомы! Они прекрасно себя чувствуют в Мексике и на приграничных берегах Рио-Гранде. Более того, они никогда не вступают в союзы с другими племенами. Даже с команчами можно как-то договориться, но эти не идут ни на какие компромиссы ни с белыми, ни с краснокожими. Следовательно, их мнимое участие в шайке... (зачёркнуто) NN ничем не доказывается! А стрелы изготовлены белыми, возможно, самим NN, и тому есть косвенные подтверждения в моём приложении.

В своём отчёте я фактически закрываю дело Беглой Дамы. У неё есть свои грешки, и она за них ответит. Но, господа сенаторы, она не формирует тайные отряды апачей для того, чтобы устроить резню на улицах Вашингтона.

Не сомневаюсь, политики рано или поздно найдут способ для захвата земель военной силой. У них не достанет терпения дожидаться, когда в Оклахоме вырастут свои политиканы, которые объявят её, наконец-то, штатом, после чего присоединятся к добровольному союзу независимых штатов.

Моим заказчикам, сенаторам, нужна сенсация. Громкая, скандальная, насыщенная знакомыми именами. Громкий шум в так называемом обществе заглушит одинокие голоса тех, кто различит в ней всего лишь повод для оправданного насилия. Впрочем, может быть, борьба с заговорщиками – не самый худший из таких поводов. Гораздо хуже, когда для оправдания военного вмешательства потребуются сожжённые фермы или вырезанные караваны белых переселенцев.

Не знаю, насколько важными покажутся Вам мои соображения, но я, по крайней мере, достиг задуманного результата: чувствую, как с каждой строчкой восстанавливается моё душевное равновесие.

От всей души надеюсь, что Чемпион не получит повода передать это письмо Вам, и мы сможем как-нибудь вместе обсудить идеи, изложенные выше. Но, как христианин, засыпая, я привык прощаться с миром. И отправляясь на охоту, не забуду покаяться.

Искренне Ваш... (зачёркнуто)"

Полковник Мортимер оценил деликатную конспирацию инспектора. Ни одного имени, ни одной приметы. Если эта бумажка и попадёт в чужие руки, она никому не навредит. Псевдонимы тоже достаточно прозрачны – для полковника. Чемпион – это дядюшка Шварцвальд, Блондин, естественно, Кон Бертельс. А NN – это Индио.

Приложение № 1.

Розыск.

Стандартная форма:

Имя – Фредерик Лафайет Гривс.

Уменьшительное – Фредди.

Кличка – Эль Индио.

Место рождения – Агуа Кальенте, Техас.

Родители – умерли.

Другие родственники – брат отца, Натаниэль Джошуа Гривс, проживает на Территории Оклахома, на северном берегу реки Симаррон.

Описание внешности:

Рост – пять футов шесть дюймов.

Волосы – чёрные, вьющиеся, с сединой на висках.

Усы и борода – есть.

Глаза – тёмно-карие, глубоко посаженные.

Нос – средний, вздёрнутый, ноздри вывернуты наружу.

Рот – средний, губы широкие.

Зубы – мелкие, здоровые.

Уши – длинные, плотно прижаты к голове, наверху заострённые.

Приметы на теле – рубец в виде звёздочки на правом предплечье с внешней стороны, рубцы от сквозных пулевых ранений на правой голени.

Привычки – курит сигары, алкоголь не употребляет.

Особые замечания – меткий стрелок из револьвера, склонен к изощрённой жестокости.

Из перечня преступлений.

Ограбление дилижанса в Теннесси. На месте преступления обнаружены две стрелы. Попадания – в горло, в грудь. Возчик, охранник и все пассажиры убиты на месте, кроме одного, скончавшегося позже в госпитале. Похищенная сумма неизвестна. Объявлено вознаграждение 5 тысяч долларов за Индио, 1 тысяча долларов за Санчо Переса.

Ограбление банка, Фейетвилл, Арканзас. Стрела в спине охранника. Клерк, пытавшийся спрятать ключи от сейфа, умер в госпитале от потери крови. На его теле насчитали 184 ножевых ранения, ни одно из которых не было смертельным. За Индио объявлено вознаграждение – 1 тысяча долларов, за возвращение денег – 10 тысяч долларов.

Убийство помощника шерифа в посёлке Фаунтри, территория Оклахома, 1874 год. Пожар в доме скотопромышленника Натана Гривса. И в убийстве, и в поджоге дома подозревается Индио, который скрылся с двумя сообщниками. Характерны показания свидетелей, касающиеся образа жизни Индио: избегал общения с белыми, ел конину, ходил босиком».

Топографическая карта. Карандашные пометки стёрты, но их следы различимы. На полях осталось только одно слово: «Кальенте». И рядом – не то две двойки, не то два вопросительных знака. «На месте Фогеля я бы поставил здесь один восклицательный знак», – подумал полковник Мортимер. «Никому не придёт в голову искать Индио там, где

он родился».

– Ну что, мистер Мортимер, – спросил дядюшка Шварцвальд. – Стоили эти бумаги того, чтобы бежать за вами?

– Безусловно, – ответил полковник, чтобы не обидеть старика. В этих бумагах не было ничего такого, чего он не знал раньше. – Наш друг оказал очень важную услугу. Когда он ушёл?

– Сразу после разговора с вами. Заперся в своей комнате, наверно, чтобы написать эти письма. Через час вышел, уже переодетый. С винтовкой, взял одного из моих жеребцов. Я не хотел брать денег, но он заплатил.

– Вы сказали, что он написал не одно письмо?

– Да. Второе я должен передать Конраду. Но он умчался ещё раньше вас! Я его знаю. Бертельс... Если он ускакал из города со своими шалопаями, это надолго. Он будет мотаться по пескам, потому что это весело, это легко. А возиться с пьяным постояльцем или искать пропавшее белье – не весело и не легко. Я его знаю. Но что мне делать, мистер Мортимер? У меня на руках важный пакет. Там может быть очень важное сообщение. Как вы полагаете, не будет большим нарушением, если вместо Бертельса его прочитаете вы?

– Полагаю, что в этом письме содержатся распоряжения, касающиеся лично помощника шерифа, а может быть, и самого шерифа.

– Самого шерифа? Хорошо. Я подожду ещё день, – сказал старик. – И если Конрад не появится до завтра, я сам открою его пакет, и сам прочитаю.

– Может быть, стоит потерпеть ещё немного, – посоветовал полковник. – Кон занят сейчас очень важным делом, а то, о чём его просит наш друг, может подождать. Это не срочно.

«В конце концов, – подумал полковник, – если Фогель убит, ему уже всё равно. Кон похоронит его при первой же возможности. Если найдёт».

АГУА КАЛЬЕНТЕ – ГОРЯЧАЯ ВОДА

Индио так важно назвал Кальенте своей родиной, так горделиво приосанился... Можно было подумать, что когда он со своими друзьями появится там, улицы будут по колено усеяны лепестками роз.

Но никакие розы их там не ждали.

Как только впереди между крутыми склонами гор показались первые белые домики, обнесённые высокими каменными заборами, Индио остановил коня и поднял руку, подавая всем знак к остановке.

– Эй, амиго, – повернулся он к О'Райли. – Вот он, рай земной. Здесь люди живут, не зная денег. Поэтому мы спокойно остановимся здесь.

– Может, мы здесь и останемся? – спросил Грогги и засмеялся. – Отдадим тебе все наши денежки, а сами останемся тут.

– Ну что, амиго, нравится тебе это место? – настойчиво спросил Индио.

– Бывает и хуже, – вежливо сказал О'Райли.

– Хуже всего бывает там, где вместо друзей тебя ждут враги, – сказал Индио. – Я прошу тебя, амиго, отправляйся туда первым и посмотри, кто нас ждёт. Если там увидишь людей в военной форме, то знай, что это плохие люди. Глупые люди. Они думают, что я из крепости направляюсь прямо сюда, на родину. Они, наверно, начнут приставать к тебе с разными вопросами, так что лучше тебе приготовить для ответов свой кольт.

– Ладно, – сказал О'Райли.

– А мы посмотрим, как ты стреляешь. Ведь ни я, ни Санчо, никто не знает, как ты стреляешь.

– Мы только знаем, как ты удираешь, – вставил Грогги.

О'Райли отъехал вперёд и спрыгнул с лошади. Он решил войти в городок пешком. Так возвращаются домой. И если впереди его ждёт засада, никому не придёт в голову ссадить его выстрелом, а потом разбираться.

Ему приходилось бывать в городах, жители которых стреляли по любому приближающемуся всаднику. Обычно выстрел не приносил никакого вреда, по крайней мере, первый выстрел. Как правило, этого вполне достаточно, чтобы странник выбрал иную дорогу. Таковы были строгие правила этикета в краях, где люди выискивали золотые песчинки в гальке и глине, и где этих песчинок всегда было слишком мало.

Но здесь никто не охотился за золотом, и стрелять по незнакомцу могли только очумевшие от жары часовые. Если сюда и вправду были посланы солдаты, чтобы перехватить Индию, то они должны были оставить множество следов. О'Райли шёл по обочине, ведя лошадь в поводу, и внимательно разглядывал следы, но не замечал никаких признаков того, что здесь проходили солдаты.

Приближаясь к городку, О'Райли обнаружил, что от дороги отходит почти незаметная тропинка, ведущая к зарослям сухого тростника. По всей видимости, когда-то по тропинке ходили к ручью. Если кто-то и ждёт Индию, то лучшего места для засады не придумаешь. В тростнике легко скрыться, и можно стрелять прямо сквозь обвисшие рыжие ленты листьев. О'Райли прошёл мимо тропинки, не поворачивая головы в сторону тростника. Свободную руку он держал на рукоятке кольта и вслушивался в каждый шорох, но из-за толстых узловатых стеблей слышалось только, как деловито пересвистывались птицы.

Вот и крайний дом. Судя по провалам в заборе, он давно покинут жильцами. Выбеленная слепая стена, обращённая к дороге, два забитых окна со стороны улицы, дощатая дверь, заколоченная крест-накрест жердями. Напротив – каменный колодец с остатками навеса, с жёсткой щетиной высохшей травы вокруг и воротом, на котором сбилась в одно кольцо истлевшая верёвка. Колодец, как видно, пересох тогда же, когда и ручей.

Впереди, на узкой улице между каменными заборами возились в пыли двое детишек. Заслышав цокот копыт, они подняли головы, с любопытством глядя на пятнистую лошадку О'Райли. В заборе со скрипом отворилась калитка, оттуда вынырнула женщина в длинном чёрном платье. Она подхватила детишек за руки и быстро увела их с улицы. Калитка плотно захлопнулась, и на улице не осталось никого.

О'Райли остановился. Это место казалось ему знакомым, хотя он никогда здесь не был. Когда-то в детстве он и сам жил в таком городке. То было время освоения пустынь.

Вообще-то эти места нельзя было назвать настоящей пустыней. Когда здесь правили испанцы, они называли эти края «desiertos»³¹, и их соседи, английские и французские колонисты, имевшие представление о пустынях Средиземноморья, представляли себе большую часть Мексики и южного Запада морями песка, безводными и лишёнными всякой растительности. Но неутомимые первопроходцы, начинавшие осваивать Луизиану и Запад, постепенно изменили это устоявшееся мнение. Они сообщали, что места, считавшиеся «пустынями», на самом деле густо заселены и вполне плодородны. Эти рассказы звучали сладчайшей музыкой в ушах федерального правительства, которое использовало их для рекламы массового переселения на Запад. И прошло немало лет, горьких лет труда и разочарований, прежде чем стало ясно – не зря испанцы называли эти места пустынями. Природа позволяла человеку выжить, но вести большое хозяйство было невозможно.

Ничего этого ещё не знали тысячи переселенцев с Востока, когда в поисках дешёвой земли семья О'Райли переехала в Техас, на родину его матери-мексиканки. Какое-то время все они ютились в доме её родителей. Потом отец подписал какие-то бумаги, и они отправились в прерию. У ручья недалеко от реки отец с братом построили дом. Это был настоящий дом. Фундамент сложили из булыжников, которые вся семья таскала из реки. И материал для стен тоже дала река – по ней шли плоты, и одиночные бревна часто застревали

³¹ Desiertos (исп.) – пустыни.

на отмелях. А если и не застревали, то отцу, высоченному и длиннорукому, ничего не стоило забраться на середину реки с багром в руках – вот тебе и брёвнышко, а то и два. А как весело было кататься по реке на этих брёвнах – то верхом, то стоя и перебирая ногами...

Бревна горят хорошо, подумал О'Райли. От дома, наверно, остался только фундамент. На ферму налетела шайка мятежных команчей, и всё сгорело в огне. Мать убежала с маленьким Бернардо в прерию и дождалась там солдат, отправленных на усмирение команчей. Так и остались при эскадроне. Мать не захотела возвращаться в свой городок, хотя он был совсем рядом. Не захотела снова жить в доме, где жили и умирали все её родичи. Наверно, ей хотелось, чтобы у её сына была иная судьба.

«Видела бы она меня сейчас, – подумал О'Райли. – Городок почти тот же самый. Агуа Кальенте, что значит «Горячая Вода». Наверно, где-то поблизости есть тёплые источники, а может быть, здесь текут целые реки текилы³². Вон сколько агавы по обочинам».

Он вёл свою лошадь по пустой улице, и окна в домах хлопали закрывающимися ставнями. Иногда за забором слышалось предупреждающее ворчание собак – им было лень лаять на жару.

Улица свернула вправо, и О'Райли увидел таверну с крытой верандой и парой пустых столиков под навесом. На другой стороне улицы высилась деревянная конюшня – сарай с высокой крышей, когда-то покрытый зелёной краской. Дверь таверны со скрипом отворилась, и на пороге появился низкорослый мексиканец в чёрном сомбреро. Патронные ленты крест-накрест пересекали его грудь, а на поясе висели две кобуры.

Звения шпорами, мексиканец спустился с крыльца и остановился под навесом, не спуская глаз с О'Райли. Он стоял, засунув большие пальцы за пояс, а под тенью шляпы поблёскивали прищуренные глаза.

О'Райли остановился перед конюшней и заглянул внутрь через широкие ворота. Застоявшийся запах сена, кожи и лошадей напомнил ему, что он давно уже не отдыхал, да и аппалузе не мешало хотя бы на пару часов избавиться от седла.

Из открытой боковой двери конюшни выглянул мексиканец – с длинными стоячими усами.

– Буэнас диас, – приветствовал его О'Райли, полагая, что перед ним хозяин конюшни. – Найдётся место для моей лошади?

– Если лошадь смиренная, ей всегда найдётся место, – неприветливо пробурчал Длинный Ус. – Ставь рядом с черным.

О'Райли завёл аппалузу внутрь, краем глаза следя за воинственным коротышкой на крыльце таверны. Тот тоже следил за ним. Как только О'Райли повернулся к нему, из-под сомбреро вылетел длинный плевок и раздался низкий густой голос:

– Какой хозяин, такая и лошадь. А только смотрю я, лошадь мирная, а хозяин весь в оружии.

– Привычка такая, – спокойно ответил О'Райли.

– Привычка? Вот оно что. А я-то подумал, что, может статься, лошадь чужая.

О'Райли не счёл нужным поддерживать беседу и принялся снимать седло. Лошадь его и в самом деле была спокойной, но сейчас она неприязненно косилась в угол стойла. О'Райли подумал, что там, скрываясь от жары, могла притаиться змея. Он вынул из чехла карабин, стволом поворошил слежавшуюся траву. И тут же из стойла выскочила бурая крыса с длинным голым хвостом. Аппалуза попыталась наступить на неё, но крыса юркнула между досками, метнулась на улицу и вприпрыжку побежала вдоль стены конюшни.

– Не люблю я этих тварей! – проговорил воинственный мексиканец и схватился за револьверы.

О'Райли первым нажал на спуск карабина. Крыса подпрыгнула на полметра вверх, шлёпнулась на землю и понеслась ещё быстрее, но уже без хвоста.

³² Текила – крепкий алкогольный напиток, продукт перегонки забродившего сока агавы.

– Ну и стрелок, – мексиканец снова сплюнул, продемонстрировав удивительную дальноточность. Его револьверы при этом, описав немыслимый вентиль, вернулись в кобуру. – С трёх шагов не попасть по крысе!

О'Райли спокойно вложил винчестер в чехол, похлопал лошадь по загривку и вышел из конюшни.

– Крыса не сделала нам ничего плохого, – заметил он. – За что же её убивать? А без хвоста ей будет даже легче.

– Какого хвоста?

– Да вон того, – О'Райли навёл кольт и выстрелил. У самого порога конюшни в облачке пыли разлетелись в стороны две половинки крысиного хвоста.

Он повернулся к собеседнику. Только чтобы убедиться, что тот его правильно понял. Но собеседника на крыльце уже не было.

– Ну хватит вам палить, сеньор! – попросил хозяин конюшни. – Ваша-то индейская лошадка спокойная, но вороной может испугаться.

– Не испугается. Он привык слышать выстрелы, – заявил О'Райли, признав жеребца полковника по седой полоске на горле.

Сам Мортимер со скучающим видом сидел в таверне за пустым столом. О'Райли, подойдя к стойке и оглянувшись, спросил, глядя в другую сторону:

– Что вы тут делаете?

– Жду заказанных бобов. Ты, случайно, не знаешь, они тут вымачивают бобы перед приготовлением?

– Как вы нашли это место?

– Мне подсказали. У тебя всё в порядке?

– У меня всегда всё в порядке, – сказал О'Райли. – Только не надо мне мешать.

– Дивный уголок, – звучным голосом лектора сказал полковник, как только у стойки бара появился человек в сером фартуке поверх клетчатой рубашки. – Это старинная почтовая станция, здесь раньше проходила очень важная дорога. Переселенцы с Восточного побережья, как я слышал, останавливались в Кальенте перед тем, как отправиться строить свои фермы. Одно время, говорят, в округе процветали скотоводы. Но все изменила железная дорога. Она отрезала Кальенте от пастбищ. И постепенно переселенцы отсюда убралась, а остались только аборигены. Эй, любезный, вы там не забыли, что я заказывал бобы?

О'Райли оглядел дощатые столы, за которыми давно уже не сидели пьяные ковбои, пыльные бутылки на полках бара, по которым давно уже никто не запускал табуреткой. Белые пришли, белые ушли. Мексиканцы остались. Белые ушли дальше на запад. Они уйдут и оттуда, а мексиканцы останутся. Им нечего искать в этой жизни, они привыкли принимать её такой, какой получили. А белым переселенцам все не сидится на месте, все им надо искать чего-то...

Таверна ещё хранила следы белого человека. По крайней мере, о вкусах прежних обитателей Кальенте наглядно свидетельствовали прищипленные к стенам пожелтевшие картинки из почтовых каталогов с рекламой корсетов.

Полковник Мортимер дождался наконец давно обещанных бобов. Он тщательно протёр вилку носовым платком и приступил к трапезе.

В тот момент, когда в таверну вломилась шумная компания во главе с Индио, О'Райли уже сидел у стойки бара.

– Текилы нам! – потребовал Индио и продолжил рассказ, начатый за стенами заведения. – Нино, а ты видел голубятню на постоялом дворе? Она сохранилась ещё с тех пор, как я был мальчишкой! Пустая, без крыши, но сохранилась. Жалко, что без голубей. Ты не поверишь, Нино, какое жирное и нежное мясо у этих птиц! В жизни не ел ничего вкуснее... Эй, Дикарь, попробуй нашей местной текилы!

Но Дикарь, казалось, не слышал его. Он застыл, полуобернувшись у стойки и глядя через опущенное плечо на полковника.

– Ну-ка, ну-ка... Уж не тот ли это курильщик? – пробормотал Дикарь и отодвинул

протянутый ему стакан. – Какая встреча!

Индио замолчал, с интересом следя за Дикарём. Нино, Кучилло и Грогги тоже повернулись в его сторону. А Дикарь, хищно улыбаясь, подошёл к столу, за которым полковник ел грубые крестьянские бобы по всем правилам аристократического этикета: спина по стойке «смирно», локти прижаты к поясу, вилка и нож, ловя еду, не касаются тарелки.

– Какая встреча! – повторил Дикарь, нависая над столом полковника.

Сухая травинка выпала из его шевелюры рядом с тарелкой. Полковник Мортимер перестал жевать и посмотрел на упавший на стол предмет. Медленно поднял голову, как бы мысленно восстанавливая путь инородного тела, и только теперь увидел Дикаря. Тот удовлетворённо хмыкнул:

– Ну что, святой отец, узнал меня?

– Если вам срочно понадобился священник, то я, к сожалению, ничем не могу помочь, – спокойно ответил полковник. – Видите ли, любезный, я инженер, а не священнослужитель.

– Священник понадобится тебе, и прямо сейчас, – выкрикнул Дикарь. – Ты помнишь, как зажжёг спичку об мою спину? Вспомни! В Эль Пасо! Ну, вспомнил?

– Эль Пасо? Припоминаю... – полковник улыбнулся, словно вспомнил нечто удивительно приятное. – Да, припоминаю.

– Ага, припоминаешь! Ну-ка, попробуй, зажги спичку об меня ещё раз! – Дикарь повернулся, подставляя свой горб полковнику. – Давай, зажигай!

Полковник отправил в рот один боб, прожевал его, проглотил и ответил:

– Видите ли, любезный, я привык курить после обеда. Вы не могли бы предложить свои услуги минут через десять?

Дикарь отшатнулся от стола. Лицо его, и от природы не слишком симметричное, сейчас было карикатурно искажено злобой.

– Минут через десять? Минут через десять тебе дадут прикурить черти в аду! А ну, вставай!

Полковник аккуратно свернул конвертиком носовой платок, лежавший на коленях, и опустил в карман сюртука. Он вздохнул бесшумно отодвинул скамейку, выходя из-за стола. Руки его в умиротворяющем жесте были подняты ладонями вперёд. Сюртук распахнулся на животе, и на левой стороне стала видна лакированная рукоятка кольта. Дикарь бросил короткий взгляд на рукоятку и отошёл на три шага назад, коснувшись горбом стеллажа с посудой.

Он тоже носил кольт слева, за поясом, в отличие от своих приятелей, державших оружие в набедренной кобуре справа. Эта привычка была легко объяснима особенностями его телосложения. Его горб и скособоченные плечи не позволяли дотянуться до бедра так же быстро, как до пояса. Но зато до пояса он дотягивался быстрее всех. Может быть, даже быстрее самого Грогги, или даже Индио.

– Кучилло! – приказал Дикарь. – Ну-ка, считай до трёх!

Кучилло переглянулся с Индио, и тот разрешающе кивнул.

– Ну... – сказал Кучилло и глубоко, с присвистом, вдохнул.

Все смотрели на Дикаря. Его противник уже не существовал для бандитов. Они даже не собирались выносить его из таверны: заботу о теле возьмёт на себя хозяин таверны, за это ему достанется его одежда. Оружие заберёт Дикарь, это его право. Деньги и ценности покойника принадлежат Индио, он их разделит по справедливости...

– Ра-аз...

...хотя денег там, видать, негусто. Все смотрели на Дикаря, потому что никто ещё не видел, как он стреляется в поединках. И только О'Райли, равнодушно держа стакан у губ, глядел на полковника. Его немного беспокоило, что руки полковника опущены и немного отведены назад, лучше бы он продолжал держать их перед собой, так было бы удобнее хвататься за кольт, вот Дикарь так и держит руки у самого пояса...

– Два-а?

Дикарь, наверно, думал так же, как О'Райли, только при этом он отнюдь не беспокоился, а тихо торжествовал, обнаружив ошибку противника. Он не слушал команд Кучилло, а следил за руками наглеца-инженера. Как только его рука потянется к кольту... Вот она вздрогнула и исчезла в кармане сюртука... Дикарь успел вытаращить глаза от изумления. В руке наглеца уже был револьвер! Другой револьвер!

– Три!

Выстрел карманного «веблея» отбросил Дикаря на стеллаж с посудой. Он вскрикнул и повалился на пол, и кастрюли с мисками обрушились на него.

Не все ещё успели понять, что случилось, а полковник уже перебросил «веблей» в левую руку, правой выхватил из-за пояса кольт и направил оба ствола на бандитов, застывших у стойки.

Индио первым разобрался в ситуации и схватил за руку Грогги, когда тот потянулся к кобуре.

– Все! – сказал он. – Унесите Дикаря! В этот раз ему не повезло.

– Что?! Если бы это был твой друг... – злобно начал Грогги, но Индио оборвал его.

– Вы все тут мои друзья. И мне жалко Дикаря. Но ему не повезло. Не мог же он знать, что некоторые инженеры так ловко обращаются с оружием.

Грогги с Нино взяли безжизненное тело за руки и за ноги, Кучилло подобрал с полу кольт Дикаря и вышел вслед за ними. О'Райли остался у стойки, невозмутимо разглядывая на свет содержимое своего стакана. А Индио повернулся к полковнику, который продолжал держать всех под прицелом.

– Сеньор инженер, – сказал Индио. – Все, успокойтесь.

– А я спокоен, – ответил полковник, спрятал оружие и вернулся за стол к своим бобам.

Но Индио не мог отстать от него теперь. Он сел напротив и бесцеремонно разглядывал полковника, дожидаясь, когда тот поднимет лицо.

Внутри таверны они сейчас были втроем: О'Райли, Индио и полковник.

О'Райли поставил стакан на стойку и подошёл к поваленному стеллажу. Подняв его, принялся расставлять по полкам посуду, незаметно поглядывая в окно и в полуоткрытый дверной проём. На веранде перед таверной виднелась широкая спина Нино, заслонявшая обзор. Слышался раздражённый голос Грогги, но слов было не разобрать. Хуже всего было то, что и полковник, и О'Райли оставили часть оружия на лошадях, стоявших в конюшне. И если сейчас придётся драться, то у них нет шансов ни на прорыв, ни на оборону.

Индио вдруг отодвинул тарелку полковника в сторону и вкрадчиво спросил:

– Кто ты?

Полковник смотрел сквозь него, словно не слыша вопроса.

– Кто ты? – тихо повторил Индио.

– Я тот, кто тебе нужен, – ответил полковник, странно улыбаясь, и снова подвинул тарелку к себе.

ИНЖЕНЕР ЗАКЛЮЧАЕТ КОНТРАКТ

Чтобы правильно приготовить тушёные бобы, их надо предварительно замочить хотя бы на пару часов. Это не отражается на их вкусе, но избавляет едока от малоприятных последствий. Впрочем, здесь не обращали внимания на такие пустяки, как вздутие живота. Но с этим ещё можно смириться. А вот отсутствие красного вина, которое следовало добавить при тушении, было весьма ощутимо. И морковь здесь резали соломкой, а полковник привык, чтобы горку бобов украшали полупрозрачные янтарные монетки тушёной моркови, заботливо уложенные сверху.

Зато местный кулинар не поскупился на копчёный шпик, лук и перец. Особенно на перец. Полковник с наслаждением отпил ледяной воды из запотевшего стакана.

Жжение перца и холод воды – вот и всё, что он сейчас ощущал. Вкус бобов пропал, как только за стол подсел Индио. Полковник чувствовал, что во рту пересохло не только от

перца. Он снова отпил воды и ещё внимательнее принялся ковыряться вилкой в бобах.

– Откуда ты меня знаешь? – насторожённо спросил Индио.

– А я тебя и не знаю, – пожал плечами полковник. – Зато я хорошо знаю сейф.

Индио отодвинулся от стола:

– Что вы такое говорите, сеньор инженер? Да вы хоть понимаете, куда попали? Какой такой сейф?

Полковник Мортимер, наконец, отложил вилку и вытер губы своим платком. Когда он опускал его в карман, брови Индио едва заметно сдвинулись, и бандит проводил руку полковника напряжённым взглядом. Но на этот раз у полковника не было причин выхватывать из кармана револьвер.

– Какой сейф? Необычный сейф, – значительно произнёс полковник. – На нём нет ни ножек, ни рукоятки. Только голый металл. А знаешь, почему он такой?

– Почему?

– Потому что это внутренний сейф. Его полагается замуровывать внутрь стены. И он не поддаётся ни огню, ни взрыву.

– Сеньор инженер, – неловко засмеялся Индио. – Оглянитесь вокруг. Откуда в Кальенте может появиться сейф, да ещё внутренний. Это же смешно.

– Откуда? Я скажу тебе, откуда. Из Эль Пасо. И дальнейший его путь тоже не загадка для меня. Чтобы вскрыть такой сейф, нужно время и спокойная обстановка. А самое спокойное место, куда наверняка никто не сунется, – это Кальенте. Вот и все, – заключил полковник и отодвинул тарелку в сторону. – Мы можем договориться. Тебе не мешают посторонние?

Индио повернулся к О'Райли и кивком пригласил его к столу:

– Садись с нами, амиго. Сеньор инженер должен знать, что вокруг меня не бывает посторонних.

– Спасибо, мне и здесь хорошо, – О'Райли поднял свой стакан.

– За этим сейфом я охотился несколько месяцев, – полковник покачал головой. – Фирма Лайонела Джейла в Бостоне изготовила за последние три года всего два таких. Один был отправлен в Нью-Йорк, следы второго затерялись. Теперь я понимаю, почему. Так далеко его никто не стал бы искать.

– Да вы бы никогда его не нашли, – презрительно усмехнулся Индио. – Он был спрятан... Знаете, где? Внутри огромного деревянного шкафа! Люди стояли рядом с ним, брали из него всякую дрянь, и им даже в голову не могло прийти, что совсем рядом лежит богатство.

– Ты хочешь сказать, что он стоял на виду?

– У всех на виду, – подтвердил Индио. – В кабинете управляющего.

Полковник рассмеялся, покачивая головой:

– Ах я, старый идиот. Я же несколько раз заходил в этот кабинет. Но меня занимали стены. Я думал, что сейф замурован в стену, как это сделали в Нью-Йорке. А он, оказывается, был совсем рядом!

– То-то и оно, – важно заключил Индио. – Но не будем терять время, сеньор инженер. Мне нужно открыть этот сейф. Вы берётесь за эту работу?

– Я для этого сюда и приехал, – сказал полковник Мортимер. – Как только я услышал, что банк ограблена банда... Извини, я хотел сказать, банк посетил сам Индио, причём буквально на два дня раньше, чем это собирался сделать я. Нет-нет, я нисколько не возражаю. В нашем деле развивается здоровая конкуренция. Правда, мы используем разные методы... Я рассуждал так. Полиция думает, что Индио будет прорываться через границу, и устроит на всех южных дорогах засады. Но Индио не дурак. Он спрячется где-нибудь, переждёт пару недель, а за это время найдёт специалистов, которые откроют ему сейф. Если он откроет сейф без меня, то я не получу ничего. Если я ему помогу, то получу хотя бы что-нибудь.

– Ну, и что вы хотите получить?

– Пять тысяч, – твёрдо сказал полковник.

– Две тысячи, – отрезал Индио.

– Нет, – извиняющимся тоном сказал полковник. – Пять.

Индио почесал затылок.

– Чёрт с тобой, – сказал он обиженно. – Ты грабишь меня среди бела дня. Пять тысяч! Хорошо, ты получишь свои пять тысяч. А если там их всего десять? Давай сначала откроем, а потом сторгуемся?

– Нет, Индио, – полковник улыбнулся. – Ты прекрасно знаешь, что там лежит не десять тысяч, и даже не сто.

– Этого никто не знает, пока сейф не открыт.

– Золотые часы не носят на обрывке верёвки, – сказал полковник. – Ради десяти тысяч не взрывают стену банка.

– Причём тут часы? – насторожился Индио.

– Поговорка такая. Ну что, заключим контракт на пять тысяч?

– Пять тысяч, – сказал Индио и, подумав, протянул полковнику руку.

Полковник Мортимер быстрым лёгким движением коснулся её.

– Мне нужно время, – сказал он, отвернувшись к своему саквою и раскрывая его с громким щелчком замков. – Всё остальное у меня есть.

– Часа тебе хватит?

– Не знаю.

– Тебе раньше приходилось справляться с такими сейфами?

– С такими? Таких сейфов не существует, – сказал полковник Мортимер. – Он один такой. Не считая того, что стоит в Нью-Йорке. Но я справлялся с другими, и вполне успешно, смею заверить.

– Если ты такой умный, то что ты делаешь в нашей глухомани? – насмешливо спросил Индио. – Такие умники, вроде тебя, живут в больших городах.

– Правильно, – кивнул полковник. – Я и живу в большом городе. Но никогда не вскрываю в нём сейфы. Думаю, тебе не надо объяснять, почему.

– Мне ничего не надо объяснять, – раздражённо ответил Индио. – Пойдём, увидишь, с чем ты будешь иметь дело. Может быть, сразу откажешься...

О'Райли опередил их, выйдя из таверны. Полковник вышел вслед за ним, и бандиты, собравшиеся вокруг крыльца, повернулись к нему, встав полуколемном. Один из них вышел на середину, грозно держа руку на кобуре:

– Ну что, инженер, догадываешься, каким было последнее желание Дикаря? Ему очень хотелось поскорее встретиться с тобой. В аду!

Из-за спины полковника вышел Индио. Сходя с крыльца, он дружески похлопал разъярённого бандита по плечу:

– Не горячись, Грогги. Дикарь уже не вернётся. А сеньор инженер обещал нам помочь.

– Мне не нужна помощь того, кто убил моего друга!

– Значит, ты отказываешься от своих денег?

– Каких денег?

– Тех денег, которые лежат в сейфе? Тех денег, которые для нас достанет сеньор инженер? Отказываешься? Тогда можешь и дальше задирать приличного человека, – осуждающе произнёс Индио. – Сеньор инженер, вы хотели посмотреть сейф. Пойдёмте, я покажу его.

Полковник шагнул рядом с Индио по узким безлюдным улочкам, а остальные бандиты держались сзади, вполголоса переговариваясь. На окраине городка, во дворе придорожной гостиницы, стоял армейский фургон с белой провисающей крышей. Его задний борт был откинут, и в землю упирались спущенные из фургона два толстых бруса, между которыми были приделаны круглые поперечины. Полковник мысленно похвалил организаторов ограбления за техническую сметку: они использовали для погрузки неподъёмного сейфа роликовый трап.

Сейчас сейф лежал внутри сарая среди мешков с кукурузой и вязанок лука, дверцей кверху.

– Вот здесь и будете работать, – сказал Индио. – Вас тут никто не побеспокоит.

– Не думаю, что местным жителям надо знать, чем мы занимаемся, – заметил полковник.

– Сеньор инженер, не вам меня учить, как обращаться с местными жителями, – высокомерно ответил Индио. – Они здесь знают, в какую сторону можно смотреть, а в какую нельзя. На этом постоялом дворе нет никаких постояльцев, кроме нас. И хозяев тоже нет. Мы их попросили пожить пока у родственников.

– Хорошее место, – одобрил полковник, – Перейдём к делу. Ну и как вы собирались открывать этот сейф, если не секрет?

– Как обычно. Динамитом. Потому-то мы его сюда и поставили, чтобы после взрыва деньги далеко не разлетелись, – объяснил Индио.

– Понятно, – хмыкнул полковник, представив себе поиски денег среди обломков, кукурузных зёрен и давленного лука.

– Не подумайте плохого, сеньор инженер, – Индио почесал в затылке, – но только, мы вас тут закроем. Когда что понадобится, постучите в дверь, там будет стоять человек, он вам все принесёт. Или меня позовёт, а я разберусь.

Сейф был хорош... Полковник Мортимер с уважением обошёл блестящий даже в полумраке металлический ящик. Он достал набор реактивов и для начала постарался определить материал, из которого были изготовлены стенки сейфа. Обычно задняя стенка бывает тоньше остальных, и её можно просверлить, а потом вырезать – если она стальная. Но это была не простая сталь. Сейф был сделан из какого-то вязкого сплава, который не поддавался ни резке, ни сверлению. Создатели сейфа предусмотрели все, и между слоями сплава находились листы меди, чтобы отводить тепло, если злоумышленники попытаются разрезать сейф горелкой.

Полковник раскрыл складную лупу и присел, заглядывая в отверстия замка. В правой руке он держал карманное зеркальце и направлял солнечный зайчик внутрь замочных скважин. Потом запустил внутрь тонкое шило, пытаясь ощупать все впадинки и выступы механизма. Он помнил устройство цилиндрических замков фирмы «Брамах и Модели», которыми сам оснащал переносной сейф полковой казны, и полагал, что за прошедшие годы в замковом деле не произошло никаких технических переворотов. Во всяком случае, ещё никто не изобрёл таких сплавов, которые могли бы устоять против смеси азотной и соляной кислоты в пропорции один к трём.

Отправляясь из Эль Пасо, полковник Мортимер успел заглянуть в мастерские при железной дороге и взять напрокат необходимый инструмент. До сих пор ему не приходилось взламывать сейфы, но он полагал, что справится с этой задачей не хуже, чем Индио и его компаньоны. Хотя сейф, вывезенный из банка Моргана, мог бы поставить в тупик и подлинных профессионалов.

Полковник подошёл к двери сарая:

– Позови сюда Индио.

– Что, уже открыл? – радостно вскинулся бандит.

– Позови сюда Индио, – повторил полковник.

Индио явился в окружении почти всей банды.

– Ну, сеньор инженер, какие новости?

– Мне надо знать, как вы вывезли сейф из банка. Не падал ли он на пол? Может быть, вы били по нему молотком, или стреляли в него?

– Мы вывезли его нежно, как невесту! – заявил Индио, вызвав веселье публики. – А к чему такие вопросы, сеньор инженер?

– У этой конструкции есть свои особенности, – объяснил полковник. – Пока сейф неподвижен, его можно открыть ключами. Я это и собирался сделать прошлой ночью. Но если сейф подвергнется сотрясению, срабатывает система внутренней защиты, и

выдвигаются специальные запоры, после чего никакие ключи его не откроют. Это придумано специально на тот случай, если кто-то попытается вскрыть его силой, понятно?

– Понятно, – обескураженно произнёс Индио. – И что тогда?

– И тогда его надо везти обратно на завод, туда, где его изготовили. Только там его могут вскрыть.

Индио, не скрывая растерянности, почесал в затылке и повернулся к Грогги:

– Это ведь ты придумал стрелять по замку?

– Я? Да что ты его слушаешь? Всё это ерунда! Говорил я, надо динамитом обложить, и все! – выкрикнул Грогги.

– Ну, если у вас есть несколько вагонов динамита, – пожал плечами полковник, – то можно попробовать, хотя я не уверен в результате.

– Что вы предлагаете, сеньор инженер? – с угрозой в голосе спросил Индио. – Может быть, вернёмся в Эль Пасо? Приносим наши извинения, господа, не вы ли потеряли эту штучку?

– Всё, что закрыто человеком, может открыть другой человек, – заявил полковник. – И я открою сейф, Но мне нужно больше времени, чем я рассчитывал вначале.

– А вас никто и не торопит, сеньор инженер, – с видимым облегчением сказал Индио. – Куда нам торопиться?

– И ещё мне понадобятся помощники. Много помощников. Придётся сверлить. Каждый из вас по очереди будет сверлить дрелью в тех точках, которые я покажу. Чем быстрее вы будете это делать, тем раньше мы получим наши деньги. Ну, кто первый?

– Слим, начинай, – приказал Индио. – Тебя сменит Кучилло.

Полковник вернулся в сарай и приготовил ручную дрель. Сверло с карбидной головкой должно было справиться с заклёпками, тщательно скрытыми под полированными панелями.

Сверлить металл вручную – работа не самая лёгкая. Надо сохранять постоянное положение тела, и при этом не наваливаться на упор всем своим весом, а только давить на него с неизменным усилием. Да ещё крутить рукоятку, плавно, без рывков. И самое главное – не забывать, что сверло стоит полсотни долларов, как хороший бычок. Если кто сломает такое сверло, ему не жить.

Полковник не забывал инструктировать каждого из своих помощников, и они хорошо усваивали суть инструкции, судя по тому, как осторожно обращались с бесценным сверлом. Никто из них не выдерживал больше двадцати минут такой работы и охотно уступал инструмент следующему помощнику.

Дошла очередь и до О'Райли. Он примерился к дрели, словно к винчестеру, наклонился над сейфом, опираясь на него коленом, и вставил кончик сверла в едва намеченную лунку.

– Это всё, что они тут насверлили? – презрительно усмехнулся он. – Ну и работнички.

– Излишняя торопливость только навредит, – назидательно произнёс полковник, поливая сверло из маслёнки, где у него была специальная смесь.

Из-под сверла пошёл дымок, и вокруг лунки появился кружок слипшихся металлических крошек.

– Не спеши, мой мальчик, не спеши, – тихо проговорил полковник. – Помедленнее, помедленнее...

– Не могу, – пожаловался О'Райли. – Хотел бы замедлить, но не могу, руки не слушаются.

Через несколько часов работы полковник перезнакомился со всеми участниками банды. Конечно, он не стал сообщать, что многих из них знал заочно – по описаниям в полицейских участках.

Эрни «Слим» Бланк когда-то разыскивался всего лишь за подделку векселя. Кто бы узнал сейчас в этом заросшем бородой плешивом головорезе беглого неприметного клерка? Во время работы Слим несколько раз спросил у полковника, какие акции сейчас котируются в Нью-Йорке.

Нино, Хью и Кучилло тоже были известны полковнику как давние участники шайки

Индио. Нино сверлил молча, ежеминутно стирая пальцем мелкую стружку на краях лунки. Хью Польстер, по кличке «Скрипач», схватился за дрель с такой яростью, словно этот сейф нанёс ему личное оскорбление. Но уже на второй минуте оскорбление не казалось ему таким ужасным, а ещё через минуту он был готов сам просить прощения у неприступного сейфа, и сверло хоть и крутилось, но стружки не прибавляло. Полковнику хотелось прогнать его, но он не подавал виду, что замечает столь явный саботаж, и бедному Скрипачу пришлось как следует пропотеть.

Когда за дело взялся Аугусто Армандо Моралес, полковник понял, за что его называют Кучилло, что означает по-испански «нож». Вместо того, чтобы послушно склониться над сейфом и крутить рукоятку, Кучилло придирчиво осмотрел сверло, витиевато выругался и извлёк его из зажима дрели. В его кармане нашлось сразу несколько точильных камней, и среди них оказался один подходящий, мелкозернистый. У Кучилло и масло своё нашлось, и он по всем правилам токарного искусства заправил сверло своим камнем, после чего оно и в самом деле перестало скрипеть в лунке, да и работа пошла быстрее.

Конечно, и в банде Грогги попадались известные личности. Джонни «Клоп» Гриффит, например. Тысяча долларов, двойное убийство, округ Отеро. Остальные были помельче калибром, но и про них полковник хоть что-то, да слышал: Косой, Гомес и Сильва были конокрадами; братья Ники и Джеки значились в розыске очень далеко отсюда, в Иллинойсе; а Пабло, похоже, был тот самый Пабло Салинас, который в салунах расплачивался либо поддельными долларами, либо пулей.

Из их разговоров полковник понял, что между шайками была существенная разница. Люди Грогги называли людей Индио бандитами из-за того, что скитались из края в край и жили грабежами. А те, кто входил в шайку Грогги, были, по мнению бандитов, «землекопами», потому что вели оседлый образ жизни. Иногда даже устраивались на какие-то временные работы – под чужими именами. У некоторых, подумать только, были семьи.

Но сам полковник нашёл, что эти различия между двумя шайками абсолютно не заметны при сверлении сейфа. И бандиты, и землекопы одинаково быстро доходили до полного изнеможения, и с каждым разом все неохотнее заходили в сарай, когда наступала их очередь.

Только Грогги и сам Индио так и не взяли дрель в руки. Видимо, оба причисляли себя к породе природённых руководителей. Полковник сталкивался с такими и раньше. Некоторые из них носили бархатный цилиндр, некоторые – военный китель, но все они считали совершенно недопустимым для себя любой физический труд. Отказ от работы стоил им огромных душевных мук, но они терпеливо сносили их ради того, чтобы сохранить свою принадлежность к касте «природённых руководителей». Из этой касты беспощадно изгонялся тот, кто хотя бы однажды сделает что-то сам, а не заставит это сделать.

Бандиты все чаще уступали свою очередь друг другу под разными предложениями. Над сейфом бились уже только шестеро, потом четверо... Через восемнадцать часов непрерывной работы работников осталось только двое, и они не были ни бандитами, ни «землекопами». Полковник и О'Райли вместе смогли выбить последнюю заклёпку, и во все пятьдесят четыре отверстия была залита дымящаяся «аква регия», или «царская водка»³³. Прошли ещё несколько часов напряжённого ожидания, прежде чем полковник смог завести захваты в четыре угловых дырки, и О'Райли навалился всем телом на оглоблю, служившую рычагом. С жалобным скрежетом дверца сейфа стронулась с места. О'Райли повис на оглобле, поджав ноги, – и сейф распахнулся, издав звук выскочившей пробки.

Полковник Мортимер и О'Райли наклонились над ящиком, плотно набитым пачками купюр. Оба, взмокшие от непрерывной работы, в расстёгнутых сорочках с закатанными рукавами, в этом тёмном сарае под чадающей керосиновой лампой они были похожи на каких-

³³ «царская водка» – смесь кислот, растворяющая даже такие стойкие к химическому воздействию металлы, как золото и платина.

то мастеровых, закончивших долгий труд.

О'Райли устало провёл тыльной стороной ладони по лбу.

– Все... Сколько же здесь?

– Какая разница... – полковник вытянул одну пачку. – Тысячные «зелёные спинки»³⁴...

– Да здесь и вправду на миллион потянет, – недоверчиво проговорил О'Райли, выдернув из другой пачки банкноту и разглядывая её на свет. – Никогда не видел настоящих тысячных.

Внезапно дверь сарая распахнулась, громко ударив об стенку, и в темноте прозвучал резкий голос Индио:

– И никогда больше не увидишь! Положите деньги на место! И отойдите от сейфа!

РАСПЯТЫЕ ПРОПОВЕДНИКИ

«Могло быть и хуже», думал О'Райли, стараясь спиной нащупать на дощатой стене какую-нибудь неровность, чтобы зацепиться за неё и хоть немного унять резь в руках. Его распяли на стене, привязав руки к потолочной балке. Поначалу он и не ощутил никаких неудобств, но уже через пять минут заныли плечи, а потом стало резать запястья, схваченные верёвкой. «Могли ведь и на куски разорвать, когда Индио крикнул, что мы украли их деньги...» О'Райли сплюнул на край рубахи и остался доволен – слюна была уже почти без крови.

Один на один он бы в порошок растёр каждого, начиная с Нино. Но его взяли в круг, и он не смог вырваться. Полковника дубасили рядом, но тот и не сопротивлялся, только уклонялся, сколько мог, потом свалился, сжавшись калачиком, и его долго пинали. О'Райли в конце концов повалился рядом, и полковник успел прохрипеть: «Руки! Береги руки!», и снова закрыл лицо локтями. Теперь полковник висел рядом. Ему пришлось хуже, его подвесили за руки, связанные прямо над головой, и опереться было не на что, он висел, касаясь земли только носками сапог.

О'Райли заметил сбоку округлый чурбак и ногой начал подталкивать его к полковнику. Примерился и пнул, и чурбак перекатился как раз к сапогу. Полковник подтянул его ближе и встал на него обеими ногами.

– Спасибо, мой мальчик.

– Полковник, давно хотел у вас спросить... Чего ради вы ввязались во всё это дерьмо? Вы же богатый человек. Не рассказывайте мне сказки о том, что вас разорили. У вас земля в Каролине, огромная семья, друзья-генералы...

– Я мог бы и тебе задать такой же вопрос.

– И задайте, – обрадовался О'Райли. – Рад буду ответить. Можете вы предложить простому ирландцу более прибыльное занятие? Когда я отслужил в армии и ехал обратно в Техас, я в каждом более-менее приличном городе интересовался насчёт работы. И везде видел таблички: «Ирландцы не принимаются». Я не в обиде. Это очень правильные таблички. Нечего нам делать в этих городах. Наше место здесь, в прерии. Но вы-то из другого теста, полковник.

– Считай, что мне нравится это дело.

³⁴ «Зелёные спинки», или «грин бакс» – так в обиходе называли бумажные доллары, достоинством от 1 до 1000, выпущенные правительством США во время Гражданской войны, чтобы покрыть военные расходы. Предполагалось, что это временная мера, и эти банкноты, одна сторона которых была зелёной, должны были быть изъяты после войны. Но население, в основном фермеры, снабжавшие армию Севера, отказались сдать полученные «зелёные спинки», и эти временные доллары так и остались в обороте, а «старые» одноцветные доллары с номиналом до 10 000, были постепенно вытеснены.

– Нравится убивать?

– Наводить порядок.

– Так вы, полковник, борец за справедливость?

– Нет никакой справедливости, мой мальчик, – ответил полковник. – Справедливость у каждого своя, поэтому её и нет. А порядок для всех один. Он либо есть, либо должен быть.

О'Райли всегда не нравилось само слово «порядок». Было в нём какое-то насилие. Ему по душе были другие слова: свобода, независимость, или, к примеру, удача. Но сейчас он понял, что всю жизнь подразумевал под этим словом вмешательство в свою жизнь. А ведь можно и самому установить порядок. И тогда это слово становится вполне приемлемым.

Он горько усмехнулся:

– Да, теперь у нас полный порядок. Ну что, полковник, вам не кажется, что мы слишком много сделали для Индио?

– Ты о чём?

– Позволили ему ограбить банк, помогли открыть сейф. Что бы он делал без нас?

– Извини, я сейчас думал совсем о другом, – сказал полковник. – Без нас?

– Я вот думаю, знаете, почему мы ещё живы? Потому что без нас он и не сообразит, что делать с такими деньгами.

– С такими деньгами... – полковник облизал запёкшиеся разбитые губы и откашлялся. – С такими деньгами они никуда не смогут сунуться. Сейчас всем уже известно, что из банка похищен сейф с крупными банкнотами, и любой, кто предъявит к оплате хотя бы сотенную, тут же попадёт за решётку. Значит, им придётся выжидать, пока шум не утихнет. Или перебираться подальше отсюда. А это тоже непросто.

– Это вы так рассуждаете, – скептически заметил О'Райли. – А они не рассуждают. Они завтра пойдут в ближайший притон, сунут хозяину пятисотку, и все будут довольны. Хозяин не выдаст выгодных клиентов.

– Может быть... А ты уверен, что хозяина никто не выдаст?

– Кто?

– Да любая из его девиц, – проговорил полковник, поудобнее пристраивая ноги на чурбаке. – А раньше всех девиц в полицию прибежит жена, чтобы донести на мужа, и получить свой процент. Не забывай, мой мальчик, здесь, на Западе, ничего не скроешь. Это прозрачный мир.

О'Райли первый раз в жизни не хотелось спорить. Он намеревался спокойно поддерживать беседу, чтобы отвлечься от боли в руках, но как тут промолчишь, если собеседник ни черта не смыслит в жизни на Западе?

– Прозрачный? Да где вы тут видели хоть что-нибудь прозрачное? Здесь даже стаканы, и те мутные. Если бы этот мир был прозрачным, здесь жили бы только ангелы. Если ничего не сделать тайком, не украсть, не убить – пришлось бы жить строго по Заповедям. Нет, полковник, здесь у нас глубокая ночь, без луны, и ни одной звезды не видно, да ещё тучи низкие. В такой темноте можно творить всё, что хочешь. Вот потому-то здесь и крадут, и убивают, и все обо всём знают, и ничего не делают.

– В том-то и беда, что ничего не делают, – сказал полковник. – Но не будем всех мазать одной краской. Кто-то пытается делать. Вот мы с тобой, например. Не сочти за похвальбу, но я только в одном Техасе убрал семерых. Троих в Нью-Мексико. Двоих в Миссисипи. А сколько на твоём счету?

О'Райли посмотрел в потолок, шевеля губами.

– Двадцать две тысячи долларов, – сосчитал он, наконец. – Мог бы получить и больше, если бы мне засчитали всех, кого я прибил. Знаете, как бывает. Следишь за ним, следишь, потом сходишься, он на тебя кидается и получает своё. А в участке тебе говорят, что это совсем не тот парень, за которого обещали деньги. И ничего им не докажешь, потому что он лежит рядом и молчит, а на лбу у него не написано, что он – тот самый. Я вот думаю, что надо бы всех преступников клеймить, как телят на ранчо. Всё равно он уже никогда не будет нормальным человеком, а зато у нас бы меньше было проблем. А, полковник?

– Двадцать две тысячи? Да ты богач...

О'Райли зацепился краем каблука за какой-то выступ на стене и смог приподняться. Боль в руках немного утихла, и он блаженно вздохнул:

– Ох, как хорошо-то... Богач, говорите? Если б они у меня были, эти тысячи... Сами знаете, одинокая жизнь, большие расходы. Дал знакомой семье в долг, они отправились в Калифорнию, да и пропали. Что ещё? Ну, есть у меня счёт в банке...

– Надеюсь... – полковник засмеялся, но тут же смех его перешёл в надрывный кашель. – Надеюсь, не в Эль Пасо?

– Нет, я выбрал более надёжное место, – засмеялся в ответ О'Райли.

Он почувствовал, что доска под каблуком прогибается, и надавил на неё посильнее. Дерево со скрипом подалось назад, и под ногами О'Райли образовалась вполне удобная щель в стене, на которую он и оперся. Ему даже стало неудобно перед полковником, который никак не мог облегчить своё положение. И он снова заговорил с ним, надеясь разговором отвлечь от мучительной боли.

– А у вас никогда не было таких промашек, полковник? Вы всегда точно знали, что обращаетесь по адресу?

– Я... Я старался, – не сразу ответил полковник. – Но тебе, мой мальчик, могу сказать. Были промашки, как ты говоришь, были. Но каяться не в чём. Если некто заявляет, что он, к примеру, Эль Индио, то с чужим именем он навлекает на себя и чужую ответственность, не так ли?

– Ага, полковник, значит, вы за этим Индио не первый день гоняетесь? Хотите заработать много и быстро?

– Как и ты, – сказал полковник. И даже не видя его лица в темноте, О'Райли понял, что он улыбается.

– Но знаешь, ты прав в одном. Их надо как-то метить. Я помню, какая история приключилась с китайцами на железной дороге... Для наших инженеров они были все на одно лицо. И китайцы этим пользовались, По крайней мере, пытались пользоваться. В день выдачи зарплаты некоторые из них подходили к кассиру по нескольку раз и называли чужие имена. Ву, Чан, Ляо... А потом приходили настоящие Ву с Чаном и Ляо, а денег уже нет...

– Надо было назначить одного китайца помощником кассира, – сказал О'Райли, когда ему показалось, что полковник молчит слишком долго.

– Я до этого не додумался, – признался полковник. – Но я подсказал инженерам другой способ. В ведомостях при получении денег всем рабочим приказали не расписываться, а ставить отпечаток большого пальца. Мазали палец чернилами и прикладывали в графу вместо подписи. А чернила смыть трудно, так что по второму кругу уже никто не приходил.

– Чернила можно смыть хорошим виски, я сам видел, как у нас в канцелярии писаря чистили свои обшлага, – заявил О'Райли. – Конечно, на стройке никто не позволит переводить виски на такое дело. Так что это вы здорово придумали, полковник. А это правда, что у каждого человека на большом пальце есть рисунок, который не повторяется у других людей? Это было бы здорово.

– Это было бы слишком просто, – ответил полковник. – Тогда в каждом полицейском участке просто была бы коллекция отпечатков пальцев всех преступников. Но раз такой коллекции нет, значит, все это сказки. Вроде того, что в глазах покойника сохраняется отпечаток лица убийцы. Сколько раз я ни заглядывал в эти глаза, ничего там не увидел, кроме остановившегося зрачка.

О'Райли захотелось посмотреть на свой большой палец, но верёвки на запястьях напомнили ему о его бедственном положении, и он отложил решение этой загадки до лучших времён.

– Так что вы скажете насчёт моей идеи? – спросил он. – Будем клеймить плохих парней?

– Зачем?

– Чтобы потом не было лишних разговоров, когда предъявляешь тело шерифу.

Заказывали Джона Смита с клеймом, к примеру, «НН» или «ЕЁ»? Так получите, и рассчитаемся.

— Не знаю, — подумав, ответил полковник. — Некоторых можно опознать по татуировкам, которые они сами себе наносят. Но, наверно, фотография лучше клейма.

— Не скажите, полковник, — замотал головой О'Райли. — Не лучше. Видел я эти фотографии. Все мексиканцы получаются на одно лицо. А негра пробовали снимать на фото? Пусть даже и не пробуют. И потом, их же фотографируют в тюрьме. А знаете, как на свободе люди меняются? Нет, полковник, лучше клейма вы ничего не предложите. Его чётко видно и на белой, и на чёрной коже. И с годами оно не меняется. Так-то вот.

— Ну, это не новая идея, — сказал полковник. — Во многих странах ставили клеймо каторжникам. Потом отказались от этой затеи. Клеймо унижает человеческое достоинство. Тюрьма нужна не для того, чтобы наказывать, а для того, чтобы исправлять. А клеймо не смоешь. В результате человек выходит на свободу исправленным, но с клеймом.

— Подумаешь, проблема! Поставить второе клеймо. Первое клеймо означает, что он гад, второе — что он исправленный гад.

— Вот-вот, — сказал полковник. — Именно с этим общество и борется. Человек — это не гад. Он может совершать ошибки, может грешить, но он всё равно остаётся человеком. Вершиной творения.

— Вы это серьёзно? — недоверчиво спросил О'Райли.

— Это не я. Это общество так думает.

— Повисело бы это общество сейчас рядом с нами, полковник. Наверно, иначе заговорило бы.

— Ещё повисит, — сказал полковник. — Ещё заговорит иначе. Всему своё время.

Пока он говорил, О'Райли выдавил наружу ещё одну доску, на этот раз под локтем. Теперь он мог опереться не только ногами, но и согнутой рукой. Ему казалось очень важным, что это была именно правая рука. Он надеялся, что скоро для правой руки найдётся достойное занятие, и ему хотелось, чтобы к этому времени она была в полном порядке. Левую хоть с корнем оторвите, но правую оставьте. И не забудьте вложить в неё кольт, попросил он.

Полковник замолчал, и О'Райли, не дождавшись продолжения фразы, обеспокоенно спросил:

— Полковник... Эй, полковник! А вы-то сами как думаете? Ну, насчёт вершины творения?

— Что?... Думаю, что так и есть. Человек — это лучшее из созданий. Достаточно вспомнить, по какому образцу он был изготовлен. Но вот вопрос — кого считать человеком? Знаешь, мой мальчик, есть собаки, лошади и даже крысы, которые ведут себя вполне по-человечески. Они тебя понимают, ты их понимаешь, они тебе служат, ты отвечаешь им заботой. И есть люди, которые ведут себя... — полковник снова закашлялся, отхаркивая сгустки крови, — которые ведут себя хуже зверей. Вот тебе и ответ. Человек создан, чтобы из хаоса творить порядок. Вначале ведь был хаос. Потом началось творение. Поскольку рыбы, птицы и звери не справлялись с хаосом, был создан человек. Человек творит, понимаешь? Не просто размножается, а строит дороги, города, мосты. Лечит больных, учит неграмотных. Несёт Слово Божье...

Полковник снова надолго замолчал, тяжело дыша, и его дыхание становилось всё медленнее.

— Эй, полковник, — окликнул его О'Райли. — Не спите, полковник, а то руки оторвутся. Когда висишь на руках, самое главное не расслабляться. Плечевой сустав, он ведь слабый, старайтесь перенести нагрузку на мышцы. Вы меня слышите?

— Да-да, не беспокойся, — успокоил его полковник. — У меня шла кровь горлом, но, кажется, перестала... Так вот. Те, кого мы с тобой отправили в могилу, это были не люди. Они предали замысел создателя, переметнулись в армию его главного врага, главного предателя. А с предателями в любой армии разговор короткий.

– Здорово у вас получается, – сказал О'Райли. – Я вот и сам иногда задумывался. Ну почему меня совесть ну ни капельки не мучает? Иногда даже страх берёт, может, я уже свихнулся? Почему мне их не жалко убивать? А вроде бы даже приятно? Вроде бы им же от этого лучше будет, если я их побыстрее отправлю на тот свет. Честно скажу, полковник, думал, что это у меня в мозгах такое помрачение. А, оказывается, я не убил ни одного человека... Вы, полковник, не собираетесь проповедовать, когда на покой решите уйти?

– А я и так проповедую, – ответил полковник. – Да и ты проповедник неплохой.

– Может, нам на пару выступать? – предложил О'Райли.

– А разве мы не партнёры? Наш договор остаётся в силе, – сказал полковник. – Пятьдесят на пятьдесят.

О'Райли собирался спросить, будут ли они продавать билеты на свои проповеди, но вдруг почувствовал за спиной какое-то движение и дёрнулся, пытаясь обернуться. Резкая боль в руках напомнила ему, что он связан и висит на стене сарая, и что за его спиной всего лишь голые доски. Но он больше доверял своей спине, чем верёвкам. Ирландец изогнулся и вытянул шею, как гусь, заглядывая в щель между досками, там где был его правый локоть.

Он увидел уголок двора в отблесках костра. Чья-то тень метнулась по земле перед щелью, послышался шорох. Что-то скреблось и шуршало, как большая крыса. О'Райли отвёл глаза чуть в сторону – в темноте иногда лучше работает боковое зрение – и увидел, что какой-то человек стоит на коленях перед кучей мусора, насыпанной вплотную к задней стенке сарая. Вот он встал, отряхивая руки, и бесшумно скользнул в темноту. Но прежде, чем он исчез, неверный отблеск огня на секунду высветил его лицо. Это был Индио.

ДЕЛЁЖКА

Индио бережно пересчитал пачки долларов, укладывая их в свою седельную сумку. Грогги сидел рядом и прикладывал мокрую тряпку к разбитым пальцам.

– Чертовы подонки, – ругался он вполголоса. – Все руки об них отбил. Индио, не понимаю я тебя... Почему ты их сразу не пристрелил?

– Все бы тебе стрелять, Грогги, все бы тебе стрелять... Пристрелить нетрудно, – сказал Индио. – Пристрелить их мы всегда успеем. Но сначала надо выбрать подходящее время и место.

– Ну и чем тебе не нравится это место?

– А ты подумай сам, – Индио оглядел пустой двор в отсветах низкого костра. – Какая нам польза от того, что здесь после нас останутся гнить два трупа?

– Но и вреда от них не будет никакого. А пока они живы, всякое может случиться, – сказал Грогги и тоже огляделся. – Чёрт его знает, может, у них тут друзья...

Индио тщательно зашнуровал сумку и уложил её под свой тюфяк. Грогги с недовольным видом проследил за сумкой с деньгами, которые, как он полагал, давно пора было разделить между всеми. Конечно, Индио прав, с такими бумажками здесь никуда не сунешься, тем более сейчас, когда все только и говорят об ограблении. Прав Индио, прав, надо выждать с недельку, другую. И убраться надо отсюда подальше, в Новый Орлеан хотя бы. Вот где никто не спросит, откуда у тебя такие деньги! Индио прав, но всё же спокойней, если каждый получит свою долю, пусть и крупными купюрами.

– Эти двое... – Грогги потёр руку. – Как у них только наглости хватило явиться сюда? Нет, Индио, наверняка их друзья шатаются где-то рядом. Помнишь того типа с маузером? Тоже, наверняка, из их компании.

– Их друзья не здесь, – сказал Индио. – Их друзья сейчас носятся вдоль границы, ищут наши следы. А мы спокойно сидим здесь, как у себя дома.

– Но я не собираюсь тут сидеть до зимы!

– Я тоже, брат, я тоже... – Индио сел рядом и продолжил, понизив голос: – Нам надо выждать хотя бы ещё день. А потом мы уйдём отсюда.

– А эти? – Грогги кивнул в сторону сарая.

– А эти поедут с нами до развилки. Там мы их и оставим, на северной дороге. Сами уйдём по южной. А теперь скажи мне, брат, что подумает шериф, когда увидит трупы своих людей и найдёт у них в карманах деньги из банка?

Индио похлопал Грогги по коленке, заговорщицки подмигивая и улыбаясь. Грогги тоже улыбнулся с понимающим видом:

– Ну, Индио, недаром за тебя дают десять тысяч... да за такую голову и ста тысяч мало. Ловко ты придумал. Так ты что, заранее знал, что это друзья шерифа?

– Я таких с первого взгляда различаю, – с презрительной улыбкой сказал Индио. – Неудачники. Только и мечтают, чтобы накопить денег, купить клочок земли, да и зарыть в нём всю свою жизнь. Такие недостойны жить, брат. За жизнь надо драться, надо рвать врага зубами. А не в земле ковыряться. Верно, брат? А теперь пошли спать. Завтра нам предстоит длинный переход.

Индио улёгся на тюфяк, переложив сумку с деньгами себе под голову. Грогги ещё посидел рядом, не сводя жадного взгляда с туго набитой сумки. Наконец он встал с тяжёлым вздохом и отправился спать в свой угол.

Как только шаги стихли, Индио поднял голову и огляделся. Через открытую дверь он видел во дворе костёр, у которого сидел Слим, стороживший пленников, подвешенных в сарае.

Индио щёлкнул пальцами, и из темноты к нему придвинулась огромная тень. Оказывается, Нино всё это время стоял за выступом стены. Он наклонился к Индио, и тот сказал ему только одно слово: «Пора...»

Бесшумно ступая, Нино прошёл вдоль стены, вглядываясь в лица спящих бандитов. Вот он остановился, наклонился над одним из них, что-то забрал и двинулся дальше. Так же бесшумно он вышел во двор и подобрался к костру. Но чуткий Слим не спал. Он обернулся и сказал:

– Это ты, Нино? Посиди рядом, если тебе не спится. Знаешь, у меня все не идёт из головы, как же мы разделим деньги на всех?

Нино остался у него за спиной, и Слим поднялся с земли, чтобы встать рядом.

– Конечно, поровну делить нельзя, – вслух размышлял Слим. – У Индио своя, отдельная часть. Это ясно. Допустим, Грогги тоже не ровня нам с тобой. Пусть он забирает свою часть, поменьше, чем у Индио, но побольше, чем у нас. Я даже так думаю: пусть они оба забирают себе половину. Но всё равно на нас на всех получается пятьсот тысяч. Это много, этого хватит надолго. Можно, целый год ничего не делать. Но нас одиннадцать. Вот было бы нас десять, тогда всё понятно, каждому по пятьдесят тысяч. Но нас одиннадцать. Это плохой знак, Нино.

Слим поворошил палкой в костре, и с недовольным треском в чёрное небо взвился фонтанчик искр.

– Но я уже придумал, как это поправить, – сказал он. – Надо оставить нам на всех пятьсот пятьдесят тысяч. Делим на одиннадцать, получается каждому ровно пятьдесят тысяч. А остальное пускай делят между собой Индио и Грогги. А, Нино, что ты на это скажешь?

– Я на это скажу, что Индио уже все решил, – прогудел Нино.

– Что он решил?

– Он решил, что тебе пора сдохнуть, – сказал Нино и воткнул Слиму нож под левое ребро.

– А? А-а-а? – изумлённо произнёс Слим, опадая в объятия друга.

– Тихо, тихо, – попросил его Нино. Он держал Слима под мышками, пока тот не перестал вздрагивать. Потом отволоч в сторону от костра и аккуратно уложил на правый бок.

На рукоятке ножа, торчащего из раны, подрагивал отблеск костра.

Нино осторожно, без скрипа открыл дверь сарая, прервав тихий разговор подвешенных пленников. Не говоря ни слова, подошёл сначала к инженеру и длинным тесаком перерубил верёвку, потом освободил ирландца. Они свалились на землю и с трудом смогли подняться, сбрасывая с запястий остатки верёвки. Нино направил на них свой револьвер, и оба пленника

застыли. Но он не собирался их убивать. Он сказал:

– Индио приказал вас отпустить. Без лишнего шума.

Он снял с плеча сумку и бросил её ирландцу.

– Держи. Там ваши пушки. И деньги. Каждому по тысяче. Ну, что уставились? Бегите отсюда, пока все спят. И больше не попадайтесь.

Полковник и О'Райли переглянулись и один за другим кинулись прочь из сарая. Нино, покачивая головой, вышел следом. Он услышал, как где-то за домами коротко заржала лошадь, и удовлетворённо кивнул.

Индио подошёл к нему, зябко кутаясь в одеяло.

– Видишь, какие хитрецы. Они даже лошадей своих оставили не рядом с нами, – сказал он. – Иди, позови Кучилло.

– Сейчас позову, – сказал Нино, не трогаясь с места.

– Что ты?

– Ты не любишь, когда я спрашиваю лишнее...

– Ладно, спроси, – разрешил Индио.

– Зачем мы это делаем?

– Нино, Нино... – Индио постучал его по груди. – Ты знаешь, кто такой этот ирландец? Он вовсе не честный разбойник, как мы с тобой. Он наёмный убийца. У него весь кольт в зарубках. А этот инженер? Ты сам видел, как он уложил Дикаря. Вот как раз тогда, когда вы понесли Дикаря ногами вперёд, у меня появилась идея. Простая идея, Нино. Ну вот, подумал я, одним дольщиком меньше. И тут меня как огнём обожгло. А зачем я должен с ними делиться? Мы с тобой шли к такой добыче всю жизнь, у нас ничего нет. А эти бездельники? У них у всех есть свой дом, они даже работают иногда, и собираются только тогда, когда Грогги находит для них дело. А сейчас им даже искать не пришлось, мы все за них сделали, так зачем мне с ними делиться, Нино? Ты, да я, да Санчо – вот и всё. Эти деньги только наши. Согласен?

– Да это я понимаю, – закивал Нино. – Но зачем было отпускать ирландца с инженером? Они могут нас выдать.

– Ничего ты не понял, – засмеялся Индио. – Они не успеют нас выдать. Они нашли своих коней, значит, нашли патроны. А стреляют они лучше нас с тобой, понимаешь?

– Теперь понимаю, – ответил Нино.

– Ну так иди, зови сюда Кучилло, – поторопил его Индио.

Нино ушёл в дом, а Индио присел над трупом Слима. Он сидел на корточках, обхватив руками голову. Когда послышались неуверенные шаги, он поднял лицо, и оно было мокрым от слёз.

Кучилло остановился перед ним и наклонился над трупом:

– Это... кто? Слим...

– Верно, амиго, – прошептал Индио.

– Кто его...

– Не знаю. Посмотри, чей это нож?

– Нож? – Кучилло растерянно схватился за пояс, потом снова наклонился над трупом. – Ну да, это мой нож... Ничего не понимаю...

– Вот и я тоже не понимаю, – Индио снова обхватил голову руками. – Ничего не понимаю...

– Да ты что! – Кучилло упал на колени рядом с ним. – Я? Я не убивал его! Не мог я его убить!

– А кто мог?

– Только не я! Это же Слим, мы же с ним, как братья! Индио... Все видели, я спал, когда его убили!

– А откуда ты знаешь, когда его убили, амиго? – Индио встал, кутаясь в одеяло, и повернулся спиной к стоящему на коленях Кучилло. – Знаешь, кто видел, что ты спал? Только Слим...

– Не я... Не я... – заикаясь, твердил Кучилло.

– Хорошо, я тебе верю, амиго, – сказал Индио мягко. – В конюшне не хватает одной лошади. Может, она отвязалась? Приведи её. Хватит с нас и одной пропажи...

– Лошадь? Сейчас, Индио!

Кучилло вскочил и кинулся через двор к воротам. Индио выпростал руку из-под накинутого одеяла, и револьвер в его руке блеснул длинным стволом. Он прицелился в спину убегающему приятелю, и как только тот добежал до ворот, нажал на спуск.

Грохот выстрела многократно отразился от каменных стен. Кучилло свалился у самых ворот, вытянув руки вперёд, словно пытаясь зацепиться за что-то. Но ему не за что было ухватиться, и пальцы его только пробороzdили в земле несколько полосок и сжались в кулак...

Где-то рядом всполошились вороны и, громко каркая, закружились в темноте над двором. Индио услышал встревоженные голоса, сбросил одеяло и подбежал к упавшему Кучилло. Тот ещё что-то мычал, и Индио выстрелил ему в спину, потом ещё, и ещё. Грогги схватил его за руку, оттаскивая от трупa.

– Что стряслось? За что ты его!

– Кучилло! Он был нам как брат! Смотрите, что он наделал! – истерически рыдая, Индио выбежал на середину двора и остановился у костра. – Вон там лежит Слим! Он убил его! Сарай раскрыт, и те двое сбежали! Это он выпустил их! Он хотел украсть наши деньги и сбежать! Кучилло, зачем! Зачем ты пошёл на это, Кучилло!

– Ладно, ладно, – Грогги потряс его за плечо. – Деньги целы?

– Да! Наши деньги целы! – Индио, шатаясь, как пьяный, ходил вокруг костра и размахивал кольтом. – Но эти двое! Они приведут сюда целую армию! Их надо догнать! Пока не поздно! Грогги! Хью! Коня мне! Догнать! Убить! Разорвать на куски!

Нино подвёл к нему коня, но Индио в ярости упал на землю и принялся молотить по ней кулаками.

– Индио, успокойся, – Грогги присел рядом с ним на корточки. – Они не могли уйти далеко. Смотри, уже светает. Когда солнце взойдёт, я положу вот здесь, у костра, их головы. Только покажи мне деньги.

– Ты же видел, где они лежат...

Грогги подошёл к тюфяку Индио, откинул его и несколько секунд молча смотрел перед собой.

– Индио, – позвал он, не оборачиваясь. – Покажи мне деньги.

– Догнать! Разорвать! – выкрикивал Индио слабым голосом, выплёвывая песок.

– Покажи мне деньги! – закричал Грогги. – Осел! Эти подонки вытащили их из-под тебя!

БЕГЛЕЦЫ ИГРАЮТ В ПРЯТКИ

Взлетев в седло, О'Райли оглянулся, чтобы посмотреть, как сядет на коня полковник. Но тот сначала вытащил из гнезда седельной сумки свой винчестер, потом загнал патроны в барабан кольца и только после этого вставил ногу в стремя и ухватился за луку седла. О'Райли услышал, как полковник вполголоса коротко выругался – преодолевая боль в плечах. У него и самого горело под мышками, а полковнику наверняка было ещё хуже.

– Готовы? Не свалитесь по дороге? – прошептал О'Райли.

– Как ты заботлив, мой мальчик, – откашлявшись, ответил полковник. – Но позаботься лучше о себе.

– Тише, – попросил О'Райли, прикладывая палец к губам.

Ему не верилось, что бандиты выпустили их из сарая просто так. Наверняка за этим что-то кроется. Но пока он не знал, чего от них ещё ждать, и поэтому старался быть

незаметным. Полковник, однако, о скрытности не заботился.

– Некогда прятаться, – резко ответил он и пришпорил коня.

О'Райли пришлось его догонять. Они помчались, что называется, с места в карьер. Цокот копыт отражался от каменных заборов, и разбуженные собаки хриплым лаем провожали их. Вырвавшись за окраину, О'Райли остановился. Что бы там ни задумали бандиты, у него своя голова на плечах. На этот раз он все сделает по-своему. Он от них просто так не отстанет.

– Прощайте, полковник, – сказал О'Райли. – Думаю, вы найдёте обратную дорогу. Ночь лунная, к тому же скоро рассвет.

– Предпочитаю путешествовать при свете солнца, – сказал полковник, поглаживая шею коня, переступавшего с ноги на ногу и недовольного тем, что его остановили.

– Надо было предупредить Индию о ваших вкусах. Тогда бы он не поднял нас среди ночи. И всё же я советую не задерживаться здесь. Мне почему-то кажется, что скоро на этой дороге появится неприятная компания.

– О, ты растёшь в моих глазах, – сказал полковник. – Начинаешь думать за противника. Всё верно, мой мальчик. Индию хочет использовать нас до конца. Мы достали ему деньги из сейфа, а теперь он хочет, чтобы мы избавили его от проблем с делёжкой.

– Я избавлю его от всех проблем, – сказал О'Райли. – Причём навсегда. Если вы не будете вмешиваться со своими планами и приказами.

– Приказами? – полковник усмехнулся. – Как давно я не отдавал приказов... Знаешь, здесь не лучшее место для споров. Дальше у дороги есть отличное местечко, пересохший ручей. Там можно переночевать.

– Видел я ваш ручей, – сказал О'Райли. – А как вы относитесь к змеям?

– Не отказался бы от хорошего жареного удава.

– Ваш конь тоже так думает?

– Он не будет шуметь, если тебя это интересует.

– Тогда вперёд, – О'Райли свернул на тропинку, ведущую к зарослям сухого тростника.

Они успели добраться до русла ручья, когда со стороны дороги послышался топот множества копыт.

– Вот и погоня, – прошептал полковник, – Плохо, что мы не могли их сосчитать.

– Интересно, – ответил О'Райли, – сколько времени они будут гнаться за нами?

– Пока не рассветёт, – сказал полковник. – Сейчас они ещё не видят, что впереди никого нет, но скоро станет светлее. У нас есть полчаса, мы ещё можем уехать отсюда. По этому руслу ты выйдешь к реке, дальше будет мост и дорога на Сан-Антонио.

– Мне кажется, что вы задумали то же, что и я, – произнёс О'Райли. – Давайте без церемоний, полковник. Вы хотите вернуться?

– Не хочу, но вернусь.

– Тогда не будем тратить время. Видели на окраине дом у колодца? Он пустой. Переночуем там, а утром встретим гостей. Даже Индию в конце концов сообразит, что мы не убежали, а остались где-то рядом. А если не сообразит, мы ему подскажем.

Они оставили лошадей в русле ручья, накинув поводья на стебли тростника. Здесь ещё оставалось немного травы, наверно, и струйка воды найдётся где-нибудь между камней.

Забравшись в покинутый дом через окно, они в первую очередь принялись готовить оружие. Потом поели вяленого мяса, которое О'Райли прихватил из своей седельной сумки. Выпили по глотку виски, которое нашлось в сумке полковника. Времени на сон не осталось. Как только сквозь щели в ставнях пробились первые нити солнечных лучей, на улице послышался конский топот.

Бандиты проскакали мимо дома. Прильнув к дырке в ставне, О'Райли пересчитал их и показал полковнику восемь пальцев.

Полковник кивнул и по тухлявой лестнице полез на крышу дома. А О'Райли распахнул окно и выбрался наружу. Он встал на крыльце, глядя, как всадники остановились у поворота и сбились в круг, рассматривая что-то, лежащее на земле.

Он знал, куда сейчас были устремлены их глаза, потому что ловушку приготовил он сам. В пыли на дороге лежал листок бумаги, придавленный парой конских яблок. А на листке красовался неуловимый и ужасный разбойник Эль Индио. Конечно, бандитам приходилось видеть такие плакаты и раньше. Но никогда ещё они не видели, чтобы за голову их вожака предлагалась такая цена.

«Разыскивается! Бежавший из тюрьмы! Фредерик „Эль Индио“ Гривс! Живой или мёртвый! Вознаграждение — 1 доллар!!!»

Кто-то из бандитов, наконец, оглянулся и заметил О'Райли. Он стоял, опираясь спиной на дверь покинутого дома, широко расставив ноги и презрительно скрестив руки на груди. Неизменный огрызок сигары дымился в уголке рта.

Бандиты засвистели, заулюлюкали и, развернув лошадей, поскакали к нему.

— Эй, полковник, вы там не заснули? — проговорил О'Райли, словно полковник стоял рядом.

Он выждал ещё секунду, и когда первый всадник поравнялся с кучей мусора под забором, вскинул винчестер, висевший под накидкой. Его выстрел слился с выстрелами полковника, которые раздались с крыши.

Две передние лошади на всём скаку повалились в пыль, остальные сбились в кучу и остановились. Стена густой пыли выросла вдруг, заполнив узкую улицу, и О'Райли отскочил в сторону. Он надеялся, что никто не успел разглядеть, как он спрятался за колодец.

Когда пыль немного осела, ему стало видно, что на улице остались только лошади, а бандиты исчезли. Это были опытные бойцы. Они знали, как мало шансов у всадника в перестрелке с пешим, особенно когда тот стреляет из укрытия. Они спрятались за домами и заборами, чтобы незаметно окружить дерзких беглецов, которые, оказывается, никуда и не убегали, а спрятались в заброшенном доме, надеясь выдержать осаду.

О'Райли с детства не любил играть в прятки. Наверно, потому, что он был самым маленьким и несмышлёным среди детей, живших на ферме, и его всегда ловили первым. Он и сейчас не очень-то прятался. Да и куда спрячешь свои шесть с половиной футов? Нет, пускай прячутся другие, решил он, а я иду искать.

Ночью они с полковником успели осмотреть местность, и сейчас О'Райли знал, куда кинулись бандиты, укрываясь от огня полковника с крыши. Он пригнулся, шагая вдоль забора. Не доходя до угла, остановился и выпрямился. Ему всё-таки пришлось приподняться на цыпочки, чтобы выглянуть поверх забора. Так и есть — парочка бандитов уже пристроилась у низкого забора с зубчатым краем. Они стояли на коленях, уложив винтовки между высокими зубцами, словно в амбразуру.

— Вы здорово устроились, — сказал О'Райли, выходя из-за угла и наводя на них винчестер.

Они успели обернуться к нему, но встать с колен ирландец им не позволил.

ПОЛКОВНИК НА ОХОТЕ

Поднимаясь по трухлявой лестнице на крышу заброшенного дома, полковник сдвинул шляпу за спину, чтобы протиснуться в узкое отверстие между досками. Он высунулся по грудь и оперся локтями на покатую крышу, наведя винчестер на бандитов, которые сбились в кучу на другом конце улицы. Отсюда ему трудно было различить их лица, но сейчас это не имело значения. Любой из них был приговорён к смерти, и надо было только не промахнуться и набить их отсюда как можно больше, пока они не разбежались.

Можно было стрелять и в спину, но он подождал, пока они развернутся. Ему было нужно, чтобы они заметили, откуда он стреляет. И когда они развернулись, он первым выстрелом ссадил с коня Санчо Переса. Второй выстрел оказался неудачным, третий попал в лошадь. «Достаточно», — решил полковник.

Пока не осела пыль, поднявшаяся в конце улицы, они его не увидят. Он опёрся ладонями на шершавые доски и резко выпрямил руки. Его тело оказалось тяжелее, чем он

рассчитывал, но всё же выскользнуло наружу. Он шагнул вверх, уцепился за верхний брус, торчавший рядом с обвалившейся печной трубой, и перебросил тело на другой скат крыши. По нему он и сполз ногами вперёд до водосточного желобка, и прогнившие доски рассыпались в мелкие зелёные щепки, как только он надавил на них каблуками. Но он и не собирался здесь задерживаться.

Полковник прыгнул на землю, оказавшись в соседнем дворе. В окне мелькнуло чьё-то лицо, и тут же спряталось за занавеской. Полковник перебежал двор, отпер дощатую калитку и осторожно выглянул на улицу.

На крыше щёлкнула первая пуля, угодившая в трубу. Вторая чиркнула по доскам и, завывая, улетела. «Отлично, – полковник похвалил бандитов. – Постарайтесь попасть в отверстие посредине ската. Я был там совсем недавно».

Он примкнул плечевой упор к своему кольцу, а «веблей» переложил в боковую кобуру слева. Свой винчестер он аккуратно положил на землю у самого забора. Если придётся возвращаться тем же путём, он может пригодиться. Но лучше обойтись той дюжиной патронов, которые сейчас ждали своего часа в барабанах его револьверов.

Выстрелы бандитов хлопали все чаще, и пули стучали по доскам крыши, радуя полковника. А вот раздался выстрел ирландца – он прозвучал приглушённо, и полковник понял, что ирландец стрелял из-за укрытия. «Надеюсь, не промахнулся? – подумал полковник. – Только не подсчитывай цену своих мишеней, мой мальчик. Потом сочтёмся».

Он дошёл до угла. Здесь кончался забор, и надо было пересечь улицу, чтобы оказаться под защитой следующего забора.

Полковник поглубже надвинул шляпу и отошёл на три шага назад, чтобы разбежаться. Низко пригнувшись, он кинулся через улицу. На бегу повернув голову, он заметил три фигуры, прижавшиеся к стене дома с поднятыми револьверами. Они все ещё стреляли по крыше. И, судя по всему, не заметили полковника.

Следующий забор оказался гораздо короче, и он завернул за него, чтобы зайти в тыл к стрелкам. Он успел сделать только два шага, как из-за угла показалась чья-то спина, обтянутая черным замшевым жилетом и перепоясанная патронташем. Полковник вскинул кольт и навёл блеснувший шарик мушки прямо на шов посредине спины. Он выстрелил и сразу присел на одно колено, потому что из-за того же забора вдруг вытянулась рука с револьвером. Из ствола вырвалась вспышка, потом вслед за рукой показалось плечо и бок противника. Пуля ударила в забор над головой полковника в тот момент, когда он навёл мушку на это плечо. Он нажал спуск, вскочил и отпрыгнул в сторону, взводя курок левой рукой, и снова выстрелил в бок противнику, пятясь, шагнул за угол и прижался спиной к забору. Он прислушался. Рядом громко застонал раненый. Стон оборвался изумлённым вздохом – и наступила тишина. Полковник снял шляпу и, держа её за поля, немного выставил из-за угла.

Хлопнул выстрел, и невидимая сила вырвала шляпу из руки полковника. Он рухнул на землю и вытянул руку с револьвером за угол, нажав на курок. Потом осторожно выглянул, касаясь подбородком земли. Шагах в десяти от него на земле лежали два бандита. Один в чёрном жилете, тот, которого он убил первым выстрелом. Второй в красной рубахе. Под ним быстро расплзлась лужа крови.

Полковник встал, отряхнулся, поднял с земли шляпу. Пора навестить Индию. А с остальными справится ирландец.

Он не успел надеть шляпу, как вдруг почувствовал, что сейчас его убьют.

Со шляпой в руках он кинулся под забор, и тут же на него посыпались осколки отбитой глины. Пули щёлкали по доскам и отскакивали, завывая. Полковник быстро полз на локтях под защиту поваленного корыта, и пули сопровождали его, взрываясь в песке.

«Все правильно», – осудил себя полковник. «Не надо было стрелять в спину. Не сдержался, вот теперь и расплачивайся...»

За корытом он перевернулся на спину и быстро вытолкнул пустые гильзы. Когда он вставил первый патрон, стрельба возобновилась с прежней силой, и пули молотили по

долблёному корыту, выламывая из него щепки. Второй патрон, третий... Десять, одиннадцать... Полковник машинально считал выстрелы противника. Последний патрон. Семнадцать, восемнадцать... остановились. Их трое, понял он. Трое с шестизарядниками. И сейчас все трое торопливо перезаряжают свои револьверы.

Он откатился в сторону, вскочил и, низко пригибаясь к земле, почти падая, отбежал за угол. Но тут же вышел на середину улицы, держа кольт у плеча и нацелившись на верхний край забора. Он помнил, откуда по нему стреляли. Сейчас они вылезут. Они будут готовы продолжить охоту, не зная, что сами уже превратились в мишень.

И вот над краем высунулась первая фигура. Полковник подвёл под неё мушку, но не спешил стрелять, чтобы не спугнуть остальных. Показалась вторая, и он выстрелил. Взял курок. Отвёл ствол чуть вправо и снова нажал на спуск. Ещё вправо – и третий выстрел.

Третий противник успел выстрелить одновременно с ним, и полковник почувствовал, как что-то дёрнуло его за полу сюртука.

Он отпрыгнул за забор и ощупал бедро. Пуля разорвала карман, и полковник тихо возрадовался тому, что успел переложить свой «веблей» из кармана в кобуру из-под колты.

Где-то ударили ещё два выстрела, им ответил один.

«Пора навесить Индио», решил полковник. «Если он ещё не убежал, я найду его в сарае рядом с сейфом. Он наверняка считает это место самым надёжным».

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАСЧЁТ

Сидя в сарае рядом с пустым сейфом, Индио прислушивался к выстрелам. Он знал, что бандиты разобьются на пары, когда примутся ловить беглецов в лабиринте узких улочек. Услышав два выстрела подряд, он понимал, что это стреляли бандиты. А когда слышался одиночный выстрел, это был ответ кого-то из беглецов.

Индио ждал того момента, когда выстрелы отдалятся на другой конец городка. Вот тогда и надо будет выбираться отсюда. Не раньше, но и не позже. Хуже всего было бы дожидаться, когда выстрелы замолкнут окончательно. Потому что тот, кто победит в этой перестрелке, захочет поделить добычу по-новому.

За дверью сарая послышались неуверенные тяжёлые шаги.

– Нино, это ты? – спросил Индио.

– Я... – прозвучал за дверью низкий хриплый голос Нино.

Голос звучал так, словно Нино тянул за собой какую-то невероятную тяжесть. «Что он принёс?», подумал Индио и выбрался из-за сейфа. Он подошёл к двери и потянул её на себя.

Нино, пошатываясь, стоял на пороге сарая, держась обеими руками за горло. Глаза его вылезали из орбит и смотрели в разные стороны.

– Да что с тобой? – недовольно спросил Индио.

– Я... умер, – прохрипел Нино, разжимая руки, и изо рта у него хлынула чёрная маслянистая жижа. Он повалился назад, с громким хлопком раскинув руки по сторонам. Его синяя рубашка была на груди чёрной от крови.

Индио быстро огляделся и хотел юркнуть обратно в сарай, но усталый голос Грогги остановил его:

– Стоять. Не дёргайся, Индио.

На стене сарая появилась тень, потом Индио услышал, как Грогги спрыгнул с забора на землю.

– Не шевелись, Индио. Вот так...

По звукам за спиной Индио понял, что Грогги снял висевший на стене пояс с оружием.

– Твой кольт тебе больше не понадобится. Стоять! Наверно, у Нино был очень слабый слух. Я же ясно сказал ему, не шевелись. А он меня не послушал. Но у тебя с ушами всё в порядке, я надеюсь. Ты меня хорошо слышишь?

– Брат, к чему это всё? – спросил Индио. – Я тебя не понимаю. До сих пор у нас всё было честно.

– Да, до тех пор, пока ты не припрятал наши денежки! – Грогги сорвался на крик, но тут же понизил голос. – И теперь будет честно, если эти денежки от тебя уплывут.

– С чего ты взял, что я их спрятал? – спросил Индио. – Где я могу спрятать миллион долларов? И зачем мне это нужно? Сам подумай, Грогги. Если я украду ваши деньги, вы станете моими врагами на всю жизнь. И даже если я смогу убежать от вас с этими деньгами, вы всем расскажете об этом случае, и мне уже не будет места на земле. Разве не так?

– Тебе уже нет места на земле, потому что ты украл наши деньги, – сказал Грогги и ткнул его под лопатку стволом револьвера. – Показывай, где они.

– Я не знаю, где они, брат, – мягко сказал Индио. – Грогги, ты зря теряешь со мной время. Если денег нет, значит, их забрали те двое. Почему бы тебе не спросить у них, куда делись деньги?

– А почему бы тебе не спросить у них? – засмеялся Грогги. – Они твои друзья, это ты принял их к нам. Я даже думал сначала, что вы все трое в сговоре. Но теперь-то мне всё ясно.

– Что тебе ясно?

– Нет у них никаких денег. Если бы у них лежал миллион долларов под задницей, они бы неслись быстрее ветра. А они вернулись. Догадайся, за чем? Значит, деньги остались где-то здесь. И ты мне их сейчас отдашь.

– Хорошо, брат, – печально произнёс Индио, – если ты не веришь мне, Бог тебе судья.

– Я буду отстреливать тебе один палец за другим, – предупредил Грогги. – Ты все равно скажешь мне, где они лежат.

– Не скажу, – покачал головой Индио.

– Скажешь, – пообещал Грогги. – А ну, ложись мордой вниз. Руки за спину. Вот так.

Он живо скрутил Индио руки за спиной и принялся рыться в сарае. Слышно было, как он вспарывает мешки с зерном, как срывает со стен луковые связки, как переворачивает корзины.

Индио лежал так долго, очень долго. Тень от высокого забора стекла со стены сарая и подобралась к нему, а потом уползла к середине двора. Солнце жгло его спину и горячим чугуном давило на затылок. Индио повернул голову в другую сторону, но там лежал Нино, над ним кружились огромные мохнатые мухи, и они стали перелетать к Индио и садиться липкими лапками на его потный лоб. Он затряс головой, как собака, сгоняя мух, и снова уткнулся лицом в песок.

В сарае всё стихло, и наконец, Грогги вышел оттуда. Он весь был в муке и луковой шелухе.

– Брат, ты слышишь? – спросил Индио.

– Ничего я не слышу, – злобно огрызнулся Грогги.

– Вот и я ничего не слышу, – сказал Индио. – Это очень плохо, брат. Очень, очень плохо, что мы уже не слышим выстрелов.

– Что? – Грогги застыл на месте, оглядываясь.

– Ты всё время хотел посмотреть, как стреляет ирландец, – напомнил Индио. – Кажется, он показал это всем твоим парням. Остался только ты. И я.

– Так не бывает, чтобы двое устояли против восьми, – неуверенно сказал Грогги. – Мои парни накормили их свинцом, вот почему выстрелы прекратились.

– Может быть. Давай подождём немного. Хочешь спор? Ставлю свои часы против твоих, что скоро сюда придёт ирландец, а не твои парни.

– У меня нет часов.

– Я знаю, – сказал Индио.

Он повернул голову, пытаясь стряхнуть прилипший на лицо песок.

– Подонки, ослы... Не могли справиться с двумя городскими хлыщами, – злобно бормотал Грогги, обводя револьвером край забора, словно ирландец должен был обязательно показаться над ним, а не войти в ворота.

– Если ты развяжешь меня, нас будет двое, – сказал Индио.

– Хорошо, – нехотя согласился Грогги. – Вдвоём спокойнее. Но на этот раз

договоримся по-другому. Я знаю, что деньги здесь. Но ты скорее сдохнешь, чем отдашь их. Поэтому предлагаю их поделить. Согласен?

– Это другой разговор, брат, – сказал Индио.

– Делим так. Три четверти мои, четверть твоя.

– Пусть будет так, – Индио выплюнул песок.

Он старался всегда и со всеми оставаться честным. Он пообещал, что инженер получит деньги – и инженер их получил. Грогги предложил договориться, и он с ним договорился.

Правда, Грогги не знал об одной маленькой хитрости. Если человек солгал, ему надо очистить рот песком. Индио выплюнул песок, и снова стал честным человеком.

Грогги развязал ему руки и швырнул на землю пояс с кобурой.

– Вставай, нам надо найти этих подонков!

– Не спеши, брат.

Индио вынул кольт, осмотрел его и прокрутил барабан.

– Не спеши. Они сами к нам придут. Давай подготовимся к встрече.

– Я не буду сидеть под лавкой и дрожать как заяц! – выкрикнул Грогги. – Пойдём им навстречу! Сразимся лицом к лицу, как мужчины!

– Успокойся, брат, – мягко сказал Индио. – Когда мы с тобой были нищими, мы могли себе позволить такое безрассудство. Но сейчас у нас с тобой полные карманы денег. Больших денег, брат. Нельзя допустить, чтобы они достались кому-то другому.

Не дожидаясь ответа, он вошёл в дом и поднялся на верхнюю галерею. Грогги, тяжело дыша, ступал следом.

– Вот прекрасное место, – Индио лёг на тёплый деревянный пол галереи между мешками с рисом. – Отсюда мы видим всю улицу. И как только кто-нибудь на ней появится, мы его убьём. А другого пути у них нет. Ложись рядом, Грогги, не надо так долго стоять на виду.

– И долго мы будем так валяться? – недовольно проворчал Грогги, устраиваясь рядом с Индио. – Тут ни воды, ни патронов. Если они начнут нас выкуривать отсюда, мы долго не продержимся.

– Конечно, они могли бы поджечь дом, – рассуждал Индио. – Я бы на их месте обязательно пустил красного петуха. Но они этого не сделают, Грогги. Знаешь, почему? Потому что тогда сгорят и деньги.

– Может быть, нам с ними поделиться? – неуверенно спросил Грогги. – Денег много, хватит на всех. Дадим по двадцать тысяч каждому. Неужели им того будет мало?

– Не жалко? – Индио рассмеялся. – Я всегда знал, что ты щедрый парень.

– Денег, конечно, жалко, – сказал Грогги. – Но время дороже денег. Если мы с ними договоримся, я уже завтра буду в Мексике. А ты куда пойдёшь? К себе в Оклахому?

– Да, конечно. Конечно, брат...

Индио специально устроился между мешками так, чтобы Грогги мог лечь только справа от него. Теперь оставалось только дожидаться удобного момента и выстрелить ему в бок. Каким бы он ни был быстрым, а от выстрела в упор ещё никто не уворачивался.

Но когда этот момент наступил, Индио не успел выстрелить. Потому что со стороны улицы послышался голос «инженера».

– Индио! – властно звучал голос. – Выходи, Индио. Это я, Дуглас Мортимер. Я пришёл за тобой.

Грогги приподнялся, вытягивая шею:

– Вот подонок! Он стоит за домом, там, где калитка. Индио, почему ты решил, что они придут к нам с этой стороны? И я, как последний дурак, тебе доверился!

Индио встал и ещё раз прокрутил барабан револьвера.

– Стой, ты куда? – зашептал Грогги и приподнялся на локте. – Пригнись, Индио! Он думает, ты один. Давай его окружим. Подходи к калитке, отвлеки его. А я перелезу через забор на улицу и зайду ему сбоку. Тут ему и конец.

– Толково придумано, брат, – тихо сказал Индио.

Грогги скинул сапоги, чтобы не стучать каблуками по гулким доскам галереи, и босиком, пригибаясь, подкрался к забору. У самого забора он оглянулся к Индио и похлопал себя по губам, призывая того подать голос, чтобы отвлечь «инженера».

– Индио, выходи! – снова прозвучал властный голос.

Индио едва приоткрыл калитку и заглянул в узкую щель. Инженер, назвавшийся Дугласом Мортимером, стоял, держа двумя руками у плеча свой длинный револьвер. Мортимер... Что-то знакомое. Индио едва умел читать, он никогда не держал в руках ни книги, ни газеты. Но это слово, Мортимер, он явно где-то прочитал, а не услышал... И оно часто мелькало у него перед глазами... Он опустил глаза на свой револьвер, и глаза сами нашли надпись, выбитую на стволе: «Кольт Фронтис Сикс Шутер»³⁵. Не то. Где же он видел это слово?

Шёпот Грогги заставил его очнуться:

– Ты готов, Индио? Отвлеки его. Я пошёл!

Он увидел, что Грогги стремительно и ловко, как большая чёрная кошка, взметнулся на забор. Резко хлестнул выстрел. Индио толкнул ногой калитку и вскинул кольт.

Этот Дуглас Мортимер ещё не успел повернуться к нему, его длинноствольный револьвер, сочась дымом, всё ещё был направлен туда, куда свалилось с забора тело Грогги, секунду назад такое ловкое и сильное, а сейчас похожее на кучу тряпья. Секунду назад... Какими длинными иногда бывают секунды... Индио успел навести кольт на руку противника и выстрелить, и с ликованием увидел, что револьвер с плечевым упором вырвался и отлетел на несколько шагов в сторону.

– Стоять, инженер! – крикнул Индио. – Не дёргайся, и я не убью тебя!

Инженер медленно опустил руки.

– Только не дёргайся! – ещё раз выкрикнул Индио, приближаясь к нему и целясь прямо в лицо. Он уже решил, что убьёт инженера так, как любил больше всего, выстрелом в глаз. А потом подойдёт и выстрелит во второй глаз. Чтобы все знали потом, что здесь был Индио. – Не шевелись, и останешься живым.

– Стреляй, не бойся, – насмешливо попросил инженер. – Впрочем, если не уверен, подойди ещё ближе. Я не шевелюсь, ты не промахнёшься.

– Что? – Индио остановился. – Я никогда не промахиваюсь, сеньор инженер. Как, ты сказал, тебя зовут? Мортимер? С чего ты взял, что мы знакомы?

– Говорят, у тебя есть золотые часы...

– Часы?

«Часы!» – вспомнил Индио. – «Это написано на крышке часов! Нет... Там что-то совсем другое... Какая-то Дженни...»

– Да, Индио, часы, – сказал инженер. – И если бы ты умел читать, то фамилия Мортимер была бы тебе знакома. И если бы ты умел читать, то постарался бы держаться подальше от людей с такой фамилией.

– С чего ты взял, что я не умею читать! – презрительно ответил Индио. – Думаешь, ты один такой умник? Если ты такой умник, то почему стоишь с пустыми руками? Значит, невелика радость быть Мортимером, а лучше всего быть Индио! А ну, подними руки, да повыше!

Держа инженера на мушке и не сводя с него глаз, Индио полез левой рукой в карман и нащупал часы, не удержался и посмотрел на золотую крышку. Ну, так и есть – надпись полукругом. «Моей взрослой Дженни от отца». И ниже... Вот оно! Подпись! «Дуглас Мортимер»... Дуглас Мортимер!

Он поднял глаза и увидел, что Дуглас Мортимер стоит на одном колене, вытянув руку, и из руки прямо в глаза Индио летит что-то сверкающее, ослепительное, заслоняющее собой

³⁵ Six Shooter – «шестизарядник», фабричное тиснение на стволе револьвера Кольт «Фронтис», модель 1872 г.

весь мир...

КАК ОТМЫВАЮТ ДЕНЬГИ?

Индио запрокинул голову, словно от хорошего удара в подбородок, и попятился, оседая с каждым шагом, пока не упёрся спиной в забор. Здесь он остановился, вздрагивая и хватаясь висящими руками за каменную стену.

Если бы полковник Мортимер своими глазами не видел, как пуля из его «веблея» пробила Индио лоб, то сейчас он мог бы подумать, что противник только ранен.

Но противник был мёртв. Это мертвец скрёбся пальцами по забору. Это у мертвеца ноги скользнули вперёд. И мертвец остался сидеть на земле под забором, опустив на грудь пробитую голову. На белой стене остались грязные полосы от его пальцев. А из головы на грудь потянулась вязкая блестящая струйка.

– Bravo, полковник, – раздался голос О'Райли. – Я поставил на вас. И мог бы выиграть.

Он тяжело спрыгнул с забора и подошёл к полковнику.

– Где ты был? – спросил полковник Мортимер, поднимая с земли свой кольт. – Я уже начал беспокоиться.

– Сидел спокойно на заборе и держал этого психа на мушке. Знаете, какая это мука, полковник? Он так хорошо стоял! Но я помнил наш уговор, полковник, и сдержался, не выстрелил, – сказал О'Райли гордо.

– Кажется, такое с тобой случается нечасто?

– Первый раз в жизни, – признался О'Райли.

Он наклонился над трупом Индио и подобрал с земли часы. Щёлкнул крышкой, открывая их, прочитал надпись, глянул на циферблат. На внутренней стороне крышки О'Райли увидел портрет улыбающейся девушки.

– Как я понимаю, ваша дочь? – он закрыл часы и протянул их полковнику.

– Ты правильно понимаешь.

– Значит, вы хотели отомстить? – спросил О'Райли.

– Значит, так.

О'Райли задумчиво толкнул носком сапога Индио в висок, и тот повалился набок, как мешок с зерном.

– Значит, просто месть... Отмщение. Да ещё с убийством. К тому же не один раз. По совокупности тянет на смертный грех, между нами говоря. А как же ваша вера? Вы же так красиво все излагали. Хреновый из вас проповедник, господин полковник. Правильно говорят. Под личиной благочестия скрываются ужасные пороки.

– Кто это говорит? – поинтересовался полковник Мортимер.

– Знающие люди говорят, – О'Райли сплюнул в сторону и схватил труп за ворот рубахи. – Ну что, сочтёмся, полковник? Этот ваш, но так и быть, я погружу его вместе со своими.

Он поволок труп за собой во двор к фургону. Убитых бандитов надо было загрузить как можно скорее, пока они не окоченели, и пока на улицы не высыпали вездесущие детишки. По этой же причине, то есть из-за детишек, полковник с О'Райли тщательно осмотрели все закоулки в поисках брошенного оружия.

Они запрягли в фургон четвёрку, а остальных лошадей оставили в конюшне. Когда фургон с трупами отъедет, и жители городка осмелятся наконец высунуть нос наружу, им будет приятно обнаружить, как выросло городское поголовье.

Добравшись до зарослей высохшего тростника, полковник и ирландец разыскали своих коней. Мортимер забрался в седло, О'Райли привязал к фургону свою аппалузу, которая радостно взбрыкивала и толкала его носом, приветствуя хозяина.

– Итак, мой мальчик, здесь мы расстанемся.

– Почему, полковник? – удивился О'Райли. – А кто же будет предъявлять шерифу голову Индио?

– Ты сам это сделаешь не хуже меня, – усмехнулся полковник. – Только следи, чтоб тебя не обсчитали. Кстати, чем это у тебя так воняет?

– А чем по-вашему может пахнуть полный фургон мертвецов, – недоуменно пожал плечами О'Райли.

– Нет, послушай, это же воняет свиной навоз! Прямо из-под тебя! – полковник брезгливо ткнул сапогом по ящику, на котором сидел О'Райли.

– Подумаешь, – О'Райли щёлкнул вожжами, и фургон тронулся, заскрипев колёсами. – Это сумка с деньгами так пахнет. Индио нашёл самое подходящее место для неё – в навозной куче. А если банкирам запах навоза не нравится, пускай сами свои деньги и отмывают.

Полковник засмеялся.

– Отмоют. Но ты всё же проследи, чтобы тебе заплатили из другого сейфа. Счастливо, мой мальчик.

– Счастливо, полковник.

Фургон, скрипя и погромыхая, покатился на запад, в сторону Эль Пасо, а вороной жеребец полковника понёс его на восток, к Сан-Антонио. И они уже успели отдалиться, как вдруг фургон остановился, и О'Райли засвистел полковнику, размахивая ему шляпой.

– Полковник! Полковник!

– Что? – донёсся голос издалека.

Жеребец крутился на месте, взбивая пыль, недовольный тем, что его снова остановили, когда он только-только разогнался после долгой стоянки.

– Полковник, а как же наши совместные проповеди?

– В следующий раз! – полковник махнул ему рукой, и жеребец пустился вскачь.

О'Райли надвинул шляпу на лоб, хлестнул вожжами, и фургон покатился по пустынной дороге. «Десять за Индио, по две за Скрипача и Чёрного, – считал про себя О'Райли. – Чёрного не считаем, его уже сожрали койоты. Обидно. Так, начинаем сначала. Десять за Индио, две за Скрипача, по тысяче за Грогги, Клопа и Косого... На ферму должно хватить. Но это смотря какая ферма...»